

С. Торайғыров атындағы Павлодар мемлекеттік
университетінің ғылыми-көпшілік журналы

Научно-популярный журнал Павлодарского
государственного университета им. С. Торайгырова

2001 жылы құрылған
Основан в 2001 г.

ӨЛКЕТАНУ КРАЕВЕДЕНИЕ

4 2010

ӨЛКЕТАНУ - КРАЕВЕДЕНИЕ

СВИДЕТЕЛЬСТВО

о постановке на учет средства массовой информации
№ 2276-Ж

выдано Министерством культуры, информации и общественного согласия
Республики Казахстан
1 сентября 2001 года

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Арын Е.М., д-р экон. наук, проф. (главный редактор)
Кадысова Р.Ж., д-р. ист. наук, проф. (зам. гл. редактора)
Рахимов Е.К. (отв. секретарь);

Члены редакционной коллегии:

Абжанов Х.М., д.и.н., профессор;
Абусеитова М.Х., д.и.н., профессор;
Абылхожин Ж.Б., д.и.н., профессор;
Аженов М.С., д.с.н., профессор;
Алдабергенов К.М., д.и.н., профессор;
Артыкбаев Ж.О., д.и.н., профессор;
Асылханова Г.Ж., д.с.н., доцент;
Биекенов К.У., д.с.н., профессор;
Исмагулов О.И., д.и.н., профессор;
Кабульдинов З.Е., д.и.н., профессор;
Мамытова С.Н., к.и.н., доцент;
Самашев З.С., к.и.н., профессор;
Симонов С.Г., д.с.н., профессор;
Силин А.Н., д.с.н., профессор;
Толубаев А.Т., д.и.н., профессор;
Таитемханова Р.М., д.и.н., профессор;
Шеломенцева В.П., д.с.н., профессор;
Айтжанова Д.Н. (тех. редактор).

За достоверность материалов и рекламы ответственность несут авторы и рекламодатели.
Мнение авторов публикаций не всегда совпадает с мнением редакции.
Редакция оставляет за собой право на отклонение материалов.
Рукописи и дискеты не возвращаются.
При использовании материалов журнала ссылка на «Өлкетану - Краеведение» обязательна.

© ПГУ им.С.Торайгырова

МАЗМҰНЫ

КЛАССИКТЕР ҚАЗАҚ ХАЛҚЫ ТУРАЛЫ

Ш.Ш. УӘЛИХАНОВ

Еңбектерінен үзінділер

(ғұламаның 175-жылдық мерейтойына орай).....9

ТАРИХ ҒЫЛЫМЫНЫҢ ӨЗЕКТІ МӘСЕЛЕЛЕРІ

Е.А. ӘБІЛ

XIX ғасырдың бірінші жартысында Солтүстік

Қазақстандағы саяси үрдістер: теориялық аспектілері.....19

С.Н. МАМЫТОВА

Мәшһүр Жүсіп Көпеевтің тарихи

мұрасы тарихнамасынан.....25

А.Ж. ЕРМАНОВ, М.Г. КАЧАНОВСКАЯ

XVI ғ. соңы мен XVII ғ. Батыс Сібірдің оңтүстігі мен

Павлодар-Ертіс өңіріне тигізген еркін-казактық

әрекеттердің ықпалы31

Б.Н. АБДРАХМАНОВ, С.Ж. РАҚЫМЖАНОВА

Ұлы Отан соғысы жылдарында КСРО-ның еңбек

резервіндегі неміс қоныстанушылардың іс-әрекеттері

(Павлодар облысы мысалында).....37

Н.Е. КУЗЕМБАЕВ

Мұсылман, батыс еуропалық және көне орыс деректері

бойынша қыпшақ тайпаларының

қоныстану географиясы.....43

ТАРИХИ ТҰЛҒАЛАР

Е.К. РАҚЫМОВ

Лайықты жиені (М. Шорманов пен Ш.Ш. Уәлихановтың

қарым-қатынасы жөнінде).....50

ӨЛКЕТАНУ ЖАҢАЛЫҚТАРЫ

С. ЖАҚСЫБАЕВ

Қазақ шежірелеріне қысқаша шолу.....56

В.Н. АЛИЯСОВА

Павлодар және Семей Ертіс өңірлерінде

өлкетанушылық қозғалыс69

Е.Қ. ӘБЕУОВА

Шығыс-Қазақстан облысы Абай ауданының

«әулие» ескерткіштері.....74

ЭТНОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ ЖӘНЕ АНТРОПОЛОГИЯ:
ЗЕРТТЕУЛЕР, ӘДІСТЕР МЕН ТӘСІЛДЕР

А.А. ЖҰМАШОВА

*Алғашқы қауымдық қоғамдарындағы әйелдердің
әлеуметтік-мәдени дәрежесі.....80*

А.А. КИЛЬДЮШЕВА

*Элиталар және әліпбилер. Қазақстандағы тіл мәселесінің
хал-ахуалы.....89*

С.А. МАХАЛОВ

*Саратов облысы Петров ауданы мордваларының қоныстары,
тұрғын және шаруашылық құрылыстары.....100*

ШЕТЕЛ ӘРІПТЕСТЕРІМІЗДІҢ ЗЕРТТЕУЛЕРІ

И.А. КАНДРИНА

*Мордовия Республикасы халықтарының дәстүрлері және
отбасы денсаулығы: мәселенің тарихына орай.....115*

СОДЕРЖАНИЕ

КЛАССИКИ О КАЗАХСКОМ НАРОДЕ

Ч.Ч. ВАЛИХАНОВ <i>Отрывки из работ (к 175-летию со дня рождения выдающего ученого)</i>	9
---	---

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

Е.А. АБИЛЬ <i>Политические процессы в Северном Казахстане в первой половине XIX века: теоретические аспекты</i>	19
С.Н. МАМЫТОВА <i>Из историографии исторического наследия Маихур-Жусупа Копеева</i>	25
А.Ж. ЕРМАНОВ, М.Г. КАЧАНОВСКАЯ <i>Вольно-казачье воздействие на территорию юга Западной Сибири и Павлодарского Прииртышья в кон. XVI-XVII вв.</i>	31
Б.Н. АБДРАХМАНОВ, С.Ж. РАХИМЖАНОВА <i>Деятельность немцев-переселенцев в трудовом резерве СССР на примере Павлодарской области в годы Великой Отечественной войны</i>	37
Н.Е. КУЗЕМБАЕВ <i>География расселения кипчакских племен по данным мусульманских, западноевропейских и древнерусских источников</i>	43

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕРСОНАЛИИ

Е.К. РАХИМОВ <i>Достойный племянник (о взаимоотношениях М.Шорманова и Ч.Ч. Валиханова)</i>	50
---	----

НОВОСТИ КРАЕВЕДЕНИЯ

С. ЖАКСЫБАЕВ <i>Краткий обзор казахских шежире</i>	56
В.Н. АЛИЯСОВА <i>Развитие краеведческого движения и коллекционирования в Павлодарском и Семипалатинском Прииртышье (конец XIX – первая половина XX в.)</i>	69
Е.К. АБЕУОВА <i>«Святые» памятники Абайского района Восточно-Казахстанской области</i>	74

**ЭТНОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ:
ИССЛЕДОВАНИЯ, МЕТОДЫ И ПОДХОДЫ**

А.А. ЖУМАШОВА
*Национальное наследие: ювелирные изделия, найденные
в Отырарском оазисе.....80*

А.А. КИЛЬДЮШЕВА
*Социокультурный статус женщин
в первобытных обществах.....89*

С.А. МАХАЛОВ
*Мордва Петровского района Саратовской области:
поселения, жилые и хозяйственные постройки.....100*

ИССЛЕДОВАНИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ КОЛЛЕГ

И.А. КАНДРИНА
*Традиции и здоровье семьи народов Республики Мордовия:
к истории вопроса115*

CONTENTS

CLASSICS ABOUT KAZAKH PEOPLE

CH.CH. VALIKHANOV

*Fragments from works (to the 175 anniversary from the date of a birth of the giving out scientist).....*9

ACTUAL PROBLEMS OF A HISTORICAL SCIENCE

E.A. ABIL

*Political processes in Northern Kazakhstan in first half of XIX-th century: theoretical aspects.....*19

S.N. MAMYTOVA

*From a historiography of a historical heritage of Mashhur-Zhusup Kopeev.....*25

A.Z. ERMANOV, M. KACHANOVSKY

*The Free-Cossack influence on territory of the south of Western Siberia and Pavlodar Priirtyshje in to. XVI-XVII centuries.....*31

B. N. ABDRAHMANOV, S. RAKHIMZHANOVA

*Activity of Germans-immigrants in a labor reserve of the USSR on an example of the Pavlodar area in days of the Great Patriotic War.....*37

N.E. KUZEMBAYEV

*Moving geography kypchak tribes according to Muslim, West European and Old Russian sources.....*43

HISTORICAL PERSONNEL

E.K. RAKHIMOV

*The worthy nephew (about M.Shormanova and C.C.Valihanova's mutual relations).....*50

NEWS OF STUDY OF LOCAL LORE

S. ZHAKSYBAYEV

*The short review Kazakh Shezhire.....*56

V.N. ALIYASSOVA

*The development of local lore movement and collecting in Pavlodar and Semipalatinsk Priirtyshie (the end of XIX – the beginning of XX-th century).....*69

E.K. ABEUOVA

*The «sacred» Monuments of Abaj area of the East Kazakhstan oblast.....*74

**ETHNOLOGY, ETHNOGRAPHY AND ANTHROPOLOGY:
RESEARCHES, METHODS AND APPROACHES**

A.A. ZHUMASHOVA
*National heritage: jewels found
in the Otyrar oasis.....80*

A.A. KILDJUSHEVA
*The social cultural status of women in primitive
societies.....89*

S.A. MAHALOV
*Mordvinians of Petrovsky area of the Saratov region:
settlements, inhabited
and economic constructions.....100*

RESEARCHES OF FOREIGN COLLEAGUES

I.A. KANDRINA
*Traditions and health of a family of the people of Republic Mordovia:
to the historical background115*

**ОТРЫВКИ ИЗ РАБОТ
(К 175-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ВЫДАЮЩЕГОСЯ УЧЕНОГО)**

Ұлы ғулама, энциклопедист Ш.Ш. Уәлихановтың еңбектерінен алынған үзінділер Ұлы жүз қазақтарының дәстүрлі материалдық мәдениетін сипаттайды. Бұл мақаланы біз ғалымның 175-жылдық мерейтойы аясында беріп тұрмыз.

Fragments from works of outstanding Kazakh thinker-Encyclopaedist C.C. Valihanova reflect traditional culture of Kazakhs of the Senior zhuz. The given selection is executed within the limits of celebrating of 175-year-old anniversary of the scientist

**О КИРГИЗ-КАЙСАЦКОЙ
БОЛЬШОЙ ОРДЕ**

Заилийский край занят двумя главными родами Большой орды: албанами и дулатами с частью чапраштов, никогда отсюда не выходивших на правый берег Или. На востоке в Илийскую долину иногда выходят дикокаменные киргизы из рода бугу, родовые кочевья которых находятся на юго-восточной стороне Иссык-Куля, а на западе – из родов султы и сарыбагыш, чьи кочевья находятся также на юго-западном берегу того же озера и в окрестностях Пишпека (укрепления, находящегося за Чу к принадлежащего ташкентцам). Западная граница кочевьев албанов есть р. Турген; они кочуют даже и в китайских владениях, платя последним ничтожную дань. К западу от албанов. т. е. от Тургена кочуют дулаты и чапрашты (смежно) до истоков р. Чу и далее за ней через р. Талас из ташкентских городов и укреплений.

Дулатовские кайсаки превосходят все другие роды [Большого жуза] как своею многочисленностью, так и воинственностью и богатством. Их в пять раз больше, чем албанов, в три раза, чем джалаилов, не говоря уже о других незначительных родах Большой орды. Некоторые поколения дулатов, албанов и большая часть чапраштов кочуют и на правой стороне Или. Оба эти рода еще делятся на несколько отделений и подразделений, но об этих разделениях будет подробнее объяснено в своем месте.

Заилийские кайсаки больше других находились под влиянием ташкентского владычества и, находясь в близком соседстве с отдельным независимым народом — киргизами (бурутами), принуждены были вести с ними борьбу, а потому до вступления русских войск за Или эти киргизы Заилийский край считали местом укравательства и оставались

безнаказанно. Ныне, с занятием пункта за Или, вследствие преследования за преступления эти буйные племена сделались более спокойными.

Древние насыпи и курганы в Заилийском крае свидетельствуют о древнем присутствии каких-то народов. Владения народов уйсунь, уйгуров, джунгар сменяли одно другое. Последний народ был завоеван китайцами в 1755 году, а все владения этого народа Китайская империя включила в свои пределы.

Большая орда, кочевавшая по Таласу и далее к Ташкенту, под начальством Аблай хана двинулась на восток и после удачной и продолжительной борьбы вытеснила их за Малый Алатау и заняла свои давние места. Итак, эти места, по сказаниям кайсаков вновь заняты Большою ордою у калмыков, и, следовательно, притязания китайцев на эту страну несправедливы, [так как] с появлением исконных жителей она стала независимою. Хотя до появления русских войск в этой части степи Большая орда и считалась под покровительством России с 1824 года, но китайцы не переставали посылать в Заилийский край свои отряды для сбора ничтожной дани до 1840 г., в который они потерпели горестное и плачевное поражение от здешних чапраштов при урочище Тирен-Узек.

Отряд состоял из трех тысяч китайцев и, собирая ясак, намеревался пробраться к ташкентскому аксакалу для

переговоров. Еще до сих пор китайцы не могут забыть этого поражения и с глубоким негодованием отзываются о всяком кайсаке чапраштинского поколения.

В это же время с запада с еще большим корыстолюбием беспокоили Большую орду их единоверцы — кокандцы, собиравшие с них зякет (подать). По всему видно, что это обременяло кайсаков и кокандцам нелегко было принудить ордынцев к добровольному платежу зякета. Они употребляли для этого военную силу. Равномерно кокандцы хотели военною рукою заставить и алатауских киргизов платить им зякет, но последние сильно сопротивлялись и, имея неприступные горные кочевья, остались независимыми. Я говорю это о бурутах, кочующих в верхних частях Иссык-Куля.

Кушпек, знаменитый и умный наместник Ташкента, сам ходил с большими отрядами в Большую орду и к киргизам. Он построил несколько укреплений; впрочем, еще до него в Заилийском крае около р. Каскелен ташкентским минбаши (тысячником) был построен в 1778 году ташкентский курган, но известнейший здесь варвар — султан Рустем изменнически перерезал воинов, и курган их разрушен был до основания. Развалины всех спих курганов до сих пор живо видны в Заилийском крае.

Впоследствии осталось только одно Тойчубеково укрепление, возобновленное в новейшее время, и через него действовали на сбор зякета. Но и оно в 1851 году под начальством

казачьего полковника Карбышева [было] разрушено русскими войсками. После этого сбор зыкета продолжался уже отрядами и то только около Чу.

До разрушения Тойчубековского замка в нем находилось постоянно человек 50 сартов (в черновом списке вместо сартов было кипчаков. Это более правильно. – ред. А.Х. Маргулан), которые вместо охранения спокойствия и сверх своей обязанности сами занимались грабежами караванов.

Прочное занятие пункта за Или в 1853 году русскими навсегда прекратило здешние беспорядки, и можно надеяться, что страна эта, через которую идут важнейшие пути в Кульджу, Кашгар и к горным киргизам, в скором времени зацветет своею торговлею и богатством.

СОСТАВНЫЕ ЧАСТИ КИРГИЗ-КАЙСАЦКОГО ПОРОХА

Составные части киргиз-кайсацкого пороха суть селитра (сор), уголь (кумур) и сера (кукурт).

Селитру киргиз-кайсаки собирают или с навоза давнишних зимовок или из земли старых «калмыцких» курганов, уголь употребляется исключительно из талового дерева, а сера употребляется русская, получаемая через торговцев татар, хотя и привозят сюда серу с ташкентского базара, но она признается слабою.

Положительно предполагая, что в «калмыцком» кургане в древности жили люди, кайсак берет мешок и наполняет его землею, испытыв

предварительно через брошенную в огонь горсть земли из второго слоя, заключается ли в ней селитренное начало, которое узнается по вспышке.

Набрав земли, он ставит казан (котел) на огонь, наполняет его, сколько нужно водою, всыпает в него собранную землю и кипятит до ключа. Земля остается на дне казана, а вода принимает желтый цвет. Вскипятив, таким образом, он снимает котел с огня и дает устояться, отчего земля, само собою, разумеется, отделившись от воды, садится на дно котла. После этого желтая жидкость тщательно процеживается: один раз через чистую кошму, чтобы земля не оставалась в воде, а после этого вода легко кипятится в чистом казане еще раз и выливается в чистое корыто или другой сосуд и прикрывается накладываемым крестообразно на поверхность жидкости тонким тростником (чием) с оставляемыми небольшими клеткообразными отверстиями. Селитра сама кристаллизуется, приставая к чию, и образуется много гвоздеобразных сосулеч длиною в вершок и менее, а толщиною в гусиное перо. Оставшаяся вода снова кипятится и снова выливается в корыто, что повторяется раз семь; от каждого приема кипячения и выстаивания желтой жидкости получается селитры всякий раз не менее одной глубокой тарелки.

Получив требуемое количество селитры, ее высыпают в чугунный котел и трут беспрестанно целые сутки булыжником или другим твердым камнем.

Приготовив селитру, смолотую до чрезвычайной мелкости, приступают к приготовлению угля, который исключительно выжигается из тала — дерева, признаваемого кайсаками самым мягким и годным для пороха.

Точно так же и уголь растирается в самый мельчайший, как селитра, порошок, на растирание которого, по словам кайсака, нужно пять человек, которые бы работали до усталости целый день.

Берут вески или меру и весят или меряют селитру, уголь и серу. Так, для получения двух с половиной фунтов пороха кладут один фунт селитры, полфунта угля и один фунт серы.

Вывесив эти составные части, их все вместе высыпают в котел, нагревают его до такой степени, чтоб высыпаемый состав не мог воспламениться, и трут его целые сутки, поддерживая через легкое вспыскивание водою постоянную влажность. Истерев все это в мельчайший порошок, который уже принимает цвет пороха, берут из гривы или хвоста лошади порядочный пук волос, которым и продолжают тереть состав до тех пор, пока не образуются крупинки величиною в просяное зерно, а во все время [порошок] слегка вспыскивают для влажности состава.

Образовавшийся требуемой величины порох отбирают от слишком крупного, который снова растирают камнем, снова вспыскивают и опять трут волосом до тех пор, пока получают порох требуемой величины крупинок. Оставшуюся мякоть, если

не хотят выкинуть ее, орошают слегка водою и потом также трут волосом. В заключение для очищения всего пороха от мякоти в хороший сухой день провеивают его на легком ветру, и порох уже делается годным к своему назначению и употреблению.

О ХЛЕБОПАШЕСТВЕ

Находясь под влиянием ташкентцев, кайсаки не могли не перенять у них хлебопашества, промышленности столь полезной и мирной для них.

Несмотря на усовершенствование у киргизов пахотных орудий, совершенно почти несоответствующих своему назначению, плодоносный грунт почвы в Большой орде всегда вознаграждает труд пахаря и вознаграждает удивительным урожаем. Многочисленность речек, вытекающих из главных хребтов гор: Кунгей-Алатау, Малого Алатау, Алтын-Эмеля и других, очень способствует орошению полей посредством водопроводов, или, так сказать, ирригационных каналов (арыков), совершенно неизвестных в России. Здесь летом бывает очень мало дождей, а при жаре, доходящей в июле до 40°, киргиз-кайсацкие пашни непременно выгорят без искусственного орошения их через арыки, которые здесь благодаря природному положению мест доведены до той степени совершенства, что при трудолюбии и старании кайсака-пахаря он, несмотря на жару, верно рассчитывает урожай на сам сорок (урожай баснославный). С первого раза

трудно поверить иногда, не удостоверясь лично, на какую высоту выводятся арыки, прорезанные по уступам больших увалов, сопок и возвышенностей. Сметливая на этот раз рука киргиз-кайсака очень хорошо проведет арык из речки, текущей в чрезвычайно глубоком рву; и трудно поверить, когда даже убедишься, что на одной версте вода своим непринужденным и свободным течением выведена кверху саженей на тридцать. Вывести ее из рва, какой бы он глубины ни был, для кайсака ничего не значит.

Мягкость грунта и в самом деле не требует здесь такой сохи, какая употребляется у нас в Сибири. Довольно куска железа очень малого размера, чтобы вспахать землю на такую глубину, от которой можно надеяться на урожай. Железо сохи (сошники) скорее походит на здоровый и массивный железный гвоздь, чем на соху. К дереву приделывается только одна часть сошника, а пахание производится двумя быками. Устраивать соху, как устраивают ее наши сибирские казаки, киргиз-кайсаки не умеет и боится колес, с которыми он совершенно не знаком.

В Большой орде сеют преимущественно просо, употребляемое киргиз-кайсаками зимою, когда они не имеют молока. Посев пшеницы китайской недавно введен здесь, но с некоторого времени киргизы, а особенно зажиточные, сеют пшеницу в достаточных размерах для своего существования.

Вообще хлебопашество появилось в Большой орде со времени Байкабыла, одного из главнейших родоначальников в роде джаньис в начале XVII столетия. Он первый начал пахать среди киргиз-кайсаков с помощью одного калмыка, бежавшего к нему от своих родоначальников. Род джаньис и по настоящее время признает себя первым по открытию хлебопашества и более других родов занимается этой промышленностью.

По рассказам почетных и пожилых ордынцев, пшеница привезена сюда из Кашгара через дикокаменных киргизов (бурутов), знакомых с пашнею с начала XVII века.

В Большой орде известны следующие семена: пшеница, просо, кунак, употребляемый осенью для закармливания лошадей, мусюй (джунурчка), вывезенный в позднейшее время из Китая, горох, ячмень, джасмык, зыгыр (лен), кукуруза (джугара) и кунджут из Китая.

Разведение ржи и хлопчатой бумаги также занимало некоторых старательных и богатых киргиз-кайсаков, но эти растения, как показали опыты, не могли созреть вовремя и были застигаемы холодными инеями августа месяца.

Из Ташкента завезено сюда искусство строить простые (без колес) мельницы; древности также оставили между кайсаками немало понятий об устройстве их, а два жернова, найденные в ущельях Большого Алатау, откуда вытекают рр. Алматы и Талгар, суть не что иное как остатки древних мельниц.

Кайсацкий серп немного согнутый, походит скорее на ножик; один кайсак при хорошем и густом урожае хлеба выжинает в день самое большее 25—30 снопов, величины три четвертых в округности.

Молотьба хлеба производится волами (в других районах хлеб молотили с помощью в ряд поставленных лошадей, а нередко и верблюдов. - ред. А.Х. Маргулан), которые гоняются целый день по хлебу, уложенному на земляном гумне.

Гумно устраивается на глиняном грунте, для чего предварительно орошается то место водой, утаптывается, а потом просушивается. Смотря по средствам, кайсак заводит на гумне [определенное число] волов, но я не видал меньше шести.

Вытопанный хлеб при легком ветре провеивается обыкновенным образом. Если ветра нет, то кайсак прибегает к всему подручному средству: один взбрасывает кверху зерно, а двое, трое или более машут мешками и производят движение в воздухе, через которое зерно провеивается. Но это редкие случаи, к которым кайсак прибегает в крайности, когда ему нечего есть, а то он терпеливо дожидается ветра, который здесь дует, не скупясь.

Рассчитав количество проса или другого хлеба, нужного киргиз-кайсаку на зиму, он везет в аул это количество, где просо поступает в распоряжение его жены, которая обязана все очистить от шелухи. Для этого просо [недолго] жарят в чугунном

котле, толкут в ступке и потом очищенное и поджаренное [зерно] складывают в кабы (особые для этого [сделанные], крепкие шерстяные мешки).

Остальной лишней запас сырого проса на пашне же зарывается в ямы и засыпается землей, где хранится или всю зиму или до первой надобности зимой.

Заканчивая кратким обзором эту статью, можно заметить, что в Большой орде, более чем где-либо развиты понятия о садоводстве и огородничестве.

Разведение виноградников, урюка, яблонь и других фруктовых деревьев, конечно, передано кайсаку или из Ташкента, где эта промышленность развита хорошо, или из провинции Западного Китая, как-то: провинций Кульджинского и Кашгарского округов.

Нельзя сказать, чтобы садоводством уже занялись киргиз-кайсаки теперь только, начали заниматься этим некоторые ташкентские выходцы, именующие себя чала-казаками. Кайсаки охотно дают им свои земли и учатся искусству разводить сады.

Огородничество, можно сказать, и между кайсаками уже развито. Оно тоже перешло от ташкентцев. Гряд в огороде не делают таких размеров, как у нас, но делают маленькие, имеющие в длину два аршина, а в ширину полтора аршина. Полив гряд производится, как и на пашнях, арыками, [по] которым пускают [воду] по бороздкам огорода, огибающим зигзагом каждую грядку. На грядках, где сеют огурцы и арбузы, навоза не употребляют, а сажают простым

способом, как морковь и бобы, с той только разницею, что огурец и арбуз рассеивают редко.

Из огородных семян известны: огурец из Китая, доходящий длиною вершков до семнадцати и имеющий всегда не прямую, а неправильную форму. Семена в нем здесь редко созревают; он топок по длине и не будет так вкусен, как наш огурец. Дыни из Ташкента, Яркенда, Коканда; они очень вкусны, чрезвычайно большого размера и имеют форму огромной тыквы. Арбузы также хороши, их семена вывезены из Ташкента и частью из Китая. Здесь я не видел розовых арбузов. Они очень вкусны, сахаристы, желты и весят от 15 до 45 фунтов. Величина необыкновенная и походят по грубой коре также на тыкву.

Из других семян известны: тыква китайская, похожая на большую бутылку; эта тыква имеет длинное горло и киргиз-кайсаки употребляют ее как посудину, в которой можно возить жидкости; бобы, брюква, морковь желтая, репа, горох, табак китайский и многие другие.

Я не лишним нахожу здесь в заключение сказать несколько слов о пахарях и возделывателях пашен и огородов [игинчи] — классе киргиз-кайсаков, промысляющих целое лето и трудящихся до кровавого пота.

Игинчи никто иной как дневной и ночной работник, не знающий покоя. Днем он ходит по полосе, гоняет воробьев, а ночью караулит свою пашню или огород от скота. Он

никогда, кажется, не прикрывает своей жалкой наготы, и тело его от сильного летнего зноя доходит до невыразимой черноты и грубости.

Пища, разумеется, еще хуже, чем имел или имеет он в ауле; он терпеливо и безропотно довольствуется в день двумя небольшими чашками айрана (простокваши) — и другого кушанья вовсе не имеет.

Поливая через арыки пашню, он ходит по полосам ее с железною лопатою или киркою и на его обязанности лежит полоть одинаково все точки пашни, для чего он, где вода не может зайти свободно, заплескивает ее туда лопатою с терпением, занятым едва ли не у китайца.

Его летний труд признается оконченным уже тогда, когда хлеб будет вымолочен, сложен в мешки и им же перевезен в аул. Только в сентябре этот жалкий работник спит спокойно, забыв все лишения, какие претерпел он в продолжение лета.

ЮРТА

Юрта [ее устройство и убранство]. Дом киргиз-кайсака приспособлен к его кочевому быту; юрта, говоря о средней величине и тяжести ее, может поместиться на одном верблюде. Она состоит из тонких решеток и палок и нескольких войлоков. Первые служат ей основанием (остовом), вторыми она закидывается от дождя и мороза.

Деревянная часть юрты состоит из трех частей: кереге (решетка), уука

(стрелок) и чангарака (круг). Нижняя часть, или кереге, есть решетка, слегка скрепленная в перекрестках ремнями так, что удобно складывается, когда нужно везти юрту, и раздвигается, когда юрту ставят. Окружность юрты состоит от двух до восьми решеток, связанных вместе и называемых канат.

Ууки, или выгнутые стрелы, составляют свод юрты, нижние концы их привязываются к кереге, а верхние, заостренные, запускаются в дыры, пробитые на боку чангарак, составляющего самый венец юрты.

Чангарак называется деревянный круг, скрепленный несколькими выгнутыми кверху поперечинами. Он служит в юрте отверстием для прохода дыма и света и закидывается отдельной квадратною кошмою, по нужде снимаемой и закидываемой.

Войлоки, которыми закрывается юрта сверху, имеют различный вид и потому носят разные названия. Нижние кошмы, закрывающие кереге, называют туурлык; верхние, лежащие на стрелках, — узюк; кошма, имеющая четырехугольный вид с удлиненными концами, накидываемая на чангарак, называется тюндюк. Для выхода дыма из юрты в ненастную погоду тюндюк поднимается на бакан, т. е. жердь, которая зацепляется за угол его изнутри и подымается против ветра, чтобы заградить его. Особенный небольшой продолговатый войлок, подшитый чиём, закрывает дверь. Для большей

теплоты кереге одеваются снаружи между ним и кошмою еще чиём — тонким тростником, обмотанным разного цветного шерстью.

Ставить юрту — дело кайсацких жен. Да и нетрудно ее подставить: связать кереге, поднять чангарак на ууки, накинуть кошмы, обвязать все это двумя арканами, да вставить и привязать к краям кереге бруски дверей — и вся работа.

Окраины войлоков для прочности обшиваются джиеком, т. е. вязаною шерстяною кромкою, а нижние края узюка — особыми шерстяными, иногда суконными, разного цвета с фигурными клапанами, пришиваемыми за оба конца к кошме; под эти клапаны, отстоящие один от другого во всей окружности юрты на аршпн продевается особая широкая, красная шерстяная тесьма, называемая баскур, которая и укрепляет плотно узюк к дереву юрты. Иногда косяки дверей с обеих сторон убираются костяными резными фигурными изображениями или обиваются тонкими [пластинками] меди с выдавленными украшениями. Внутри богатые кайсаки юрту украшают шелковыми ташкентскими материями; такие чистые юрты обыкновенно изготовляются в приданце дочери и называются утау, их не выставляют зимой, чтоб не задымить, а можно видеть только летом и то [ставят их только] для дорогих гостей. Средняя цена юрты такого достоинства от 200 до 400 баранов.

Белая кошма, употреблённая на юрту, предпочитается другому цвету.

Кереге, ууки и чангарак красятся пережженной охрою (джуса). В бури юрта под чангарак подпирается изнутри высокой палкой и сопротивляется напору. Палка эта называется бакан. Взглянем теперь внутрь юрты. Супружеское ложе в юрте помещается от входа или направо или прямо против дверей; все богатства и имущество помещаются в коврах и русских красных ящиках (т. е. сундуках русской работы. — ред. А.Х. Маргулан) по правую сторону кровати и при посещении любимым гостем накрываются большим шелковым ковром. Почетное место, где усаживают почетных гостей, — около изголовья постели.

Саба с кумысом и вычурным [поставленным] в нее писпеком, т. е. палкой, употребляемой для взбивания кумыса, ставится немного поодаль, в ногах кровати; домашняя утварь направо от входа загораживается отдельным чиём. Оружие вешается над постелью. На чангараке, особенно осенью, вы увидите коптящуюся конину, баранину, казы, о которых в своем месте будет сказано, новые турсуки под кумыс, подойники, шкуры под айран и пузыри под масло.

На кереге встретите русский медный таз с приделанным к нему уродливым железным кольцом, рядом с ним нагайку и за ууком шапку или чашку. У простых и бедных киргизов беспорядок еще больше;

там нет почетного места для кунака, по крайней мере его нельзя заметить как замечается это у порядочного кайсака, в юрте которого постланы на землю кошмы, а на почетном месте — сверху ковер. У бедняка везде видно неряшество, начиная с почерневшего от дыма чангарака до прогоревшей на земле ямы от постоянного огня.

К окончательной и полной картине юрты присоединяется еще чайник для чая или кувшин (куман) с водою для омовений, никогда не сходящие со своего обычного места, на котором разводится огонь.

У киргиз-кайсаков существует еще другая юрта, называется кош (кош), или джулум-уй. Она употребляется у них для табунщиков лошадей или во время походов и в этих случаях для перевозки выючится на лошадей. Кошей немного, и если в ауле иногда и встретится кош, то он, вероятно, принадлежит торговцу. Кош отличается от юрты прямыми ууками и отсутствием чангарака, вследствие чего имеет коническую вершину, нижние концы ууков вместо завязок заменены короткими петлями, которые скоро надеваются на головки кереге; кош редко бывает больше двух отделений решеток.

Этот кош перешел к торговцам, которые признали его удобным во время хода караванов.

Есть еще третий род юрты, которая называется калмак-юй (калмыцкий дом). По значению названия уже видно, что этот дом

перешел от калмыков-торгоутов. Этот калмак-юй, или иначе торгоут-юй, от кайсацкой юрты отличается только тем, что ууки его длиннее и менее

выгнуты, чангарак в диаметре не более пяти четвертей, и вообще эта юрта имеет более коническую форму.

ЛИТЕРАТУРА

1. Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 1.-Алма-Ата: «Главная редакция Казахской советской энциклопедии», 1984.-С. 180-190.

Костанайский государственный
педагогический институт, г. Костанай

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СЕВЕРНОМ КАЗАХСТАНЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Қазақстан тәуелсіздікке қол жеткізгеніне 20 жыл уақыт болады. Осы арада Отанымыздың тарихи ғылымы мен тарихи білім беру саласы дербес дамып келе жатыр. Мақаланың авторы қазіргі кездегі тарихи ғылымның жағдайын батыл түрде талдауға салған.

Twenty years has passed from the moment of declaration of the sovereignty of Kazakhstan, all this time the historical science and historical formation had an opportunity independent development. It enough big term for formation of own schools of thought and concepts, therefore the author safely subjects to the analysis modern conditions of a historical science.

Первое десятилетие развития исторической науки независимого Казахстана прошли под влиянием двух основных тенденций – эйфории раскрытия «белых пятен» истории, связанных в основном с различными эпизодами советского периода, с одной стороны, и господством классической сциентистской парадигмы научного мышления в форме исторического материализма. Вместе с тем, именно в этот период были сформулированы общие проблемы пересмотра методологических основ исторических исследований в Казахстане. Еще в 2000 году академик М.К. Козыбаев отмечал, что казахстанским историкам

«необходимо дать более широкую перспективу источниковедческим исследованиям, освоить передовые технологии в клиометрических изысканиях, дать импульс более интенсивным разработкам в методологических инновациях» [1].

Необходимо отметить, что постсоветская историческая наука длительное время не обращала внимания на необходимость разработки методологических основ изучения исторического процесса. Подавляющее большинство существующих обобщающих работы по истории составляются по хронологическому принципу, содержание их построено по

схеме период-событие-факт. В результате у читателя закрепляется случайно-событийный взгляд на исторические процессы, а в связи с альтернативностью точек зрения на значимые события – сомнение в объективности процесса исторического познания.

В основе казахстанской академической исторической научной школы лежит классический тип научной рациональности, с точки зрения которой историческая действительность предстает как мир, жестко связанный причинно-следственными отношениями, имеющих линейный характер: следствие соизмеримо с причиной; настоящее определяется прошлым, а будущее – настоящим и прошлым. Случайность рассматривается как непознанная необходимость. Единичное усилие не может иметь видимого влияния на ход истории. Развитие мыслится как безальтернативное. Для подавляющего большинства казахстанских историков источник является самодостаточной ценностью, теория – не основой исторической науки, а скорее, частью философии и социологии. Междисциплинарные исследования можно пересчитать по пальцам.

Особенно это касается тех периодов истории Казахстана, по которым существует определенный дефицит источников и, как следствие, слабая изученность в предшествующее время. Один из таких периодов – первая треть XIX века, период кризиса и

ликвидации кочевой государственности в форме Казахского ханства, период, безусловно, интересный в контексте изучения генезиса политических и правовых систем номадов. В то же время, большинство работ по данному периоду строится на классической исследовательской парадигме, предусматривающей анализ и интерпретацию источников с последующей реконструкцией исторических событий, объект исследований – политическая история, особенно – взаимоотношения пограничной администрации и казахской элиты, дипломатические и торговые отношения, социально-экономические процессы в самом казахском обществе.

Неклассические подходы в изучении истории данного периода пока не стали основой исследовательских проектов, постнеклассические, междисциплинарные исследования также крайне редки. Вместе с тем, применение традиционных для мировой исторической мысли, но пока не освоенных казахстанскими историками подходы и парадигмы позволяют расширить наши представления о развитии казахстанского общества в период кризиса и ликвидации кочевой государственности. Возьмем на себя смелость предложить несколько, на наш взгляд, перспективных направлений для теоретико-методологического эксперимента в исследовании интересующего нас периода.

Во-первых, изучение общественной жизни казахского общества в контексте интеллектуальной истории. Само выражение «интеллектуальная история» означает как историю интеллектуалов, то есть историю людей, которые создавали, обсуждали и пропагандировали различные идеи. В отличие от чистой истории философии (соответственно: науки, литературы и т.д.) и от истории идей, с которыми она тесно связана, интеллектуальная история изучает идеи через культуру, биографию и социокультурное окружение их носителей [2]. Особый интерес вызывает как история представителей традиционной интеллектуальной школы – жырау, так и формирование новых, в частности, связанных с мусульманскими центрами в Бухаре и Уфе. Если первую группу интеллектуалов изучали только в контексте их творческого наследия, то изучение второй группы – Бекет-ата, Марал-ишан и др. только начинается. Роль ислама в целом, в том числе и отдельных суфийских школ и течений в общественно-политической жизни казахского общества до сих пор в исторической науке Казахстана изучены слабо. Вместе с тем, процесс формирования интеллектуальной элиты казахского общества и особенности ее функционирования оказывали непосредственное влияние на общественно-политические процессы в регионе.

Весьма перспективным направлением исторических исследований нам представляется изучение истории повседневности,

предметом изучения которой является сфера человеческой обыденности в ее историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах. В центре внимания истории повседневности – «реальность, которая интерпретируется людьми и имеет для них субъективную значимость в качестве цельного жизненного мира», комплексное исследование этой реальности (жизненного мира) людей разных социальных слоев, их поведения и эмоциональных реакций на события [3].

Действительно, в таком контексте история Казахстана данного периода еще не изучалась. Вместе с тем, анализ того, что окружало человека и опосредовало его жизнь изо дня в день – географические и экологические условия жизни, трудовая деятельность, потребности (в жилище, в питании, одежде, лечении больных), возможности их удовлетворения (через технику и технологии) – достаточно интересный объект исследования. Если повседневная жизнь казаха-кочевника еще более или менее известна нам благодаря этнографическим исследованиям (вопрос об их корректности в применении к более раннему периоду оставим без внимания), то повседневная жизнь жителя пограничной линии до сих пор не только не изучалась, она вообще не ставилась в качестве объекта изучения.

Не теоретизируя долго об актуальности данного направления, приведем лишь один пример. Военно-разведывательные экспедиции в степь, предпринимавшиеся в 1814-1821 гг. для изучения возможностей разработки рудных богатств Улытау упоминаются разными исследователями. Их изучение происходило до сих пор только в контексте колониальной политики России в регионе и казахско-русских отношений. В то же время, такие важные вопросы, как финансирование данных экспедиций, их снабжение, материально-техническое обеспечение, организация полевой службы, а также бытовые условия офицерского и рядового состава существенно влияли на их взаимоотношения с местным населением и являлись важным фактором исторического процесса.

Перспективным направлением исследований может стать применение для исторического анализа и синтеза постнеклассических исследовательских парадигм, для которых характерно выдвижение на первый план междисциплинарных, комплексных и проблемно ориентированных форм исторических исследований, в основе которых лежат кибернетический и синергетический подходы. Развитие междисциплинарных исследований закономерно ведет к усилению взаимовлияния гуманитарных и естественных наук. Поэтому изменения методологических установок естественнонаучного познания

оказывают на процесс становления постнеклассической гуманитарной науки гораздо большее влияние, чем на процессы становления классической и неклассической гуманитарной науки [4]. Весьма продуктивным может быть применение синергетической парадигмы для изучения истории освободительного движения казахов конца XVIII – начала XIX века.

Изучение истории национально-освободительного движения казахов в контексте традиционных подходов пока ставит больше вопросов, чем дает ответов. Действительно, почему в XVIII веке, в период наибольшего могущества Российской империи, она не могла глубоко внедриться в казахскую степь, а во второй половине XIX века полностью ею овладела, несмотря на неблагоприятную внешнюю и внутреннюю обстановку (предреформенный кризис, поражение в Крымской войне). Почему относительно единый антиколониальный фронт XVIII – начала XIX века позже разваливается? Почему бии и старшины, стоявшие в авангарде антиколониальной борьбы превратились в верных слуг и чиновников царского аппарата? По-видимому, дело здесь не столько в экономических и политических причинах, которые конечно тоже нельзя сбрасывать со счетов, но и во внутреннем состоянии казахского этноса.

В силу внутренней стабильности системы казахи довольно успешно сопротивлялись джунгарским

завоеваниям и российской колониальной политике в XVIII - начале XIX века. Однако уже в первой трети XIX века происходит резкое ослабление казахского государства. Если в начале XIX века карательные отряды сталкивались с организованным сопротивлением казахских родов, то в 30-40-х годах колониальная администрация стала активно применять против антиколониальных сил отряды, набранные среди казахов же. По сути дела движения 40-60-х годов превратились в гражданскую войну между казахами – противниками России и казахами, служившими ей. Местные интересы начинают преобладать над общенациональными, теряется осознание единства и идея государственности.

Анализ периода кризиса кочевой государственности на территории Казахстана во второй половине XVIII – начале XIX века позволяет прийти к выводу, что номадная политическая система исчерпала потенциал развития и исчезла в результате упрощения социального разнообразия в казахском обществе, сокращения оседло-земледельческого компонента, ограничения международной правосубъектности Казахского ханства. В начале XIX века политика России в отношении Казахстана становится более активной, что было вызвано не только усилением влияния Российской империи в регионе, но и ослаблением самой политической системы казахского общества.

Реализация идей синергетики применительно к анализу проблем политической системы позволяет, в числе других проблем, прогнозировать и фиксировать условия, процессы и состояния метастабильности, кризисов и деструктивности в политической системе, находящими свое теоретическое обоснование в концепции цикличности исторического процесса. Все известные нам политические системы Казахстана прошли в процессе своего развития одинаковые фазы или стадии. Другими словами политические процессы имеют циклический характер и подчиняются определенным закономерностям. На ход генезиса политических систем оказывает значительное влияние не только внутренние, но целый комплекс внешних факторов, включая воздействие других политических систем, этногенетические процессы, климат, международную экономику.

Мы далеки от мысли объявить социальную историю, системный подход и основанные на нем методы либо какой-либо иной подход новой генерализирующей концепцией, призванной всесторонне объяснить исторический процесс, тем более, что многие авторы справедливо указывают на опасность как позитивистской редукции при перенесении на развитие общества и культуры установленных синергетикой закономерностей, так и антипозитивистских концепций, отрицающих возможность научного познания не только

прошлого, но и современности. Мы хотим лишь обозначить новые возможности, которые открывает применение современных теоретико-методологических подходов в исследовании отдельных проблем казахстанской исторической науки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Козыбаев М.К. Казахстан на рубеже веков: размышления и поиски. В двух книгах. Кн. 1. - Алматы: Ғылым, 2000. - С.17
2. Парадигмы интеллектуальной истории: от коллективных представлений к авторским интенциям // Новое литературное обозрение. — 2004. — № 2 (66).
3. Пушкарева Н.Л. История повседневности и частной жизни глазами историка // Социальная история. – М., 2003.
4. Дука О.Г. Эпистемологический анализ теорий и концепций исторического развития с позиций вероятностно-смыслового подхода (на примерах российской историографии) / Дисс. на соиск. уч. степени доктора исторических наук. - Екатеринбург, 2001. - С.110-112.

Павлодарский государственный университет
им. С. Торайгырова

ИЗ ИСТОРИОГРАФИИ ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ МАШХУР ЖУСУП КОПЕЕВА

Бұл мақалада кеңес дәуірі кезінде шығармаларына діни мистицизм мен панисламизмді насихаттады деген негізсіз айып тағылып келген қазақ ауыз тарихнамасының білгілі Мәшһүр Жүсіп Көпеевтің тарихи мұрасының тарихнамасы қарастырылады

The given article considers historiography of historical heritage of famous expert on Kazakh oral historiography Mashhur Zhusup Kopeev, whose creative work for a long time was groundless blamed for advocacy religious mysticism and panislamism

Актуальной проблемой исторической науки является изучение богатейшего наследия знатока казахского фольклора Машхур Жусуп Копеева. В этом году исполняется 150 лет со дня его рождения. Он родился в 1858 году в местности «Ашамайтас», расположенной между гор Кызылтау Баянаульского округа. Настоящее его имя - Адам Жусуп. Позже, когда ему исполнилось 9 лет, султан Баянаульского округа Муса Шорманов за великолепное исполнение легенд, дастанов, поэм прозвал его «Машхуром», т.е. «известный». Это имя закрепилось за ним в народе навсегда.

Время, в которое он жил было крайне сложным. Россия полностью колонизировала всю территорию Казахстана, начала проводить политику, направленную на окончательное

превращение казахского народа в бесправную, угнетаемую часть империи. В 1861 году, во время зимнего джута, семья Машхур Жусупа лишилась всего скота. Тогда его отец Копей решил: «Не скот опора человеку, а знания», и отдал своего сына, когда ему исполнилось пять лет, в медресе. С 1872 по 1874 годы Машхур Жусуп учился в Бухаре и овладел арабским, персидским, чагатайским языками. После возвращения в родной аул он учил грамоте детей, интенсивно занимался сбором фольклора. Кроме того, с целью углубления и расширения имеющихся знаний, он совершил ряд путешествий по Казахстану и Средней Азии. Был в Акмоле, Туркестане, Бухаре, Ташкенте, Самарканде.

В 1881 году, поселившись в городе Акмола, он в течение года

собрал и записал множество рассказов местных сторожил о выдающихся личностях XIX – XX вв.: Казбек бие, Богенбай батыре и других. Позже, в 1889-1891 году, Машхур Жусуп побывал в Западном Казахстане, там он собирал и записывал сведения об Исатае Тайманове и других известных личностях этого региона. Начиная с 80-х гг. XIX века, он стал активно сотрудничать с газетами «Дала улаяты», «Туркестан улаяты», в журнале «Айкап». Демократические события 1905-1907 года отразились и на национальных окраинах Российской империи. В частности, в Казахстане под влиянием первой русской революции происходил рост самосознания казахского народа и усиление национально-освободительного движения. Машхур Жусуп одним из первых среди казахских поэтов откликнулся на эти события, отразив свое отношение к революции 1905 г. в стихотворении «Канды жексенби» («Кровавое воскресенье»). Воспользовавшись демократическим манифестом царя, он также успел издать 3 книги: «Житье-бытье», «Кому принадлежит Сарыарка», «В долгой жизни удивительного много». Позже эти издания были объявлены царской цензурой вредными, а сам автор подвергся гонениям. Особенно вредным было признано произведение Машхур Жусупа «В долгой жизни удивительного много», в котором показано тяжелое положение простых

тружеников и произвол, творимый местными властями. Он предпринял попытку проанализировать причины социально-политических противоречий в казахском обществе того времени. Октябрьский переворот 1917 года и приход Советской власти Машхур Жусуп встретил настороженно. Особенно недоверие к советской власти у него возросло после разгрома правительства Алашорды. Машхур Жусуп Копеев в это время отошел от общественно-политических дел. О политике, проводимой Советами в Казахстане, он ничего не писал (либо рукописи по известной причине не хранил). О последних днях Машхур Жусупа вспоминает С. Даулетов: «Поэт болел 7 дней и однажды сказал: «Смерть приблизилась и ходит рядом». 1931 год был последним годом его жизни. После его кончины народ возвел его в сан святых. С тех пор к его могиле приезжают люди, чтобы поклониться его праху, осуществить обряд жертвоприношения и поминовения усопших, а так же исцелить свое тело и душу.

С его именем связано начало письменного изложения казахского шежире, являющегося поистине хранилищем историко-культурных традиций народа. Благодаря казахскому шежире, отраженному в рукописях Машхур Жусуп Копеева, мы глубже познаем историю народа, получаем яркую, правдивую информацию о выдающихся его представителях,

деяния которых оставили глубокий след в исторической памяти потомков.

В силу того, что Машхур Жусуп Копеев был непосредственным свидетелем и участником событий второй половины XIX- начала XX века, его труды представляют особую ценность для современных исследователей истории Казахстана дореволюционного периода.

Не секрет, что долгие годы творчество Машхур Жусуп Копеева было в забвении, к нему предъявлялись необоснованные обвинения в пропаганде религиозного мистицизма и панисламизма. В научной литературе советского времени внимание к его деятельности, творчеству можно сказать почти полностью отсутствовало. Лишь небольшие фрагменты, связанные с его именем, мы встречаем в работах менее политизированного раннего советского периода. Так, в статье Смагула Садуакасова «Киргизская литература» (1919 г.) упоминается о Машхур-Жусуп Копееве, как одном из тех, кто внес определенный вклад в создание казахской письменной литературы [1, с. 4]. Как великий подвиг составителей хрестоматии казахской литературы для 8 класса можно оценить включение в нее одного из произведений опального Машхур-Жусупа «Чертов торг». По воспоминаниям писателя Зейтена Акишева, это стихотворение вошло в учебную литературу при активном участии Д. Абилева, К. Бекхожина и Е. Смайлова [2].

Начиная с конца 40-х годов XX века, в ряде статей звучит необоснованная критика в адрес Машхур-Жусупа, как фанатика ислама и националиста [3]. Несмотря на все попытки очернить, стереть из памяти деяния, творения Машхур Жусуп Копеева в период советского тоталитаризма, ныне народ с большим уважением и интересом обращается к творчеству великого мыслителя. Труды Машхур Жусуп Копеева выдержали проверку временем. Среди ученых происходит активное изучение его наследия в разных контекстах: философском, литературном, культурологическом, а также историческом. Можно с уверенностью сказать, что изучение его творчества не только актуально, но и жизненно важно для понимания самосознания национальной культуры и истории.

На сегодняшний день многие научно-исследовательские центры, отдельные историки предпринимают попытки раскрыть феномен Машхур Жусуп Копеева. Среди работ, раскрывающих историческое наследие Машхур Жусуп Копеева, следует особо выделить монографию известного востоковеда М.К. Абусеитовой «Казахстан и Центральная Азия в XV-XVII вв.: история, политика, дипломатия» [4]. С целью изучения этнополитической истории на территории Казахстана и Центральной Азии, реконструкции культурного наследия данного региона, М.К. Абусеитова провела

глубокое исследование рукописных источников многих восточных авторов средневековья и нового времени. В их числе были и труды Машхур Жусуп Копеева. Автор этой обстоятельной монографии систематизировала и обобщила сведения из новых источников, ранее неизвестных казахстанской исторической науке и представляющих особую ценность для изучения истории вклада великого мыслителя Машхур Жусуп Копеева в развитие духовной культуры казахского народа

Серьезным исследованием, посвященным изучению исторических личностей в рукописях Машхур-Жусуп Копеева, является диссертация Е.К. Жусупова «Машхур-Жусуп Копеев и исторические личности в его рукописях». Основываясь на большом количестве рукописных источников, автор дает исторические портреты многих выдающихся личностей степного края, например, Кенесары, батыров Малайсары, Жасыбая и др. [5].

В результате проведенного исследования Л.К. Жусуповой, нашедшего свое выражение в диссертации «Варианты рукописей «Корни казахов» М.Ж. Копеева – как исторический источник», автор приходит к выводу, что рукописи Машхур-Жусуп Копеева, созданные на материалах казахского фольклора, содержат беспристрастный, объективный взгляд мыслителя на исторические события и процессы

в жизни казахской степи. Один из главных исторических рукописей М.Ж. Копеева «Корни казахов» содержит богатейший фактический материал, способствующий разрешению многих спорных моментов в оценке исторических событий XV - XIX вв.

Л.К. Жусупова пишет: «Существуют несколько вариантов этой работы. В каждом варианте история края описывается по-разному. Хотя встречаются схожие тексты с работами В.В. Радлова и Абылгазы, но спорные исторические события описываются по-разному. В рукописях Машхур Жусупа большей частью используются фольклорные материалы. Учитывая, что каждая отдельная рукопись написана различными чернилами (красными, синими, черными), то можно предположить, что они первоначально были отдельными единицами, и только позже объединены в книги. Исторические легенды, песни, дастаны расположены в строгом хронологическом порядке и подчиняются одной общей теме - «Казак туби» [6].

Обобщенной работой является учебное пособие Ж.О. Артыкбаева «Историческое наследие Машхур-Жусуп Копеева» [7]. В данной работе рассматриваются такие важные проблемы, как эпоха и историческая личность в трудах Машхур-Жусуп Копеева, исторические события XV – начала XX вв. в освещении Машхур-Жусуп Копеева.

Автор статьи «Памятник олицетворяющий начало казахского государства и единства казахского народа «Таңбалы бас» в историческом наследии М.Ж. Копеева» А. Жанисов сделал попытку дать своеобразную характеристику такому источнику, как «Таңбалы бас» путем использования одной из первых оценок этого памятника, сделанной Машхур-Жусуп Копеевым. Исходной позицией для исследователя послужило положение о том, что «Местность вокруг Таңбалы бас богата историческими памятниками казахского народа XV–XVIII веков. Здесь произошло объединение родственных племен в одно государственное образование и провозглашение этнонима «казах» [8, с. 200].

В 2007 году состоялась презентация книги известного баянаульского краеведа, старшего научного сотрудника Мавзоля Машхур Жусуп Копеева Асета Пазылова «Бабалар ғұмырнамасы және Мәшһүр-Жүсіп Көпеев» [9]. Сложнейшая задача – всестороннего, объективного показа деяний святого старца на основе народных сказаний и преданий, на наш взгляд, достойна решена в этой монографии. Автор в проблемно-аксиологической плоскости представил всю палитру суждений, представлений о Машхур Жусуп Копееве. Содержание работы свидетельствует о том, что автор глубоко, исчерпывающе изучил специфику научного наследия великого ученого. Великого ученого, ибо его великие мысли раскрывают истину.

Там, где нет истины, там нет прогресса, там не следует искать справедливости, согласия и гармонии. Такова основная идея работы. Достаточно широко и рельефно воссоздана и историческая эпоха, в которой жил и творил философ. Достаточно четко прослеживается мысль, что личность Машхур Жусуп Копеева служит связующим звеном между прошлым и настоящим. Как подтверждают очевидцы, многие его пророчества сбылись, стали реальностью. Асет Пазылов убедительно показал, почему поколения за поколением людей, бесконечно обращаются к словам назиданий мудрого аксакала. Одна из сторон творческого наследия Машхур Жусуп Копеева предельно выражена в следующих словах автора: «Мәшһүр Жүсіп Көпеев қай заманда болсын, азаттықты аңсаған қуатты жырларымен қазақ поэзиясының асқақ шыңы болып қала бермек». /Во все времена творчество Машхур Жусуп Копеева останется крупнейшим образцом воспевания свободы в казахской поэзии/. В целом, можно сказать, что в своем труде Асет Пазылов продемонстрировал виртуозное владение казахским фольклором и фактологическим историческим материалом.

Таким образом, на современном этапе в результате изменений политической ситуации, экономических отношений, социальной сферы происходит существенная корректировка отечественной науки, в первую очередь,

исторической. Новое мировоззрение повлекло за собой расширение методологической базы, отказ от упрощенного, политизированного подхода, характерного для работ предшествующего периода. Появляются новые подходы к изучению исторического процесса, особенно усиливается внимания к персонифицированной истории. Личностное содержание эпохи позволяет с максимальной конкретностью

реконструировать облик исследуемого периода. Историографический обзор современных исследований показывает, что уже заложены серьезные основы для дальнейшего изучения исторического наследия Машхур-Жусуп Копеева. Несомненным плюсом вышесказанных работ является введение в научный оборот новых рукописных материалов, оригинальных интерпретаций исторического наследия Машхур-Жусуп Копеева.

ЛИТЕРАТУРА

1. Садуакасов С. Казахская литература. // Народный совет. – 1993. - № 42.

2. Ақышев З. Мәшһүр Жүсіп һәм Жүсіпбек. // Дауа. – 1991. – қазан.

3. Муканов С. Об учениках Абая. // Абай. 1992 - №4. - С. 57-70; Габдуллин М. М. Копеев – религиозный, националистический поэт. // Социалистический Казахстан. - 1952.

4. Абусеитова М.Х. Казахстан и Центральная Азия в XV-XVII вв.: история, политика, дипломатия. – Алматы, 1998. – 268 с.

5. Жусупов Е.К. Машхур-Жусуп Копеев и исторические личности в его рукописях. – Астана, 2000.

6. Жусупова Л.К. Варианты рукописей «Корни казахов» М.Ж. Копеева – как исторический источник. – Алматы, 2002.

7. Артыкбаев Ж.О. Историческое наследие Машхур-Жусуп Копеева. - Павлодар, 2004. – 216 с.

8. Жанисов А.Т. Памятник олицетворяющий начало казахского государства и единства казахского народа «Таңбалы бас» в историческом наследии М.Ж.Копеева. // Материалы республиканской научно-теоретической конференции «Чтения Машхур Жусипа». - Павлодар: ПГУ им. С. Торайгырова, 2003. – 370с. – С. 194-202.

9. Пазылов Ә. Бабалар ғұмырнамасы және Мәшһүр-Жүсіп Көпеев. – Екібастұз, 2007. – 240 б.

Павлодарский государственный университет
им. С.Торайгырова

ВОЛЬНО-КАЗАЧЬЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ТЕРРИТОРИЮ ЮГА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ И ПАВЛОДАРСКОГО ПРИИРТЫШЬЯ В КОН. XVI – XVII ВВ.

*Атаулы мақалада XVI ғ. соңы - XVII ғ. Батыс Сібірдің
Оңтүстігін және Солтүстік Қазақстан жерлерін
казактардың игерудегі ролі және тарихы зерттеледі.*

*The present article comprises the history and the role of
Cossacks in reclaiming of the South of the Western Siberia and
the North of Kazakhstan in the end of XVI-XVII centuries.*

Изучая историю юга Западной Сибири и Казахстана в XVI-XIX вв. мы постоянно сталкиваемся с фактом присутствия и непосредственного воздействия на развитие и модернизацию данного региона такого сословия как – казачество.

Казачество – это «...первоначально вольные люди, из бежавших от феодального гнета крепостных крестьян, холопов, горожан, селившихся на окраинах Русского государства. Казачество окончательно сложилось в 16-17 веках» [1, с.175]. Это был период самостоятельного существования казачества, когда оно жило по своим законам и правилам, «золотой век» казачества [2, с.23].

Казачество располагалось как на отдаленном севере, так и на юге. На севере, где все было относительно спокойно, они могли заниматься

мирными промыслами - охотой, рыболовством и животноводством, а вот на юге казаки имели иное особое значение. Они находились в составе сторожевой и станичной служб, охраняли пограничные территории от разорительных набегов крымских татар и ногаев. Таким образом, казачьи территории выполняли важную роль буфера на южных, а также восточных границах русского государства, прикрывая и фактически принимая на себя набег степных орд.

«Казачество стало характеристическим явлением народной русской жизни того времени. Это было народное противодействие тому государственному строю, который удовлетворял далеко не всем народным чувствам, идеалами и потребностям. Народ русский, выбиваясь из государственных рамок, искал в казачестве нового,

иного общественного строя. Идеалом казачества была полная личная свобода, нестесняемое землевладение, выборное управление и самосуд, полное равенство членов общины, пренебрежение ко всяким преимуществам происхождения и взаимная защита против внешних врагов. Казачество не иначе должно было проявиться, как в форме военной, наезднической и даже разбойнической» [3, с.525-526].

Известно, что территория нынешней Павлодарской области входила в состав Сибирского ханства, образованного в середине XV в. и населенного в основном казахскими родами кереев, уаков, найманов, кыпчаков. Территория Сибирского ханства занимала долины Тобола, Есиля и среднего Иртыша, и на юге граничило казахским ханством [4, с.53]. Естественно, территория Павлодарской области была вовлечена в исторические события того времени.

Колонизации Северо-Восточного Казахстана царской Россией в начале XVIII века во многом способствовало падение Сибирского ханства в самом конце XVI века и вхождение его в состав Московского государства. Остановимся вкратце на некоторых особенностях Сибирского ханства и о роли Ермака в завоевании Сибири, как на значимом факторе вызревания и укрепления военно-казачьего влияния в данном регионе.

Сибирское ханство было эфемерным политическим образованием. В нем никогда не

прекращалась междоусобная борьба. Слабость Сибирского ханства, выражающаяся в отсутствии надежного единства между оседлым, земледельческим Западом и кочевниками Востока, была очевидной. Не имеющее прочной экономической базы, раздробленное на обособленные улусы и княжества Сибирское ханство не могло обеспечить своего существования, особенно в 70 - 80-х годах XVI в., когда значительно осложнилось его внешнеполитическая обстановка [5, с.234].

В этот период радикальным образом меняются взаимоотношения Сибирского ханства с Русским государством. Взятие русскими войсками Казани в 1552 г. и сдача без сопротивления Астрахани в 1556 г., а несколько ранее - падение Золотой Орды, приблизили границы России вплотную к Казахской Степи, к Западной Сибири.

Но в 80-х годах Западная Сибирь, в частности территория Сибирского ханства, стала объектом, интересовавшим не только московское правительство, но и крупных солепромышленников Строгановых, использовавших «казачью вольницу» в своих целях. «...Колонизация по Иртышу совершалась скорее, так как эта волна была сильнее; Иртышский край и Алтай, благодаря природным богатствам, имели в глазах колонизаторов большую цену, и сюда направлялось их больше» [6, с.152].

В 1574 году известные русские купцы и солепромышленники Строгановы получили у царя Ивана Грозного грамоту, в которой говорилось о том, что они могут идти за Урал и строить укрепления на Тоболе, якобы с целью защиты от набегов Кучума. Укрепление позиции в Сибири позволяло России вести торговлю с Казахской степью и Бухарой [7, с.220]. Таким образом, огромные территории на Урале и Сибири были отданы в личную собственность Строгановых.

Строгановы выполняли все подготовительные мероприятия к завоеванию Сибирского ханства. Необходимо было войско, сильный мобильный отряд, имеющий большой опыт войны на реках. Необходимость в профессиональных воинах, вынудило Строгановых обратиться за помощью к вольным донским, яицким, волжским и другим казакам.

Около 1580-1582 годов Строгановы снарядили на свои частные средства казачий отряд во главе с Ермаком для разведки обстановки в татарском государстве и сбора ясака с сибирских туземцев. В записях сибирских летописей о походе Ермака, снаряженного Строгановыми в Сибирь, в 1581 г. и в тексте Устюжского летописного свода, повествующего о походе в Юргу посланных из Москвы в 1583 г. военных отрядов под командой Ф.Курбского и И.Травина, отмечено продвижение русских в низовья Иртыша. Здесь Ермак и его дружина «многие

городки и улусы татарския по реке Иртышу и по Великой Оби и Казым град остяцкой взяша» [8, с.141-142], а Курбский и Травин с устюжанами, вологжанами, вычегжанами, вымичами, сысоличами и пермяками «от Сибири шли по Иртышу реце вниз, воюючи, да на Обь реку Великую в Югорскую землю» [9, с.54].

В 1581 г. начался поход Ермака в Сибирь. Поднявшись по р. Чусовой и перевалив Уральский хребет, дружина Ермака начала свое продвижение на восток. Плыли на легких стругах по сибирским рекам Тагилу, Туре, Тоболу в направлении столицы Сибирского ханства Кашлыка. Два раза разбили они сибирских татар, на Туре и в устье Тавды. Кучум выслал против казаков Маметкула, с большим войском, но и это войско было разбито Ермаком на берегу Тобола, при урочище Бабасан. Наконец, на Иртыше, под Чувашевым, казаки нанесли окончательное поражение татарам в битве при Чувашевом мысу. Кучум оставил засеку, защищавшую главный город его ханства, Сибирь, и бежал на юг, в Ишимские степи.

Кучум потерпел поражение, однако в 1584 г. Ермак, попав в засаду устроенную Кучумом, погиб. Узнав о гибели своего вожака, стрельцы во главе с головой Иваном Глуховым ушли из Кашлыка в европейскую часть страны печорским путем - через Иртыш, Обь, Северный Урал. Часть казаков с Матвеем Мещеряком, вместе

с присланным из Москвы небольшим отрядом И. Мансурова, осталась в Сибири и заложила в устье р. Иртыша первое русское укрепление - Обской городок.

Трудность русских воевод заключалась в том, что здесь не было опорных пунктов. Необходимость их была скоро осознана русским правительством, и после захвата земли в низовьях Иртыша и Оби были построены опорные пункты. «В 1586 г. воевода Сукин основал Тюмень на реке Туре, а в следующем (1587) воевода Чулков заложил Тобольск, близ бывшего города Сибири... Кучум несколько лет еще боролся с русскими. В 1598 г. воевода Всеяков разбил его на Глову и взял в плен его семейство. Сам Кучум убежал к нагаям и был убит ими. С тех пор русские воздвигали город за городом, подвигаясь все дальше в глубь Сибири. В 1592 г. был построен Пелым, за ним Березов и Обдорск, а в 1601 - Туринск на реке Туре. Но главным образом движение русских шло к востоку. Так, в 1594 г. была построена Тара, в 1596 – Нарым, в 1597 – Кецк, а в 1604 – Томск на реке Томи» [3, с.532-533].

Так сибирские казаки Ермака положили начало завоеванию Сибири. После гибели Кучума борьбу с царской агрессией в Сибири продолжали его потомки. Практически весь XVII в. кучумовичи оказывали сопротивление колонизации края, строительстве новых городов, и переселению крестьян.

Сибирский исследователь Ф. Усов писал: «Киргизы не смотрели равнодушно на попытки русских землеискателей приобретать у них земли, а напротив, жестоко мстили за это постоянными набегами и опустошениями пограничных селений». [2, с.91-92] Бассейн рек Тобол, Есиль, Иртыш и Обь был ареной кровопролитных сражений между русским отрядами и сибирским народами.

В связи с непрекращающимися нападениями казахских отрядов на сибирские города Тару, Тобольск, Тюмень, Тарханский острог, Коркину слободу царские власти направляли на пополнение сибирских городовых казаков новые отряды казаков из европейской части страны. Сибирские казаки с первых лет существования активно участвовали в подавлении восстаний местных народов, колонизации края, расширении территории России. В конце XVII в. русская граница в Сибири стала постепенно выдвигаться к югу к Царевому Городищу (ныне г. Курган). В начале XVIII в. граница между Казахским ханством и Россией проходила от слободы Чернолуцкая на Иртыше до станицы Звериноголовской на Тоболе и достигала 985 верст [2, с.93].

Казаки Ермака проложили дорогу на сибирские просторы энергичным и предприимчивым русским людям. В XVII веке русское продвижение в Сибирь было необычайным по темпам и размаху. Это являлось результатом соединенных усилий казаков и государственных служб. Первыми

шли маневренные отряды казаков. Царские всеоды с ратными людьми и строительными артелями представляли вторую волну колонизации.

Сибирь влекла к себе прежде всего неисчислимыми в то время пушными богатствами, в которых были заинтересованы и «торговые люди», и крепнущее государство. Государственные расходы увеличивались вместе с возрастанием государственной мощи. Нужны были новые пополнения казны. Правительство поощряло заселение Сибири ссудами и податными льготами. В Москве освоение сибирских земель рассматривалось как задача первостепенной важности.

Следом за казаками Ермака в Сибирь двинулись крестьяне, промышленники - звероловы, служилые люди, началось интенсивное промысловое и земледельческое освоение края.

Однако главенствующую роль в процессе присоединения и освоения края сыграли русские переселенцы - представители трудовых слоев населения, приходившие в далекий восточный край на промыслы и оседавшие в сибирской тайге как земледельцы и ремесленники. Наличие свободных, пригодных для земледелия земель стимулировало процесс их оседания.

Между пришельцами и местными жителями завязывались контакты хозяйственные, бытовые, культурные. Коренное население сибирской тайги и лесостепи в массе своей положительно

относилось к вхождению в состав Русского государства.

Стремление избавиться от разорительных набегов более сильных соседей - южных кочевников, желание избежать постоянных межплеменных столкновений и распрей, наносивших урон хозяйству рыболовов, охотников и скотоводов, а также осознаваемая потребность в экономических связях побуждали местных жителей к объединению с русским народом в составе одного государства.

Процесс вхождения сибирских народов в состав Российского государства завершился в течение XVII века. Многие племена приняли российское подданство добровольно. Большую часть тайги и тундры малочисленные русские отряды прошли, не встретив серьезного сопротивления. Местные народы рассчитывали на выгодную торговлю с русскими и на защиту от разорительных вражеских набегов.

Таким образом, казачий отряд Ермака, начавшийся без широкого замысла, как рядовая военная экспедиция против окрестных племен, позднее вылился в целеустремленный марш на Искер. Поход казаков, открывший дорогу в Сибирь для широкой народной колонизации, сам, по существу, представлял ее первый могучий поток. А также казаки создали благоприятные условия для присоединения Сибири к Русскому государству, для последующего широкого хозяйственного освоения ее русским населением.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большая советская энциклопедия. Гл. ред. А.М. Прохоров. Т. 11. М.: «Советская энциклопедия». 1973.-С. 175.
2. Абдиров М.Ж. История казачества Казахстана.-Алматы, 1994.
3. Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Книга I. Москва.: «Книга». 1990. – 737 с.
4. Захаренко А.Л., Б.К. Косаяков, В.К. Мерц. История Павлодарского Прииртышья.-Павлодар, 2003.-133 с.
5. Карамзин Н.М. История Государства Российского. Т.8. Гл. 5. СПб, 1887.-с.234.
6. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Под ред. Семенова В.П. Кн. XVIII. Киргизский край. СПб., 1903.-478 с.
7. Миллер Г.Ф. История Сибири, том I. Москва, «Восточная литература» РАН, 1999 г.
8. Сибирские летописи. – СПб., 1907. – С. 141-142.
9. Андреев А. Строгановы. Энциклопедическое издание. – М., 2000.- 592 с.

Б.Н. АБДРАХМАНОВ,
С.Ж. РАХИМЖАНОВА

УДК 94(574.25)(=11272) «1941/1945»

Павлодарский государственный университет
им. С. Торайгырова

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НЕМЦЕВ-ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В ТРУДОВОМ РЕЗЕРВЕ СССР НА ПРИМЕРЕ ПАВЛОДАРСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

*Атаулы мақалада Ұлы Отан Соғыс жылдарындағы
еңбек әскері қызметіндегі депортацияға ұшыраған
немістердің ролі талданады.*

*The present article comprises an analysis of the role of
deported Germans in activity of Labor Armies during the period
of the Great Patriotic War.*

Термин «трудовая армия» возник в годы гражданской войны и обозначал реально существующие «революционные армии труда». Разгоравшаяся война делала мобилизацию труда практической задачей. В начале 1920 г. специальным декретом была введена всеобщая трудовая повинность. Из мобилизованных на трудовой фронт стали формироваться военно-трудовые подразделения. К решению хозяйственных задач привлекались воинские подразделения и целые армии. Были сформированы «революционные армии труда». В годы Великой Отечественной войны «трудармейцами» стали называть себя те, кто выполнял принудительную трудовую повинность. Но ни в одном официальном документе периода 1941-1945 гг. понятие «трудовая армия»

не встречается. Трудовая политика советского государства военного времени связывалась с терминами «трудовая повинность», «трудовое законодательство», «трудовые резервы» [1; с.154-162].

В годы Великой Отечественной войны этот опыт, только в значительно более жестокой репрессивной форме, был применен к советским народам, в первую очередь к тем, чьи исторические корни были связаны с враждебными для СССР государствами, - немцам, финнам, румынам, болгарам и др. Основной удар репрессивной сталинской политики в этот период пришелся на немцев, так как они были в данной группе самым многочисленным этносом, а Германия - главным противником Советского Союза в войне.

На основе ряда строго секретных постановлений Государственного

Комитета Обороны (ГКО) от 10 января, 14 февраля, 7 октября 1942 и др. проводилась тотальная мобилизация немецких юношей и девушек, мужчин и женщин в рабочие колонны через райвоенкоматы Наркомата Обороны и направление их на стройки и предприятия Урала, Сибири и Подмосковья [2; с. 315-320].

Хронологические рамки функционирования «Трудармии» — годы Великой Отечественной войны (1941-1945). Как представляется, можно выделить четыре этапа в истории ее существования.

Первый - с сентября 1941 по январь 1942 года. В это время на основании постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 31 августа 1941 года «О немцах, проживающих на территории Украинской ССР» в республике происходит трудовая мобилизация мужчин-немцев призывного возраста. Одновременно начат отзыв военнослужащих немецкой национальности из Красной Армии. Из всех этих немцев создаются строительные батальоны, которые направляются на четыре объекта НКВД: Ивдельлаг, Соликамбумстрой, Кимперсайлаг и Богословстрой. Во время этого же этапа осуществляется депортация всего немецкого населения из европейской части СССР и расселение его в Сибири и Казахстане.

Второй этап - с января по октябрь 1942 года. На этом этапе происходит массовый призыв в рабочие отряды и

колонны немцев - мужчин от 17 до 50 лет, первоначально тех, кто подвергся переселению, а затем и всех остальных, постоянно проживавших в восточных районах страны. Из них формируются рабочие отряды и колонны, которые придают важнейшим лагерям и стройкам НКВД.

Третий этап - с октября 1942 по декабрь 1943 года - характеризуется проведением самой массовой мобилизации советских немцев, к которой привлекались не только мужчины, но и женщины-немки. На этом этапе рабочие отряды были сформированы не только при лагерях и стройках НКВД, но и на предприятиях других наркоматов и ведомств. Наибольшее их количество находилось в наркоматах угольной и нефтяной промышленности, боеприпасов и строительства. Всего военизированные формирования из граждан СССР немецкой национальности функционировали в 34 наркоматах.

Четвертый этап - с января 1944 года до ликвидации «Трудармии» (в основном в 1946 году). На заключительном этапе значительных по количеству призывов немцев уже не проводится и пополнение рабочих отрядов и колонн идет за счет прибытия на территорию СССР бывших советских граждан немецкой национальности, репатриированных из освобожденных Красной Армией стран и Германии. Размещались военизированные формирования из советских немцев практически на всей территории СССР.

В силу конкретных обстоятельств хода войны и концентрации, в связи с этим, военной промышленности и добывающих отраслей народного хозяйства в восточных районах страны, подавляющая часть рабочих отрядов и колонн из немцев была сформирована и функционировала на Урале и в Сибири. Достаточно большое число их имелось на территории европейской части СССР и в Казахстане. На территории других регионов бывшего СССР военизированные формирования из советских немцев не имели широкого распространения и были малочисленны по своему составу [3; с. 8-9].

Правовой статус «мобилизованных немцев» можно определить как нечто среднее между заключенным лагеря и военно-строительным рабочим, причем преобладали лагерные признаки. В местах работы они были изолированы от местного населения и остальных заключенных, размещались в зонах, обнесенных колючей проволокой, находились под военизированной охраной и снабжались в соответствии с продовольственными нормами ГУЛАГа.

Трудовая мобилизация советских немцев являлась особой формой репрессий по национальному признаку. Трудармейцы несмотря на формальное распространение на них норм гражданского и трудового законодательства, фактически оказались лишены права свободно выбирать место жительства или занятий.

В трудовой армии были не только спецпереселенцы. Туда призывались около 200 тысяч казахов, причем основную их часть составили колхозники. Большинство из них работало на заводах Урала и Сибири, на строительстве железных дорог. По данным Госплана республики, на начало декабря 1941 года в сельской местности насчитывалось 1 миллион 973 тысячи трудоспособных, в т. ч. 1 148 449 мужчин и 824 880 женщин. В это же число входят спецпереселенцы.

Наиболее массовая мобилизация российских немцев в «трудовую армию» была положена постановлениями Государственного Комитета Обороны (ГКО) от 10 января, 14 февраля и 7 октября 1942 года. Из них на железнодорожное строительство было мобилизовано свыше 30 тысяч. Они использовались на тяжелых земляных работах. Железнодорожные линии Баскунчак-Макад, обходной путь дороги Оренбург-Арысь, линии Акмолинск-Карталы, Акмолинск-Павлодар, Караганда-Акмолинск были построены в основном усилиями колхозников, трудармейцев и заключенных ГУЛАГа [2; 315-320].

Постановлением ГКО от 14 октября 1942 г. призыв на трудовой фронт был распространен на другие «национальности воюющих с СССР стран»: финнов, румын, венгров... Неопределенность статуса этих «мобилизованных контингентов» вынужден был отметить начальник

ГУЛАГА Наседкин: «В связи с тем, что мобилизованные являлись новыми для ГУЛАГа контингентами, были разработаны и изданы основные положения, предусматривающие вопросы правового порядка организации и трудового использования». Всего до августа 1944 г. призвано около 400 тыс. мужчин и женщин, подавляющее большинство которых составляли немцы. Из них около 220.000 направлены непосредственно в лагеря НКВД, а около 180 тыс. - под «неусыпным» контролем органов внутренних дел на объекты других наркоматов.

Жилищно-бытовое и моральное положение немцев-трудармейцев было очень тяжелым. Обвиненные в пособничестве врагу, лишенные всего имущества и продовольственных запасов, выселенные в предверии зимы в восточные районы страны и расселенные в сельской местности, где отсутствовала карточная система, немецкое население по воле руководства страны оказалось в тяжелейшем материальном положении. Призыв уже ослабленных пережитыми потрясениями и недоеданием мужчин в январе-феврале 1942 г., заточение их за колючую проволоку, питание по нормам ГУЛАГа, направление лиц умственного труда на тяжелые физические работы, отсутствие элементарных бытовых условий, общее ухудшение положения в стране вследствие военных действий, морально-психологический прессинг (внутренние агенты внешнего врага) привели сразу же к значительной

смертности и инвалидности среди занятых принудительным трудом.

Работали трудармейцы на объектах НКВД, а также в угледобывающей и нефтедобывающей промышленности, на строительстве железных дорог, на объектах наркоматов боеприпасов, строительства, легкой промышленности.

В нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей промышленности Уральского региона «мобилизованные немцы» работали на предприятиях Башкирского нефтекомбината: тресты «Уфимнефтезаводстрой», «Туймазынефть», «Башнефестрой», «Ишимбайнефть», «Башнефтегазстрой», «Башнефтеразведка», Управление «Баштехсннефть», завод 417, Уфимский нефтеперегонный завод; Молотовского нефтекомбината: тресты «Краснокамскуголь», «Молотовнефестрой», завод 422, Вышегородский нефтеперегонный завод, Павловский завод и стройучасток 5 в Оханском районе Молотовской области, строительно-монтажная контора и стройконтора 3, геологоразведочная контора, Кукетский совхоз; Куйбышевского нефтекомбината: тресты «Бугурусланнефть» и «Азнефтегазстрой» в Чкаловской области; на машиностроительных заводах Наркомнефти: Верхне-Сергинском (Свердловская обл.), Павловском, Юго-Камском, Кунгурском (Молотовская обл.); Благовещенском

и Ишимбаевском (Башкирская АССР), Сарапульском (Удмуртская АССР), а также на строительстве Верещагинского, Ишимбаевского газолинового и Орского заводов Наркомнефти, осуществляемом трестом «Главнефтрестрой» 16. По данным на январь 1943 г. на предприятиях Наркомнефти Уральского региона работало 22 388 «мобилизованных немцев» 17, что составляло 73,6% от численности этого контингента, поступившего на предприятия нефтяной промышленности СССР (всего 30 403 человека) [4].

Наблюдается снижение численности немцев в Павлодарской области и в целом по Казахстану в результате начавшейся массовой мобилизации дееспособных немецких мужчин и женщин в рабочие колонны на все время войны: «из них были созданы военизированные формирования, имевшие трехзвенную структуру (рабочие отряды – рабочие колонны – рабочие бригады) и сочетавшие в себе элементы военной службы, производственной деятельности, ГУЛАГовского режима содержания». Так, только в совхозах и МТС Павлодарской области на май 1943 г. было размещено 3966 человек переселенческого контингента немцев. Немцы, проживавшие до начала военных действий в Павлодарском Прииртышье, и немцы, депортированные на данную территорию, мобилизовались в различные отрасли промышленности.

Свой трудовой след в истории Павлодарского Прииртышья оставили военнопленные немцы – 1500 человек. В январе 1945 г. в соответствии с решением ГКО СССР тресту «Майкаинзолото» в п. Майкаин Павлодарской области было выделено 1500 человек военнопленных немцев.

Для размещения военнопленных было решено организовать два лагеря: первый на новой жилплощадке в двух километрах западнее п. Майкаин – 800 человек, второй в поселке строящейся Шоптыкульской ЦЭС в 22 километрах южнее п. Майкаин на 700 человек 5. Всего в годы ВОВ более 120 000 немцев находились в рядах трудармии, из них 72 000 человек были призваны из числа немцев, расселенных и проживавших в Казахстане. Из Павлодарской области были призваны в трудовые колонны 15 104 местных и депортированных женщин и мужчин немецкой национальности [5; с. 51]

В 1948 г. трудамейцев закрепили в местах ссылки в качестве спецпоселенцев. В 1955 г. эти ограничения были сняты, но запрещалось возвращаться в родные места тем немцам, которые были выселены из режимных местностей и прифронтовых районов Советского Союза. Поэтому немцы, депортированные из европейской части России, вынуждены были вернуться в те места, где они были размещены после депортации.

Набор депортированных народов в трудовую армию велся повсеместно на территории всего Советского Союза

не обошло это явление и КазССР. На территории Павлодарской области это явление было ярко выражено и имело значительные последствия для

Павлодарской области. В целом вклад немцев в рамках трудовой армии был значительным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гончаров Г.А. “Трудовая армия” периода Великой Отечественной войны: российская историография // Экономическая история. Обзорение / Под ред. Л.И. Бородкина. Вып. 7. М., 2001.- с. 154-162.

2. Анес Г. Депортированные в Казахстан народы: время и судьбы. Алматы: «Арыс»-«Қазақстан», 1998.- с. 315-320.

3. Герман А.А., Курочкин А.Н. Немцы СССР в «Трудовой Армии»(1941-1945).-Москва: «Готика»,1998.-с.8-9.

4. Электронный ресурс: www.pseudology.org/German/Deportation.

5. Подопригора Ю.И. Немцы Павлодарского Прииртышья.-Алматы, 2010.-с.51.

6. Кригер В.Э., Фризен А.Н., История Казахстана. Белые пятна. Сб. статей под ред. Абылхожина.-Алма-Ата,1991.

Павлодарский государственный университет
им. С.Торайгырова

ГЕОГРАФИЯ РАССЕЛЕНИЯ КИПЧАКСКИХ ПЛЕМЕН ПО ДАННЫМ МУСУЛЬМАНСКИХ, ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ И ДРЕВНЕРУССКИХ ИСТОЧНИКОВ

Мақала 1917 - 1960 жж. Ресей тарихи ғалымында қыпшақ тайпаларының тарихын зерттеу мәселесіне арналған. Зерттеуде кеңес ғалымдарының негізгі жетістіктері көрсетіліп, тарихнамалық шолу жасалған. Тарихнамалық талдау кезінде қарастырып отырған кезеңнің ерекшелігі көрсетілген. Қыпшақ тайпаларының тарихи географиясы зерттеуде кеңес ғалымдарының еңбектерінің маңыздылығы көрсетілген.

The present article is devoted to the problem of studying the history of the Kypchak tribes in the historical science of Russia of the period of 1917-1960 years. In research there are noted the main achievements of Russian scientists and the historiographic review of problematics is presented there. The features of the pre-revolutionary period are allocated at historiographic analysis. The contribution and importance of Russian scientists' works in developing the problems of historical geography of the Kypchak tribes are accentuated there.

История изучения географии расселения кипчакских племен была тесно связана с развитием исторических исследований. История нуждается в конкретных географических ориентирах для подлинного восстановления событий прошлого, а также проверке информации нарративных источников. В связи с разработкой сложной проблемы, ученые привлекают разные виды источников: археологические, исторические и этнографические.

Следует особо выделить корпус сведений повествовательных

источников о расселении кимеков. В.В. Бартольд одним из первых в русском востоковедении, основываясь на мусульманские источники, локализовал кимеков в среднем течении р. Иртыш. Ссылаясь на сведения Ибн Хордадбега, он говорит о маршруте к кимекам из Тараза, или от расположенного в семи фарсах от него Кувиката продолжительностью восемьдесят дней. Другой путь к кимекам лежал из Фараба (Отрара) через Янгикент (Джанкент к югу от устья Сырдарьи), о нем упоминает арабский автор Гардизи.

По данным Макдиси, часть кимеков к концу X в. жила в непосредственной близости от мусульманских областей в Туркестане [1, с. 549]. Тем самым был положительно решен вопрос о расселении кимеков в раннем средневековье.

Ставятся под сомнение сведения арабского писателя Макдиси относительно расселения кимеков по соседству с Туркестаном, утверждение, что кимеки, о которых упоминает арабский автор, были на самом деле кипчаками [2, с. 550].

Ал-Массуди сообщает, что кимеки имели летние и зимние кочевья на Черном и Белом Иртыше, впадающих в Хазарское (Каспийское) море, между устьями которого десять дней пути. Но здесь ал-Массуди ошибся, смешав Яик и Эмбу с Иртышом [3, с. 166]. Ал-Макдиси приводит данные, что город Сауран пограничная крепость мусульманских областей и кимеков [3, с. 185].

Богатые материалы по географии кипчакского мира содержит сочинение «Худуд ал-алам» неизвестного автора. Несмотря на то, что сведения, приводимые в произведении, запутанны и не всегда точны, имеется ряд моментов, на которые следует обратить внимание. Например, на тот факт, что кимеки граничили с гузами (огузами) и кыргызами (хакасами), проживали по Иртышу и имели собственное селение по имени Джуин. Вызывает интерес название области, принадлежащей кимекам, Андараз-Хифчак, население которой похоже обычаями на огузов. Это предполагает, что эта область находилась близко к огузам. Путаница в географическом расположении

водоразделов заставляет осторожно относиться к известиям персидского источника. Так, сказано, что река Рас (составители видят в ней реку Илек, приток Урала), Артуш (Иртыш) и Атиль (Волга) вытекают из одной горы между кимеками и кыргызами (хакасами), при этом река Иртыш впадает в Волгу. Волга же служит естественной границей между огузами и кимеками. Этого же заблуждения придерживается Якут [3, с. 210-211, 422].

При работе над картой Махмуда ал-Кашгари из «Диван лугат ат-турк» И.И. Умняков приводит интересные сведения, касающиеся расселения кипчакских племен, среди них отмечены йемеки и кипчаки, кимаки на ней не обозначены [5]. Эту особенность в свое время заметил В.В. Бартольд [6, с. 493].

Ряд сведений о географии расселения кипчаков содержится в мусульманских сочинениях. Анализируя проблему расселения кипчаков, корифей востоковедения В.В. Бартольд выделяет два важных момента:

1. «С продвижением кипчаков с севера на юг связано появление названия Дешт-и Кипчак вместо Мафазат ал-гузз» [2, с. 550];

2. «Обозначение Дешт-и Кипчак распространялось и на Южную Россию, доказывается свидетельством Хамдаллаха Казвини, по которому Дешт-и Кипчак есть то же самое, что Дешт-и Хазар...» [2, с. 550-551].

Из этого следует, что территории, на которые распространялась власть хазар и огузов, перешли к кипчакским племенам, что в целом не противоречит данным исторических источников.

В связи с написанием статей в «Энциклопедии ислама» востоковед упоминает кипчаков при описании истории Дербента. Кочевники после ухода монголов во главе с Субудей-багатуром и Джебе-нойоном взяли город, внезапно атаковав его защитников [7, с. 426]. Кипчаки описываются как активная политическая сила в Коканде, соперничавшая за власть в ханстве с сартами. Это указывает на то, что кипчаки прочно обосновались в Коканде и по-видимому были многочисленны [8, с. 465].

Китаист Н.В. Кюннер при анализе исторических сведений, сообщаемых в китайских источниках, локализует кипчаков в период древности на западе от Тарбагатайских гор до степей Каспийского моря [9, с. 11]. Тогда как мы видим из обзора мусульманских источников, самые ранние сведения, сообщаемые арабскими и персидскими авторами о территории кипчаков, относятся к IX веку. Тем самым, китайские источники обнаруживают интересные свидетельства о географии расселения кипчаков в ранние периоды их этнической истории.

Географический термин «Дешт-и Кипчак» был хорошо известен хивинскому историку Абулгазы Бахадур-хану, им он обозначает территории между Доном, Волгой и Яиком (Уралом), подвластные кипчакам вплоть до прихода монголов [10, с. 44].

Существенные успехи были достигнуты в деле освещения исторической географии кипчаков-половцев. А.Ю. Якубовский, ученик В.В. Бартольда, в работе, посвященной

торговле в половецких степях, по данным арабского писателя Ибн ал-Биби отмечает половцев в городе Судак, говорит о роли этого порта в международной торговле кипчаков-половцев, русских и византийцев [11].

Крупное научное значение при рассмотрении проблем географии кипчаков-половцев представляют русские нарративные источники. Историк К.В. Кудряшов использовал их при разработке проблем исторической географии Половецкого поля и при восстановлении маршрута похода князя Игоря на половцев.

В процессе работы были поставлены следующие задачи, требующие решения:

1. Маршруты походов русских князей на половцев;
2. Местонахождение городов половцев;
3. Выделение территориальных групп половецких родов;
4. Уточнение отдельных географических названий Половецкого поля, встречающихся в источниках.

Надо заметить, что такой основательный подход к разработке проблематики был не характерен для предшественников К.В. Кудряшова, ограничивавшихся краткими высказываниями и догадками в локализации отдельных географических топонимов и гидронимов.

Остановимся на успехах, достигнутых ученым в процессе работы. Историк подвергает критике гипотезы Н.М. Карамзина, Н.Я. Аристова и В.А. Афанасьева относительно похода князя Игоря на Половецкие степи

1185 года. Основными недостатками этих гипотез, по мнению ученого, были противоречие историческим источникам и неправильные расчеты [12, с. 143].

Территория половцев в конце XI–XII вв. включала причерноморские степи между Дунаем и Волгой, в нее входили крымские степи и берега Азовского моря. Кипчаки кочевали и в степях Предкавказья, за Волгой и Яиком, доходили до кимеков на Иртыше. Волга служила основной границей, делившей кипчаков на восточных и западных. Граница между Киевской Русью и половцами пролегла от устья Дуная, захватывала нижнее течение Днестра и Южного Буга, проходила по реке Высь и нижнему течению Тясмина. Далее – по Ворскле и Мерлу к низовьям Северского Донца, по течению Быстрой Сосны и верховьям Воронежа и пересекала Цну несколько южнее устья Мокши. Часть половцев, служившая русским князьям, селилась на границе со степью в Поросье, Верхнем Побужье, по притокам Тясмина и Синюхи, а также на левом берегу Днестра [13, с. 14-15].

На основе анализа летописных сводов было выделено четыре основных направления русских походов в Половецкую степь в XII веке. Первое направление – по киевской стороне Днестра, второе – по переяславской стороне Днестра, третье – из Северского Посемья по водоразделу между Донцом и Ворсклой или между Донцом и Осколом. Четвертое направление пролегло по водоразделу между Осколом и Доном к нижнему течению Северского Донца или по водоразделу между Доном и Хопром к нижнему Дону [12, с. 146].

Однако в большей степени К.В. Кудряшова заинтересовал поход князя Игоря на половцев, изучению которого историк посвятил монографию [13]. Ученый проделал замечательную работу от написания исторических очерков к историческому фону похода до конкретного определения маршрута следования князя Игоря. При этом, собрав интересную подборку описаний похода в «Слове о полку Игореве», Ипатьевской и Лаврентьевской летописях, в дополнение к этому привел данные из «Полевого устава Красной Армии», где четко обозначены протяженность переходов и маршей кавалерийских и стрелковых соединений [13, с. 65-89].

В процессе работы ученый ориентировался не только на сведения письменных источников, но и на археологические, географические и лингвистические данные.

Относительно локализации половецких городов был сделан вывод, что города Шарукан и Сугров следует отождествить с городищами около сел Богородничное и Сидорово вблизи Северского Донца. Этот вывод был сделан при сопоставлении данных археологии и географии [12, с. 145-146].

На основе изучения русских летописей А.И. Попов приходит к выводу, что основной половецкой базой была не область между Днестром и Доном, а именно нижнее Подонье и земли к югу от него – к Кубани и Северному Кавказу. Дальнейшее изучение территории расселения кипчаков-половцев, по мнению исследователя, возможно

при разработке русских, грузинских, тюркских, арабо- и персоязычных источников [14, с. 112].

Особый интерес, на наш взгляд, представляет проблема территориальных центров половцев, решение которой позволит приблизиться к выделению крупных родоплеменных или территориальных делений внутри кочевников. Ранее исследователи лишь констатировали присутствие политической децентрализации у половцев, но не развивали свою мысль до причин и конкретного воплощения в жизнь у них этого сложного явления.

К.В. Кудряшов отмечал: «В степях, примыкавших к Черноморской луке, между Дунаем и Днестром кочевали «подунайские», или «лукоморские», половцы. По обе стороны Днестровской луки за порогами были становища половцев приднепровских, или запорожских. Крупный половецкий центр находился в бассейне реки Молочной, входя, очевидно, в состав половцев приморских, кочевавших от Днестра до Нижнего Дона по берегам Азовского моря. Между Орелью и Самарой, ближе к их устьям, лежали вежи половцев, которых по их местоположению относительно Киева можно назвать заорельскими. Между Северским Донцом и Тором, где находились города Шарукань, Сугров и Балин, размещались половцы донецкие. В бассейне Дона кочевали половцы донские. Наконец известны также половцы, обитавшие в степях Предкавказья» [12, с. 146].

Из этого следует, что историк выделил шесть групп половцев по названиям мест их основного кочевания:

1. подунайские или лукоморские;
2. приднепровские или запорожские;
3. приморские;
4. заорельские;
5. донские;
6. предкавказские.

Отдельное внимание исследователь уделяет географическим местностям, упоминаемым в русских источниках. Так, не лишена оснований гипотеза историка, что «Голубой лес», отмеченный в описании русского похода на половцев в 1187 г., по своему названию с наибольшим основанием может быть отнесен к такой растительности, как тальники, ива, верба, лоза, осокорь. Эти породы покрывают значительное пространство в районе нижнего течения Самары и на восток от Днестровской луки [12, с. 144-145].

Историк вносит уточнение в локализацию реки Калка, возле которой происходила битва между русско-половецким и монголо-татарским войском. Это место было расположено на реке Калка (Кальчик), впадающей в Азовское море, тогда как лагерь князя Мстислава Романовича находился вблизи реки Караташ, соединенной с рекой Берда и Азовским морем [15].

Работы К.В. Кудряшова способствовали выяснению подлинных ареалов расселения кипчаков-половцев, географических ориентиров известных по русским источникам, позволили

поставить события военно-политической истории взаимоотношений Киевской Руси и половцев на реальную почву исторической географии.

Изучение истории народов, входивших в СССР, в составе которых находятся кипчаки, позволило выяснить современные географические ареалы обитания кипчакских родов. В связи с изучением истории Средней Азии, С.П. Толстов опубликовал исключительно ценное научное исследование, посвященное городам огузов, в котором косвенно указал на границу между владениями огузских и кипчакских племен. Автор рассмотрел вопросы миграции кипчакских племен из Приртышья на Сырдарью и далее на восток, в Восточную Европу, влияние этого сложного процесса на историю печенежско-огузских племен Приаралья и Сырдарьи [16, с. 14]. По сведениям этнографа кипчаки вошли в состав туркменского племени ала-или (ала-эли), а также казахов, и, следовательно, проживали на территории Казахстана и Туркмении [17, с. 201; 18, с. 304]. Эту информацию дополняет этнограф Г.И. Карпов, наблюдавший родовое подразделение кыпчак у туркмен ала-эли (ала-или) и племени караул, а также отметивший название аула «Кипчак» у текинцев [19, с. 148-149].

Ученый П.П. Иванов отмечает китай-кипчаков в Бухаре, что существенно дополняет материалы В.В. Бартольда, описывавшего кипчаков в Коканде [20; 8, с. 465]. Востоковед высказывает мнение, что китай-кипчаки населяют Узбекистан, Крым и Кавказ [20, с. 29]. Этнограф

К.Л. Задыхина локализует племена ктай-кипчаков (китай-кипчаков) и собственно кипчаков в составе узбеков в Кипчакском районе Кара-Калпакской АССР [21]. Тем самым становится окончательно ясным, что кипчаки постоянно проживали на территории Узбекистана, Каракалпакии и Туркменистана со времени их появления в Средней Азии.

Известный этнограф Л.П. Потапов наблюдал и исследовал кипчаков в составе алтайского народа на Алтае. В процессе работы он выяснил, что кипчаки компактно расселились на территории Южного Алтая, а в прошлом Алтай и Иртыш были одним из центров кимеко-кипчакских племен [22, с. 30, 32; 23, с. 146-147].

Работы советских этнографов способствовали выяснению современных географических границ кипчаков в составе республик и автономий СССР.

Таким образом, в разработке географии расселения кипчакских племен выделяются два основных направления. Первое, основанное на сведениях исторических источников, и второе, базировавшееся преимущественно на этнографических материалах. Успехи в области источниковедения, заключавшиеся во введении в научный оборот арабских, персидских, тюркских, древнерусских письменных источников, позволили аргументировано, на научной основе поставить и решать задачи научного изучения географии расселения кипчакских племен.

Из данных источниковедения следует, что кипчакские племена

сосуществовали с племенами огузов. Сведения древнерусских источников о кипчаках-половцах дали основание для выделения нескольких территориальных центров,

расположенных в удобных для ведения скотоводческого хозяйства землях. Это степи Северного Причерноморья и Северного Кавказа, крупные водоразделы Дуная, Днепра, Дона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бартольд В.В. Кимаки // Сочинения. – М., 1968. – Т. V. – С. 549.

2. Бартольд В.В. Кипчаки // Сочинения. – М., 1968. – Т. V. – С. 550-551.

3. Материалы по истории туркмен и Туркмении. Том I. (VII–XV вв.) Арабские и персидские источники. / Под редакцией С.Л. Волина, А.А. Ромаскевича и А.Ю. Якубовского – М.-Л.: АН СССР, 1939. – 612 с.

4. Hudud al-Alam. The Region of the World. A Persian Geography 372 A. H. – 982 A. D. / Tr. and expl. by V. Minorsky. – London, 1937.

5. Умняков И.И. Самая старая турецкая карта мира (IX в.) // Труды Самаркандского государственного педагогического института имени А.М. Горького – I. – Вып. 1. – 1940. – С. 103-132.

6. Бартольд В.В. Киргизы. Исторический очерк // Сочинения. – М., 1963. – Т. II. – С. 471-543.

7. Бартольд В.В. Дербент // Сочинения. – М., 1965. – Т. III. – С. 419-430.

8. Бартольд В.В. Коканд // Сочинения. – М., 1965. – Т. III. – С. 462-466.

9. Кюнер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. – М.: Восточная литература, 1961. – 392 с.

10. Кононов А.Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу – л – Гази хана хивинского – М.-Л.: АН СССР, 1958. – 290 с.

11. Якубовский А.Ю. Рассказ Ибн-ал-Биби о походе малоазийских турок на Судак, половцев и русских в начале XIII в. Черты из торговой жизни половецких степей // Византийский временник. – 1927 (1928). – Т. 25 – С. 53-76.

12. Кудряшов К.В. Половецкая степь. Очерк исторической географии. – М.: ОГИЗ Гос. изд-во географ. лит-ры, 1948. – 162 с.

13. Кудряшов К.В. Про Игоря Северского, про землю русскую. Историко-географический очерк о походе Игоря Северского на половцев в 1185 году. – М.: Гос. учебно-педагогич. изд-во Мин. Просвещ. РСФСР, 1959. – 94 с.

14. Попов А.И. Кыпчаки и Русь // Ученые записки ЛГУ. – Серия исторических наук. – 1949. – Вып. 14 (№ 112). – С. 94-119.

15. Кудряшов К.В. О местоположении реки Калка // ВИ. – 1954. – №9. – С. 118-119.

16. Толстов С.П. Города гузов (Историко-этнографические этюды) // СЭ. – 1947. – № 3. – С. 55-102.

17. Толстов С.П. Основные вопросы древней истории Средней Азии // ВДИ. – 1938. – № 1 (2). – С. 176-203.

18. Толстов С.П. Основные проблемы этногенеза народов Средней Азии // СЭ. – 1947. – Вып. VI-VII. – С. 303-305.

19. Карпов Г.И. К истории туркмен ала-эли (ала-эль) // СЭ. – 1947. – № 3. – С. 145-149.

20. Иванов П.П. Восстание китай-кипчаков в Бухарском ханстве 1821-1825 гг. Источники и опыт их исследования. – М.-Л.: АН СССР, 1937. – 131 с.

21. Задыхина К.Л. Культура и быт узбеков Кипчакского района Кара-Калпакской АССР // Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции 1949-1953 гг. / Под ред. С.П. Толстова и Т.А. Жданко. – М.: АН СССР, 1958. – 811 с. – С. 761-808.

22. Потапов Л.П. Очерк этногенеза южных алтайцев // СЭ. – 1952. – № 3. – С. 16-35.

23. Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев. – М.-Л.: АН СССР, 1953. – 444 с.

Павлодарский государственный университет
им. С. Торайгырова

ДОСТОЙНЫЙ ПЛЕМЯННИК (О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ М. ШОРМАНОВА И Ч.Ч. ВАЛИХАНОВА)

XIX ғасырда қазақ халқының данышпан ұлы Шоқан өмір сүрген. Аса көрнекті қоғамдық және мемлекеттік қайраткер, агартушы, этнограф Мұса Шорманов, оның туған нағашысы еді. Олардың қарым-қатынастарын талдау ұсынылған мақаланың негізгі өзегі болып келеді.

In a XIX-th century the Kazakh people have put forward from the numbers of the first scientific European type, the intellectual, Encyclopaedist Chokan Valihanov. Musa Shormanov – visible public and the statesman, the largest educator of the Kazakh people, the original ethnographer-researcher had to it native the uncle, that is the brother of mother. Given article is devoted their relations.

М. Шорманова передовая русская интеллигенция XIX века считала незаурядной личностью, оказавшим определенное влияние на формирование мировоззрения Чокана Валиханова. Именно поэтому нельзя было не остановиться на отношениях Муса Шорманов – Чокан Валиханов. Несомненно, связь эта была благоприятной и взаимовыгодной.

«Родной брат Зейнеп (матери Чокана – Р.Е.) Муса Шорманович Шорманов, дядя Чокана», - пишет русский ученый Г.Н.Потанин [14, с. 5-6].

Еще Э.А. Масанов отмечал, что «М.Шорманов испытал значительное влияние Валиханова, которое сказывалось как в его служебной, так и научной деятельности» [11, с. 199].

В связи с этим актуально звучит высказывание академика А.Нысанбаева, о том, что «важно проследить ту духовную нить, которая протягивалась между родами Валихановых и Шормановых» [12].

Родного дядю с Чоканом связывали не только родственные узы, но искренняя и крепкая дружба. Чокан получал от дяди духовную и материальную помощь.

Известно также, что по многим вопросам казахской истории, обычного права и этнографии Чокан обращался к своему дяде. Яркой иллюстрацией этих добрых отношений являются совместные статьи, рапорты и т.д. Например, глубокая по содержанию и идейному значению статья

М.Шорманова «О кочевках киргиз», полностью посвящена земельному вопросу, и, по всей видимости, является совместной работой с Чоканом [4].

К такому заключению мы пришли после тщательного анализа и сопоставления её с одноименной работой Ч.Ч. Валиханова написанной в 1864 г., но впервые опубликованной лишь в 1904 г. в «Сочинениях» ученого, изданных под редакцией Н.И. Веселовского.

Наше мнение подтверждается и тем, что в примечании к ней Г.Н.Потанин пишет: «Подлинник, написанный писарской рукой, получен мною от Мусы Шорманова, дяди Чокана Валиханова. Хотя он имеет вид официальной записки, поданной степному начальству от имени Мусы Шорманова, но я полагаю, что черновик был написан для дяди племянником» [13, с. 321-326].

Мы предполагаем, что статья имела первоначальный вид официального письма М. Шорманова руководству Западной Сибири с проектом об упразднении Баянаульского приказа, однако затем была отредактирована Ч.Ч.Валихановым под научную статью и им же изменено название.

Наш вывод подтверждают комментарии к «Сочинениям Ч.Ч.Валиханова», изданных под редакцией А.Х. Маргулана: «Наиболее достоверной следует считать авторизованную копию (статьи – Р.Е.), сохраняющую многочисленные поправки и добавления, внесенные рукой Валиханова. Она хорошо отредактирована, официальный тон изложения в ней снят и заменен

научными объяснениями, и вместо прежнего официального заголовка («Его превосходительству господину генерал-губернатору Западной Сибири») ей дан новый заголовок «О кочевках киргиз» [7, с. 404-405].

Однако ошибочно мнение комментаторов, что данная работа «написана [Ч.Ч. Валихановым] от имени дяди М. Шорманова» [7, с. 404-405]. Видимо комментаторы обосновали свое мнение вышеприведенным заявлением Г.Н.Потанина.

Крупнейший специалист по истории этнографической науки Казахстана Э.А. Масанов также считал данную статью совместной работой М.Шорманова и Ч.Ч.Валиханова. Однако, он именуется её под другим, архивным названием: «Один из первых и известных проектов, «Докладная записка подполковника Шорманова об упразднении Баянаульского приказа», был написан Шормановым совместно с Ч.Валихановым в 1864 г. Проект отстаивал интересы народа и вносил предложение о наделении казахов зимовками и лесными угодьями» [11, с. 200].

Напомним, что статья «О кочевках киргиз» включает в себя основные положения проекта М. Шорманова об упразднении Баянаульского округа. Ч.Ч.Валиханов дополнил статью серьезными памфлетами с требованием соблюдать права казахов как исконных жителей края в наделении земельными участками [4].

Что же касается материальной стороны помощи М.Шорманову своему

племяннику, то обратимся к тексту письма Чингиса Валиханова к своему сыну Чокану в Санкт-Петербург: «Передал я Мусе твой привет и твои слова... Он с огромным желанием готов перевести большую сумму» [7].

Чокан высоко ценил благородные дела М. Шорманова, называл его «на редкость чудным человеком» [6, с. 51]. Чокан постоянно получал от своего дяди духовную помощь, именно в нем он видел единомышленника. «В трудные дни, когда осложнились его отношения с отцом, Чокан искал совета и содействия у дяди» - отмечает академик С. Зиманов в своей монографии о Чокане, написанной совместно с А.А. Атишевым [8, с. 61].

Документально известно, что Чокан Валиханов дважды побывал в доме своего дяди: первый раз, будучи курсантом Омского кадетского корпуса, несколько дней отдыхал в урочище Мырзашоқы, отстоящего в 25 км к западу от станицы Баян-Аул; второй раз – осенью 1855 г. после поездки в Семиречье заездом был в урочище Аккелин.

Чокан Валиханов высоко ценил человеческое достоинство дяди. Приведем выдержки из писем Чокана, где он касается личных качеств М.Шорманова.

Письмо из Петербурга отцу Чингису Валиханову от 9 августа 1860 г.: «Аллах знает, пришлет или нет мне деньги дядя Муса. Ведь он на редкость чудесный человек, но просить у него деньги я не стану» [7, с. 139].

Письмо из Петербурга отцу Чингису Валиханову от 4 ноября 1860 г.: «Бог

даст, через месяц выеду из Петербурга в Париж... В такое время было невредно получить помощь от Мусы» [7, с. 156].

Письмо из Омска К.К. Гутковскому от 4 марта 1864 г.: «Муса Шорманов тоже здесь, и мы живем вместе в вашем доме...

Муса Шорманович на Вас немного претендует. Вы послали всем знакомым свои карточки, а нас забыли. Но тем не менее он (Муса. – Р.Е.) собирается почтой послать Вам свою карточку» [7, с. 160-161].

Письмо из Омска К.К. Гутковскому от 24 марта 1864 г.: «Завтра мы выезжаем: я в Аулие-Ата, ... Муса в Баян-Аул, чтобы подвизаться в доблестях гражданина... Отец мой совсем перестал ездить в Омск. Муса бьется как рыба об лёд, и туда и сюда, но пристроиться все-таки не может» [7, с. 160-161].

С каким почтением относился генерал-губернатор Западной Сибири Г.Х. Гасфорт к Чингису Валиханову и Мусе Шорманову можно видеть из письма Чингиса сыну от 6 июля 1860 г. Так, он пишет: «Генерал-губернатор по случаю нашего приезда, т.е. моего, Мусы и Шалгынбая (старший султан Каркаралинского округа – Р.Е.), дал обед в Благородном собрании. Собралось все высшее начальство, играл оркестр...». Далее в этом письме есть описание такого интересного эпизода: «Передал я Мусе твой привет и твои слова: «Не в порядке сюрприза, а в порядке помощи». Он покраснел от стыда. И тут же выказал мне свою обиду

на тебя: «Он не дал мне китайскую вазу, повёз её к Вам». Я же сказал ему: «Он увёз её с собой в Петербург и не оставил мне». Этим он был очень доволен. Сильно огорченный своим неверным предположением, он сказал: «Я было, затаил обиду на него, подумав, что он ни во что нас не ставит в сравнении со своим отцом. Поскольку он увёз этот сюрприз с собой, то напрасно я обвинил его в неблагородном поступке». [7, с. 201].

В другом письме Чокану от 19 сентября 1860 г. Чингиз Валиханов пишет: «Копию твоего письма переслал дяде Мусе» [7, с. 203].

Видный казахский ученый, основатель чокановедения академик А.Маргулан в книге «Шокан туралы естеліктер» пишет: «Одним из близких людей, с которыми постоянно советовались Чингиз Валиханов и Чокан Чингизович, был Муса. Мать Чокана – Зейнеп была младшей сестрой Мусы. Родина Чокана – Сырымбет была любимым местом и Мусы, куда он часто ездил и проводил время. Позднее, в доме сына Мусы Садвокаса, я нашел 30 писем, адресованных Мусе Чоканом. Письма написаны по-казахски арабской вязью. Примечательно, что все письма начинаются со словами «Аяулы мырза ағамызға» (Любимому брату - мырзе). В одном из писем Чокан приглашает Мусу в Омск: «Возникшие вопросы мы могли бы решить там». Другая группа писем получены Мусой от Г.Н. Потанина и его жены, и от К.К.Гутковского. После смерти Садвокаса все эти письма были уничтожены» [10]. Уничтожение

писем видимо, связано с политикой конфискации и последовавшими за ней репрессиями (в 20-30 е гг. XX века были репрессированы многие потомки Чорман бия).

После смерти любимого племянника Муса Шорманов усердно ходатайствовал перед колониальными властями о сооружении памятника на могиле Чокана Валиханова. Об этом свидетельствуют следующие строки известного русского публициста, общественного деятеля Н.М. Ядринцева: «Много лет спустя мы, видели двух стариков киргизов, родственников Чокана, один из них был султан Муса Шорманов, они приезжали поговорить о сооружении памятника на могиле Чокана Валиханова...

Беседа со стариками и вспоминая Чокана, мы были свидетелями, как у этих седых представителей киргизской степи полились слезы» [16, с. 39].

Желание Мусы Шорманова – постройка памятника Чокану Валиханову в урочище Алтын-Эмель было осуществлено в 1881 г. туркестанским генерал-губернатором К.П. Кауфманом и генерал-лейтенантом Г.А. Колпаковским [7, с. 66, 361].

Муса Шорманов вложил немало труда в дело посмертной публикации некоторых статей Ч.Валиханова и прежде всего в провинциальной печати. Свидетельством этому являются записи оставленные Г.Н. Потаниным.

Муса Шорманов хорошо знал устное народное творчество и был постоянным корреспондентом Ч.Ч. Валиханова и Г.Н. Потанина,

собирал для них казахские сказки, исторические и генеалогические предания – шежире (буквально – родословие) казахского народа, а также многие свои этнографические материалы передал Н.М. Ядринцеву, учителю, близкому другу Чокана, фольклористу, исследователю Востока Н.Ф. Костылецкому. Часть этих материалов хранится в архивах и рукописных фондах России.

Интерес представляет следующее сообщение Г.Н. Потанина: «Возвращаясь из поездки 1880 года, я заехал в Баянаульский округ, где провел неделю в ауле Мусы Шормановича... Господин Шорманов обязательно предложил мне воспользоваться бумагами, которые были приготовлены им для покойного Чокана Валиханова...» [9, с. 17].

Э.А. Масанов отмечал, что «Ч.Ч. Валиханов постоянно поручал

Шорманову сбор этнографических материалов и требовал от него серьезного отношения к делу» [11, с. 200]. Видимо, именно поэтому Мусе удалось позднее написать несколько блестящих по содержанию и языку этнографических записок [1-5].

Подытоживая наше небольшое исследование, хочется еще раз отметить, что Муса Шорманов являлся не только близким родственником Чокана Чингисовича Валиханова, но был его покровителем, единомышленником, информатором и корреспондентом.

Несомненно, Муса Шорманов прямо или косвенно участвовал в становлении личности Чокана. В то же время мы видим явные факты того, что М.Шорманов формировался сам как этнограф-исследователь под непосредственным влиянием Чокана.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шорманов М. О скотоводстве у киргизов Западной Сибири // Сельское хозяйство и лесоводство С.-Пб., 1883, №1.

2. Шорманов М. Заметки о киргизах Павлодарского уезда // Записки ЗСОИРГО. Омск, 1906, кн. XXXII.

3. Шорманов М. Зимовки или зимние кочевки // газ. «Семипалатинские областные ведомости». - Омск, 1871, № 37

4. Шорманов М. О кочевках киргиз // газ. «Семипалатинские областные ведомости». - Омск, 1871, № 33.

5. Шорманов М. Поминки по усопшим у киргиз // газ. «Семипалатинские областные ведомости». - Омск, 1871, № 32. Также в газ. «Акмолинские областные ведомости». - Омск, 1873, № 18.

6. Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений. Т.4.-А.: «Наука», 1968.

7. Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений. Т.5.-А.: «Наука», 1985.

8. Зиманов С.З., Атишев А.А. Политические взгляды Чокана Валиханова. А., 1965.

9. Казахский фольклор в собрании Г.Н. Потанина.-А., 1972.

10. Марғұлан Ә.Х. Шоқан туралы естеліктер.-А., 1983.

11. Масанов Э.А. Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР.-А., 1966.

12. Нысанбаев А. «Порог нового времени мы переступаем вместе с Сатпаевым» // газ. «Казахстанская правда», 4 мая 1999 года.

13. О кочевках киргиз // Собрание сочинений Ч.Ч. Валиханова. Под ред. Н.И. Веселовского, СПб., 1904.

14. Потанин Г.Н. Биографические сведения о Ч.Валиханове //Собрание сочинений Ч.Ч.Валиханова. Под ред. Н.И. Веселовского, СПб., 1904.

15. Рахимов Е.К. Муса Шорманов – общественный, государственный деятель и исследователь традиционной культуры

казахов. Автореф. дисс. на соискание ученой степени канд. ист. наук.-Павлодар, 2007.

16. Ядринцев Н.М. Биографические сведения о Ч.Валиханове //Собрание сочинений Ч.Ч.Валиханова. Под ред. Н.И. Веселовского, СПб., 1904.

Екібастұз қ.

ҚАЗАҚ ШЕЖІРЕЛЕРІНЕ ҚЫСҚАША ШОЛУ

Статья известного казахстанского краеведа дает обзор материалам казахского шежире. Более подробно автор остановился на происхождении казахского племени аргын и его родословной.

Article of the known Kazakhstan regional specialist gives the review to materials Kazakh shezhire. In more details the author has stopped on an origin of the Kazakh tribe Argyn and its family tree.

Қазақтың қариялары бағзы заманнан бері ата-бабаларының есімдерін ұрпақтан-ұрпаққа ауызша жеткізіп отырғаны белгілі. Қазақ халқының құрамындағы жеке рулардың ішіндегі ата-бабалардың есімдерін таратып, қағазға жазылған шежірелердің ертеден болмағаны көпшілікке аян.

Бұл жөнінде білгір шежіреші Мәшһүр Жүсіп Көпейұлы: «Біздің бұл қазақта тасқа таңба басқандай анық шежіре жоқ... Оқу мен жазудың жоқтығынан жазылған шежіре болмаған. Естігенін ұмытпай тұғын құлағының тесігі бар, кеудесінің есігі бар, ұқпа құлақ жандар болған», - деп жазады [10, 9 б.]. Осындай адамдар арқылы ататек шежіресі атадан балаға, баладан немере, шөбереге мирас болып, ауыздан ауызға тарап бүгінгі заманға дейін жетті. Мұны қазірде ғалымдар «даланың ауызша тарихнамасы» (ДАТ) деп атап жүр. Бірақ өкінішке орай, бүгінгі кезде ел арасында шежіре білетін, көпті көрген көнекөз қарттар жылдан - жылға азайып барады, тіпті жоқтың қасы деуге де болады.

Ел арасында шежіре ДАТ арқылы дамыды десек те, кезінде ардақты ойшылдарымыздың жазбаша қалдырып кеткен жалпы қазақ халқының тарихы мен шежірелері туралы еңбектері де бар. Мысалы, Мұхаммед Хайдар Дулатидың «Тарихи-Рашиди», Қадырғали Жалаиридың «Жәми-әт-тауарих» жылнамалары, Шоқан Уәлихановтың «Ұлы жүз шежіресі», Мұса Шормановтың, Мәшһүр Жүсіп Көпейұлының шежірелері – халқымыздың қымбат қазыналары. Сондай-ақ, қазақтың зиялы азаматтарының шежірелері Ресейдегі Қазан төңкерісіне дейін баспаханаларда кітап болып басылып шықты. Олар: Шәкәрім Құдайбердіұлының 1911 жылы Орынборда басылған «Түрік қырғыз - қазақ хәм ханлар шежіресі», Нұржан Наушабайұлының 1903 жылы Қазанда жарық көрген «Манзумат қазақиясы», Ғұсманғали Сыдовтың Уфада 1914 жылы шыққан «Қырғыз - қазақ шадманиясы», Әлихан Бөкейхановтың «Қарқаралы уезі» деген тарихи еңбектер. Осы кітаптардан кейін

Кенес үкіметі кезінде қазақ шежіресіне қатысты жарық көрген алғашқы еңбек - Мұқамеджан Тынышбаевтың 1925 жылы Ташкентте басылған «Материалы к истории киргиз-казакского народа» атты орыс тіліндегі еңбегі.

Содан бері шежіре тақырыбына өктемді отаршыл саясат 40 жылдан аса уақыт тұмылдырық салып келді. Тек 1968 жылы ғана В.В. Востров пен М.С. Мұқанов жазған «Родоплеменный состав и расселение казахов (конец XIX - начало XX в.)» атты кітабы жарық көрді. Бұдан кейін шежірелік кітаптар - жеке рулардың шежірелері Алматы және облыс орталықтарында шыға бастады.

Осы аталған шежірелерді мұқият оқып шығып, ондағы ататекке байланысты қайсыбір деректерді салыстыра отырып, ой елегінен өткізгенде байқағанымыз: қазақ халқының түп тегі, оның құрамындағы тайпалардың тектері және олардан өрбіген рулар мен аталардың көбінде, турасын айтсақ, дәлдік жоқ; ауызекі әңгімелердің желісімен кетіп, жансақтыққа ұрынудан ала-құлалық, кем-кеттік, қым-қиғаш мәліметтер, аталар таралымында өзара жанаспайтын кереғар есімдер, тіпті қоспалар да баршылық.

Енді осы айтылған жайлардың ұзын - ұрғасы аясында әңгіме бастау үшін қолда бар шежірелерден алынған қазақтың түп тегі жайында жазылған бірін-бірі қайталамайтын алты сөздейекті мысалға алып көрелік:

1. «Қазақ – Алаштың ұрпағы. Алаштан-Жайылхан, Сейілхан... Жайылханнан-Қазақ, Созақ, Ұзақ туады... Қазақтан-Ақарыс (Ұлы жүз),

Жанарыс (Орта жүз), Бекарыс (Кіші жүз) тарайды» [14, 12 б.].

2. «Алаштан-Сейілхан, Жайылхан, Майқы, Созақ, Қазақ. Қазақтан - Ақарыс (Ұлы жүз), Жанарыс (Орта жүз), Бекарыс (Кіші жүз)» [21, 86 б.].

3. «Нұх Пайғамбардың кіші ұлы Яфас (Иапес. - С.Ж.), мұнын үлкен ұлы Түрік, Түрік әулеті Дәшті Қыпшақ. Дәшті Қыпшақ әулеті Тұразбек хан. Тұразбек ханнан Мухсин, одан Зермәрдән, одан Рақаша, одан Нәдір, одан Мәлік, одан Әнес, одан Мағаз, одан Жәбал. Жәбалдан Шәһәйіл және Ақшолпан. Ақшолпаннан Қырғыз. Шәһәйілден Аққурай, Аламан. Аламаннан халифалық түріктер. Аққурайдан Алаш, Сейілхан. Сейілханнан түрікпендер тарайды. Алаштан Жәйілхан. Жәйілханнан Майқы би. Майқы биден Өзбек пен Сабиан. Сабиянның балалары Қазақ, Сазак, Долағай, Айырқалпақ. Сазактан қарақалпақтар тарайды.

Қазақтан Ақарыс, Жанарыс, Бекарыс деген үш бала туған, бұлар үш арыс деп аталады. Ақарыстан Ұлы жүз, Жанарыстан Орта жүз, Бекарыстан Кіші жүз тарайды» [16, 4 б.].

4. «... казахи ведут свой род от Яфса (Иапеса. - С.Ж), сына пророка Нуха (Ноя), от народа Тукю (по-китайски), т.е. тюрков... После этого народ тюркский назывался Хун или Гун (күн. - С.Ж)... В последующие столетия тюрки известны под многими именами, но мы - из ветви Уйгыр... Народ этот составляли тайфы (қазақша: тайпа. - С.Ж.): кыргыз, канлы, кыпчак, аргынот (арғын. - С.Ж), найман, керейт,

доглат, ойсын (үйсін. - С.Ж.) - т. е. наши прямые предки ... когда хан Озбек - потомок Джучи - принял ислам, все, кто в улусе его и предки наши стали называться озбеками, а когда Аз-Жанибек отделился от хана Ногай и народ наш последовал за ним, мы стали называться киргизами и казаками. В ту пору наименование «казак» носили не только три казахских жуза, но и другие племена» [11, 41 – 42 бб.].

5. «...Қадыр, ... Қалша деген аталарымыз болған... Олар әлде Түрік, әлде Сақ, әлде Хун аталған деседі...

Қадырдың баласы Алаш делініпті... Алаштан Жайыл туады. Жайылдан Қазақ деген жалғыз ұл... Қазақтан екі ұл болыпты: Жұман, Тұман» [22, 34-35 бб.].

6. «...Алаштан Сейілхан, Жайылхан, Елхан деген үш ұл туады... Сейілханнан сегізарыс Түрікментарайды. Жайылханнан - Өзбек, Елханнан - Сабиян туады. Сабияннан Айырқалпақ, Айырқалпақтан Майқы би...

Майқыдан Қазақ, Созақ, Ұзақ атты үш ағайынды тарайды» [6, 5 б.].

Осы сөздәйектерді оқып шыққан әркім «Қазақ» деген баланың есімдері бес түрлі әкеден туғанын аңғарады. Атап айтсақ, ол әкелердің есімдері: Жайылхан, Алаш, Сабиян, Жайыл, Майқы. Тек жоғарыдағы төртінші сөздәйектің авторы Шәкерім Құдайбердіұлы ғана Қазақты ешкімнен туғызбай, «қазақтар өзінің тегін Нұқ пайғамбардың баласынан, түрік халқынан бастайды» деп жазады. Сонымен қатар, ол осы сөздәйекте «казак» деген этнонимдік атаудың тек

үш жүзге біріккен біздің халықта ғана емес, басқа да тайпаларда бар екендігін айтады. Бұл пікір, менің ойымша, шындыққа жатады. Жоғарыда мысалға алған сөздәйектерден байқағанымыздай, Қазақтың әр басқа әкеден туылуындай ала-құлалықты біз кітап болып шыққан шежірелердегі өтірікті әшкерелеу үшін айтып отырғанымыз жоқ. Құдай ондай күпірліктен сақтасын. Біздің түпкі ниетіміз - кейінгі ұрпаққа ата-тегімізді дәлірек анықтап түсіндіру.

Бұл жерде ендігі бір айтылар сөз: Кейінгі кезде шыққан рулық шежірелердің қай-қайсысында болмасын кездесетін негізгі кемшілік - этнос пен ру-тайпалардың атауларын әдетте антропоним (кісі аты) ретінде алып қарау. Мәселен «казак» деген сөз кісі аты емес, этностың (халықтың) атауы. Сондай-ақ, «арғын», «үйсін», «найман», «қонырат» деген сөздер де антропоним емес, тайпалардың атаулары, яғни олар этнонимдер болып саналады. Демек, қазақ Бәленшеден арғын Түгеншеден туды деп айтуға әсте болмайды.

Әйтсе де өмірде нақтылы болмаған Қазақты Бәленшеден туғызып, одан Түгеншелер дүниеге келді деу - көне замандағы ата - бабаларды білмегенге мойымай жүйрік ойдың қиялына бой алдыру.

Шәкәрім Құдайбердіұлының «Қазақтың түп атасы» деген 302 жолдық өлеңінен мынадай деректерді оқи аламыз [15, 30 б.]:

«Қазақтың түп атасы батыр түрік
Арабсың деген сөздің түбі шірік.

Пәленше сахабаның затысың деп,

Алдаған дін жамылған өңкей
жүлік.

Адамның тұқымынан Нұх пайғамбар.

Үш Ұлы - Сәм, Хам, Япас міні, осылар.

Япастың бір баласы Түрік деген,

Өрбіген сонан өсіп, талай жандар».

Осы Түрік бабамыздың өмір сүрген кезінен бастап Түркі қағанатына дейін шамамен 44 ғасыр уақыт өткен екен. Бұл дегеніңіз - адамзат тарихының тұңғық дәуірі. Ал бұдан кейінгі Түркі қағанаты мен Қазақ хандығының құрылуы аралығын тоғыз ғасырдай уақыт бөліп тұр. Осынау қиян дәуір аясында да қазақ халқының құрамына кірген тайпалар ішіндегі жеке рулардың ататек шежірелері көнеден бар түркілердің дәстүрі бойынша ұрпақтан - ұрпаққа ДАТ арқылы беріліп отырса да қағазға түспегендіктен бізге түгел, толық күйде жеткен жоқ.

Түркілер арасында ежелден жалғасқан ататек шежіресін ауызша ұрпаққа қалдырып отыру үлгісі бары жөнінде Рашид ад-Дин былай дейді: «... монғол-түркілердің көнеден жеткен салт дәстүрі бойынша, олар өздерінің ата-тегің ру шежіресін есте сақтауға айрықша мән беріп отырады. Олар ... балаларына өзге жұрт сияқты тәрбие беру үшін тілі шығысымен-ақ құлағына ру туралы, ру шежіресі туралы аңыз-әңгімелерді құйып қояды. Бұл дәстүрден олар бұрын да, қазір де қылдай ауытқыған емес...» [17, 29 б.].

Мұны Рашид ад-Дин шамамен XIV ғасырдың басында жазғаны белгілі. Түркілер дәстүрі осылай бола тұрсада, өкінішке қарай, қыпшақ тілінде жазба ескерткіштер кем дегенде

бұдан бір жарым мың жыл бұрын пайда болсада түркі жұртының әрідегі ата-бабаларының шежіре-тарихы мәңгілік ұмытылмастай етіліп, тасқа қашалып жазылмағандықтан ДАТ арқылы бізге жеткен мағлұматтарда кейбір аталар мүлдем жоғалып үзілгені аксиомадай анық нәрсе. Сондықтан бүгінгі қай шежірені алмасында, онда, мысалы, өмірде болмаған Жанарыстың балалары Арғын, Қыпшақ, Найман, Қоңырат, Керей, Уақ деп қате жазылуының бар шындығы сол ұмыт болған арғы аталарды білмеуде жатыр.

Міне, осы пайымдауды негізге ала отырып, қазақ шежірелеріне қиялдан шыққан ата-баба есімдері сыналап кіргенге ұқсайды. Бұл арада мәселенің шындығына келсек, қазірде ата таратуға қолданып жүрген шежірелеріміздің қайсыбірінде ғана арғы атаның есімі әрі кетсе XIV ғасырдан, ал көпшілігінде XVI ғасырдан белгілі. Яғни біздер небәрі 15 - 21 атадан тұратын 5-7 ғасырлық шежірені пайдаланып жүрміз. Одан арғы аталар ұмыт болған.

Дегенмен, біздің қазақта ата-баба тамырын өте терең жылдарға жеткізетін шежірешілер де болыпты. Мысалы, Қазыбек бек Тауасарұлы: «Біздің тектіміз - тамырымыз өте алыста, одан бері ығылым замандар өткен. Әңгімелейтін анық білдім дейтін жердің өзі екі мың бес жүз жылдай», - деп жазады да өзіне дейінгі 88 атасын есімдерімен атап береді [22, 28 б., 124 – 126 бб.].

Содан кейін ол мынандай да ғажап деректі айтады: «Бұқар аға (Бұқар жырау Қалқаманұлын айтып отыр. - С.Ж.)

асқан шежіре, оның Арғынның жетпіс үш атасына дейін айтқан шежіресін де көшіріп бердім. Оны ұрпағы жаттап, жадына сақтап өсер деген дәмелімін. Бұқар жырау сияқты адам бүгінде біздің тұстарымыз арасында сирек» [22, 383 б.]. Бұқар жыраудың өзіне дейінгі аталардың артық-кемі жоқ 24 ғасырға жеткізе таратып, қағазға жазылған осы шежіресі біздің қолымызда жоқ және оны қайдан табамыз? Әйтсе де, жоққа өкініш білдіре отырып, үмітсіз болмайық, келешекте бәлкім ол шежіре табылып та қалар.

Шежіреге байланысты тағы бір нәрсе анық. Ол - әр адам сонау ықылым заманнан тек өзінің қай тайпаның, рудың ұрпағы екенін білуі. Бұл орныққан дәстүр, меніңше, қазақтар арасында күні бүгінге дейін сақталған. Қазіргі күні кез келген қазақ жастарынан: «Қай рудан боласың? - деп сұрасан көпшілігі мүдірмей дұрыс жауап береді. Содан кейін одан: «Жеті атаңды таратып бере аласың ба деп сұрасан ілуде бірі ғана, ары кеткенде төртінші атасына дейін айтып бере алады.

Жоғарыда айтылғандай, қазіргі шежірелерге ғасырлар тереңінде жатқан түп аталарымыздың ұмыт болуынан кейбір иланымсыз қосымшалардың еніп кеткенін қынжыла ескерте отырып, біз халқымыздың қасиеті боп саналатын оның шежірешілдігіне еш күмән келтірмейміз.

Ендігі әңгіме арғын тайпасы туралы болмақ. Қазақ халқының құрамындағы ең қомақты тайпа – арғын. Арғындардың қазақ халқына ғана емес, тіпті күллі түркі тектес халықтардың тарихына өзіндік зор үлес қосқаны

белгілі. Олардың саны 1917 жылдың қарсаңында 890 мың болып, жалпы қазақ халқының 15 пайызын құраған екен [25, 63 б.]. Ертеден айтылып келе жатқан «аспандай арғын жұлдыздай қыпшақ...» деген бейнелі теңеудің мәні тегінде осы көптікте жатса керек. Арғындардың белді жұрт екендігін Ұлы Бұқар жырау өз толғауында:

«Мен Арғын деген арыспын,
Азуы кере қарыспын.

Сен бұзау терісі шөншіксің,

Мен өгіз терісі талыспын», - деп аңғартады Сыр бойынан ауа көшіп бара жатқан керейлерге [2, 95 б.].

Қытай, моңғол, парсы, араб және Батыс Еуропа жазбаларында арғындар жайында мәлімет кеп кездеседі. Мысалы, Орхон-Енисей жазуларында «ұлық-арғын» деген сөзтіркесі бар, ал Қытайдың б.з. V ғасырын сипаттаған тарихнамасында да «аргунь» деп аталған жұрттың болғаны айтылады. Рашид ад-Диннің «Жәмих әт-тауарихында» арғын деген жауынгер тайпаның қазіргі мұңғол жерінде V - VII ғасырларда өмір сүргені айтылса, ал орыс зерттеушісі Н.А. Аристов Шыңғыс хан жорығы кезінде арғындардың найман мен керей қосындарының алдында жүріп, Батыс жақтағы жерлерді жаулап алуға қатысқанын жазады.

Арғындар біздің жыл санауымыздан арғы кезде-ақ арғытүркілердің Оңтүстік Сібірден Дунай өзеніне дейінгі Ұлы қоныс аудару көшінде солардың алдыңғы қатарында болған. Содан кейін олардың Еділ патшаның Батыс Еуропаға жасаған жорықтарына да қатысқаны тарихтан

белгілі. Сол кезден бері арғындардың Орталық Еуропаға кеңінен танымал болғандығына сербтік Константин Михайловичтің (1438-1502) «Записки янычара» атты кітабында: «Поганые, которые приняли закон Магомета, различны: это аргины, персы, турки, татары которые не имеют на своих лицах огненных знаков» (үнділердің маңдайына салынатын дөңгелек қызыл белгі. - С.Ж.), - деп жазылған дерек те дәлел болады [8, 35 б.].

Арғындардың біздің жыл санауымыздың V ғасырынан 1758 жылға дейінгі қысқаша тарихы Мұқамеджан Тынышбаевтың еңбегінде бірсыдырғы пайымды қамтылып жазылған [23, 73 – 78 бб.].

Енді, осы деректердің шындығына шек келтірмей, ежелгі арғын тайпасы туралы жазылған қазақ шежірелеріне тоқталып өтелік. Қолымызда бар шежірелердің бірінде Жанарыстан Қарақожа, Ақтамқожа, Есмағұлқожа, Қасымқожа, Дарақожа, Момынқожа туса [16, 4 б.], ал екінші бір шежіреде одан Қарақожа, Аққожа, Ақтамбердіқожа, Дарақожа, Есімқұлқожа, Қасымқожа туған екен [10, 14 б.].

Осы екі шежіреде Жанарыстың балалары деген тоғыз қожаның ішінде үшеуінің ғана аттары бір-біріне сәйкес келеді (олар: Қарақожа, Қасымқожа, Дарақожа), ал қалған алтауы әр түрлі аталады. Әрине, бұл шежірелерде өзара жанаспайтын жаңсақтық бары анық. Сондықтан бұлардан бәлкендей иланымды тұжырым жасауға болмайды. Үшінші шежіре бойынша Жанарыстан жалғыз Қарақожа ғана туады [21, 86 б.].

Біз жоғарыда «Қазақ» деген есімді адамның тарихта мүлдем болмағанын және одан Жанарыстың тумағанын шындық екенін айтқан едік. Сондықтан одан Бәленше, Түгеншелерді тарату - ерте замандағы ұмытылған аталардың орнын амалсыздан ойдан шығарылған есімдермен толтыру деп түсіну қажет.

Жоғарыда айтылғандай, екі шежіре бойынша Жанарыстан туған тоғыз баланың ішінде тек Қарақожаның ғана тарихта болғандығы туралы жазба әдебиеттерде нақтылы деректер жазылған. Мысалы, Қадырғали Қосымұлы Жалаиридін (1530 - 1605) «Жами ат-таурих» атты шежіре кітабында: Алтын Орда ханы Токтамыстың кеңесшісі Едіге батыр «... қарауылға Ятым батырды, одан кейін Тобал батырды, одан кейін арғын Қарақожаны қойды», - деп жазғаны [20, 252 б.] Қарақожа батырдың тарихи тұлға екендігіне нақты дәлел деуге болады. Және Қарақожа батырдың 1405 жылдың қаңтар айында Ақсақ Темір әмірге Токтамыс ханның атынан елші болып келгендігі жөнінде де тарихи дерек бар [28, 499 – 500 бб.].

Қазақтың ұлы ғалымы Шоқан Уәлихановтың еңбектерінен де Қарақожа батыр туралы оқуға болады [3, 232 б.]. Ол былай деп жазады: «Караходжа был посланником от Тохтамыша к Тамерлану. Курганы этих герсев находятся на правой стороне реки Ишима...» [19, 19 б.].

Академик Қ.И. Сәтбаевтың «Ер Едіге» жырын (ел аузынан жазып алынған нұсқасын) 1927 жылы Москвада жеке кітап етіп шығарғаны

белгілі. Осы кітаптың алғы сөзінде ол: «Әңгіме Қара Қыпшақ Қобыландыны, арғын Қарақожа батырды Едігемен замандас етіп көрсетеді», - деп жазады [18, 355 б.]. Сонымен бірге Қ.И. Сәтбаев жариялаған «Ер Едіге» жырында мынандай өлең жолдары бар:

«Арғындардың басы едін,
Қарақожа батырым» [18, 367 б.].

Сонымен жоғарыда әңгіме қылған деректерден Қарақожа батырдың ежелгі арғын тайпасынан шыққандығы тарихи шындыққа барынша сай келеді деп тұжырым жасаймыз, және ол Алтын Орданың бірлігін, тұтастығын сақтау жолында белсене күрес жүргізіп, Тоқтамыс ханның Ақсақ Темірге сеніп жіберген елшісі, яғни сарай маңындағы ақылгөй адамдарының бірі, әрі жауынгер серігі болғанын білеміз.

Осы айтылған жайлардан шығатын қорытынды: Орта ғасырда арғын тайпасына жататын есімі әзірге беймәлім бір адамның отбасында ер бала дүниеге келеді. Оған әкесі Қарақожа деп ат қояды. Бұл бала ержеткенде батыр атанады. Кейін осы Қарақожа батырдың бәйбішесінен Ақтанберді (лақап аты Тарақты), тоқалынан Арғын туады [19, 176.]. Жаңа туған балаға арғы ата-бабаларының есімдерін беру түркі халықтарында ерте заманнан бар дәстүр екені белгілі. Сондықтан Қарақожа батыр да өз баласына арғын тайпасының құрметіне байланысты «Арғын» деп ат қояды. Жалпы, «арғын» деген антропонимдер түркі елдерінде көп кездеседі. Мысалы, 1284 - 1291 жылдары Персияны билеген, ислам дінін қабылдаған Шынғыс

ханның кіші ұлы Толы ханның шөбересі Арғын-хан болған [9, 245 б.; 1, 29 б.]; XIV ғасырда Сириядағы өнеркәсібі мен саудасы өркендеген Халеб қаласының әмірі Арғын Дауадар; XV ғасырдағы Хорасан ханының да есімі Арғын болған.

Арғын Қарақожаұлының шыққан тегіне қатысты қазақ шежірелері арасында кереғарлық бары байқалады. Сол үйлесімсіздік жайттың да басын аша айтқан жөн секілді. Енді осы мәселе төңірегінде, меніңше, шындыққа жанаспайды деген екі пікір аясында ғана сөз қозғап көрелік.

Бірінші пікір: Құрбанғали Халид (1843 - 1913) «Тауарих хамса» (бес тарих) атты кітабында ешбір дәлелді дерекке сүйенбей Арғынды Дайырқожаның (Ақжол бидің) ұлы дейді. Сонымен қатар, ол Жанарыстың ұрпақтары жөнінде: «Жан Арыстың Орта жүзге таралған жүз ұлының (шүбәлы мағлұмат. - С.Ж.) бірінен Қара қожа туған. Қара Қожа, ұлы қара Қөбен сопы, ұлы Мухсин сопы, ұлы Уқаша сопы, ұлы Арқұл қожа, ұлы Дайыр қожа, ұлы Арғын», - деп басқа шежірелерде мүлдем кездеспейтін адамдардың есімдерін атап көрсетеді [26, 235 б.].

Екінші пікір: Құдайбердіұлы Шәкәрім қажының пікірінше Орта жүз құрамындағы арғындар ойрат (қалмақ) тайпасынан шыққан Хорасан аймағының басшысы болған Арғын - ағадан тарайды [11, 77 б.]. Бұл пікір шындыққа жатпайды. Өйткені осы пікірдің тарихи шындық еместігіне төмендегідей айғақты деректерді айтуға болады.

Біріншіден, ойраттар (жонғарлар) тарихи деректемелерде XIII ғасырдан ғана белгілі қазіргі Монғолияның батыс жағын мекендеген түркі тайпаларының ортақ атауы [13, 447 б.]. Демек, Орта жүз құрамында, ілкі заманнан өмір сүріп келе жатқан арғындардың ұрпақтарымен бірге, Шәкәрім қажының пікірінше ойраттардан шыққан Арғын - ағаның да әулеті бар сияқты. Жоқ, шын мәнісінде Орта жүз құрамында ежелгі арғын тайпасынан шыққан Қарақожа батырдың ұлы Арғынның әулеті бар екені даусыз. Егер Орта жүз құрамында ойраттардан шыққан Арғын-ағаның әулеті барына сенер болсақ, сонда Қарақожаұлы Арғынның ұрпақтары Қазақстан жерінен қайда ауып кеткен? Түсініксіз...

Екіншіден, Шәкәрім Құдайбердіұлы: «... когда великим каганом становится младший сын Чингисхана Толы, он посылает в Хорасан человека из тайфы ойрат по имени Арғын-ага, назначив его тамошним наместником. По мусульманскому летоисчислению это происходит в 440 г., или по русскому календарю - в 1262 году», - деп жазғандай Арғын-аға ойраттардан шыққан емес, тарихшы - шежіреші Әбілғазы Баһадүр ханның жазғаны бойынша, біз жоғарыда айтқандай, Толы ханның шөбересі болып келеді [1, 29 б.].

Осы сөздәйектегі тағы бір қисынсыздық: Толы хан 1232 (жылан) жылы қайтыс болады [4, 367 б.], ал Шәкәрім қажы: ол 1262 жылы Арғын-ағаны Хорасанға жіберді дейді.

Үшіншіден, Шәкәрім қажы мынандай дүдәмалдау болжам айттады:

«Если аргыны (аргынот), известные среди тюркских народов мира, могут быть потомками вообще древних аргынов (мұнысы дұрыс пікір. - С.Ж.), то аргыны нашего Среднего жуза - потомки именно этого Аргын-ага. К тому же имя его точно соответствует имени казахского первопредка аргынов. И мой дед, покойный Кунанбай-ходжа, тоже упоминал хана по имени Аргын-ага» [11, 77 – 78 бб.].

Осы сөздәйек бойынша Орта жүз арғындарының нақ ойраттан шыққан Арғын-ағаның ұрпақтары екендігін оның есімінің ежелгі арғындардың атына сай келуі анықтайтын сияқты. Алайда, бұл пікіріне Шәкәрім қажы ешқандай дәлелді дәйектеме айтпайды да, менің марқұм атам Құнанбай қажы да солай деуші еді» деп айғақсыз сілтеме жасайды.

Қорыта айтқанда, Арғын бабамыздың әкесі Қарақожа батырдың әкесі мен арғы аталарының есімдері бізге әзірге беймәлім. Міне, сондықтан да Мәшһүр Жүсіп Көпеев:

«Арғыннан әрі барсаң адасасың,

Ми жетпес көп дүниеге шатасасың.

Ол кезде сен де жоқсың, мен де жоқпын,

Несіне шежіреге таласасың?» - деп тегін айтпаған сияқты. Демек, ол Арғыннан арғы аталар ұмыт қалды деп есептейді.

Сөз қылып отырған мәселеге қатысы бар тағы бір жайт - ежелгі арғын тайпасына жататын арғындардың біршамасы Қазақ хандығы құрылғанға дейін Алтайдағы, Қырымдағы, Кавказдағы, т. б. қазіргі

ТМД елдеріндегі түркі тайпаларының құрамына еніп, олармен сіңісіп кетеді [24, 104 – 105 бб.].

Жоғарыда келтірілген деректерден байқауға болатыны және қорытынды жасап айтарлық пікірге келсек, біріншіден, Еуразия қосқұрлығындағы жалпы түркі халықтары әлеміндегі арғындар бір-ақ атадан тарайды десек қателесеміз. Екіншіден, қазіргі қазақ ұлтының құрамындағы арғындар ежелгі арғын тайпасының ішіндегі рулар мен Қарақожа батырдың ұлы Арғынның ұрпақтары болып саналады.

Міне, осы әңгіме қылған таным-түсініктен бүгінде «Арғын» деп атап жүрген бабамыз жеке тұлғаның есімі емес, ежелгі арғын тайпасының атауы екендігіне көз жеткізуге болады. Демек, арғындардың біздің жыл санауымыздан әрі жатқан тек-тамырың өкінішке орай, енді жіліктеп таратып бере алмаймыз.

Мен, осы мақаланың авторы - Серік Имантайұлы Жақсыбаев, Арғын Қарақожаұлының 17 ұрпағы боламын. Енді осы дерекке сүйеніп, Арғын бабамыздың туған жылын анықтап көрелік. Демограф ғалымдардың есебі бойынша үш ұрпақ бір ғасырды қамтиды екен. Сонда Арғын Қарақожаұлының туған жылы шамамен төмендегідей болып шығады:

$1934 - [100 \cdot (17+1)] : 3 = 1334$ жыл,
мұндағы 1934 - Серік Жақсыбаевтың туған жылы;

17 - Арғын мен Серіктің арасындағы ұрпақтар саны;

1 - Арғынның өзін бір ұрпақ ретінде есепке қосамыз;

3 - 100 жылды қамтитын ұрпақтар саны.

Белгілі жазушы Медеу Сәрсекеев те Арғынды XIV ғасырдың басында туған деп есептейді [19, 9 б.].

Сонда қазірде Қазақстанда тұратын Арғын Қарақожаұлының ұрпақтары өздерінің ата-тегін не бары 21 бабасына дейін ғана таратып бере алуы мүмкін. Бұл сан былайша есептеліп шығарылады:

$(2010-1317) : (100 : 3) = 21$,
мұндағы 2010-қазіргі жыл;

1317 - Қарақожа батырдың шамамен туған жылы (Арғын әкесінің 17 жасында дүниеге келді деп есептегенде).

Осы орайда мысал ретінде Медеу Сәрсекеевтің Тарақты Қарақожаұлының 21 ұрпағы екендігін айтуға болады [19, 9 б.].

Енді бүгінгі арғындардың қанша аталарының мүлде ұмытылып қалғанын есептеп көрелік:

$(2010 + 300) : (100 : 3) = 48$,
мұндағы 2010-қазіргі жыл;

300 - арғын тайпасының шамамен біздің жыл санауымыздан бұрын пайда болған жылы;

21 - осы кезде есімдері белгілі аталардың саны.

Сонымен, бүгінгі арғындардың кем дегенде 48 атасының есімдері ұмыт болғанын мойындауымыз керек. Бұдан былай ұмыт қалған сол аталарды қайтадан жаңғырту біздің қолымыздан келуі неғайбіл деуден басқа шара жоқ.

Қысқасы, бұл айтылғандардан туындайтын тұжырым: ескілі-жаңалы Орта жүз шежірелерінде «Қазақ» деген кісіден Жанарысты туғызды, одан әрі Бәленше, Түгеншелерді

тарату-ұмытылған аталардың орнын амалсыздан ойдан шығарылған есімдермен толтыру деп білу керек.

Арғынның Аргүл есімді бәйбішесінен Қотан жырау мен Ботан туады. Ботан жас кезінде қайтыс болып, одан ұрпақ қалмаған [10, 14 б.]. Қотан жыраудан Дайырқожа (Ақжол би) туады [19, 18 б.].

Енді Арғын Қарақожаұлына қатысты тарихи мәліметтерге сүйеніп, оның біз есептеп шығарған шамамен 1334 жылы туғандығын тексеріп көрелік.

Арғынның немересі Дайырқожа Әбілқайыр ханның сүйікті қазысы болған. Ол әділ билік айтқаны үшін Ақжол би атанған. Қазақтың ұлы батырларының бірі Қарақыпшақ Қобыланды да ханға ниеттес адам болған. Сондықтан Ақжол би мен Қобыланды батыр жасырын бірін-бірі көре алмайтын бақталас боп жүреді.

Ақыры осындай ала көздік себеппен Қобыланды батыр 1456 жылы Ақжол биді өлтіреді [11, 45 б.].

Осы қайғылы жағдай жөнінде Шәкәрім Құдайбердіұлының айтқаны:

«Ол биді Абылқайыр жақсы көрген,

«Ақжол» деп оң тізеден орын берген.

Қобыланды қарақыпшақ батыр еді,
Намыс қып, күндестікпен сайтанга ерген.

Өлтірген аңда жүріп Ақжол биді,
Қазакқа осы жұмыс ауыр тиді.
Қысасқа Қобыландыны өлтірем деп,
Жар салып Әз Жәнібек халқын жиды.

Жалынған үш кісінің құнын ал деп,
Алмаған керек емес бізге мал деп.
Б е р м е г е н А б ы л қ а й ы р
Қобыландыны,

Қалған ел мұны өлтірсем бұзылар деп» [15, 34 б.].

Сол кезде Қотан жыраудың қаза болған баласының сүйегін айналып жүріп, жылағанда айтқан төмендегі жыры сан ғасырлар бедерінде өшіп кетпей, сақталып бізге жетті:

«Қарақыпшақ Қобыландыда нең бар еді құлыным!

Сексен асып, таянғанда тоқсанға,

Тұра алмастай үзілді ме жұлыным?!

Адасқанын жолға салдың бұл Ноғайлы ұлының!

Аққан бұлақ, жанған шырақ,
жалғыз күнде құрыдың!

Қарақыпшақ Қобыландыда нең бар еді, құлыным?!» [5, 113 б.].

Бұл өлеңді Қотан жырау 85 - 88 жасында шығарды десек, онда ол 1368 - 1371 жылдары туған деп шамалауға болады. Ал ол 1460 жылы дүниеден өтеді [12, 577 б.]. Егер Ақжол би қаза болғанда Қотан жырау 86 жаста болса, онда ол 1370 жылы туған болады. Қотан жыраудың 1370 жылы туғанын Шәкәрім Құдайбердіұлы мен Медеу Сәрсекеев те айтады [11, 46 б.; 19, 9 б.]. Демек, Арғынның 36 (1370 - 1334) жасында Қотан жыраудың дүниеге келуі шындыққа жанасатын сияқты.

Тарихи деректер бойынша Дайырқожаның (Ақжол бидің) XVIII-XIX ғасырлардағы ұрпақтары Қотан жырауды арғы атамыз деп санаған. Солардың

ішінде Бұқар жырау мен Көтеш ақын (98, 14) және Жанақ ақын [11, 46 б.] бар. Мысалы, Мәшһүр Жүсіп Көпейұлы Қотан жыраудың кім екендігі жөнінде былай деп жазады: «Бұқарекен (Бұқар жырау - С.Ж.) айтыпты деген бір сөз бар:

Бәрімізді сұрасаң,
Қотанбайдың баласы,
Арғындардың сабасы.
Қарақожа бас болып,
Қабыл да болған дуасы» [10, 14 б.].

Қобыланды батырдың Ақжол биге өшпенділігі және оның Ұлытаудағы құба жонда аңшылап жүрген Ақжол биді бұзау бас қара шокпармен дәл төбесінен ұрып өлтіргені жайлы Ілияс Есенберлиннің «Алмас қылыш» романында көркемдеп суреттелген [7, 100 – 104 бб.].

Дайырқожа (Ақжол би) өлген соң, Қотан жырау Жәнібек, Кереймен бірге Шу бойына қоныс аударып, Қазақ хандығының шаңырақ көтеруіне елеулі үлес қосқаны тарихтан белгілі.

Дайырқожаның бәйбішесінен Қарақожа бай, тоқалынан Тәнбі сопы туады [19, 18 б.]. Осы арада мына бір жайтты айта кеткен жөн. Арғынның әкесі мен шөбересінің есімдері бірдей «Қарақожа» деп аталғандықтан кейбір шежірелерде, сірә, бұл қателікке саналып, екінші Қарақожа ата таралымынан алынып тасталған. Шындығында бабасының есімін ұрпақтарының біріне қою - түркілерде ертеден бар дәстүр. Қарақожа Дайырқожаұлының Қарлығаш есімді бәйбішесінен Мейрам сопы, Момын есімді тоқалынан Ақсопы, Қарасопы, Сарысопы, Арықсопы, Кенжесопы (Нәдір сопы) туады.

Жоғарыда аты аталған Тәнбі сопыдан бастап Кенжесопыға дейінгі жеті сопыға байланысты сырлы жұмбақтар бар секілді. Жалпы, «сопы» деген діни атақ болғанда, меніңше, Дайырқожа тоқалдан туған баласына «Тәнбі» деп ат қояды, ал «сопы» деген атаққа ол ер жеткенде ие болады. Сондай-ақ Қарақожаның тұңғышы Мейрамға да сопылық атақ ер-азамат болғанда беріледі. Сондықтан бұл екеуінің есімдері қағазға түскенде «сопы» сөзі олардың есімдеріне қосылмай «Тәнбі сопы», «Мейрам сопы» деп бөлек жазылуы керек. Әйтпегенде, көбіне «Тәнбісопы», «Мейрамсопы» болып жазылып жүр. Енді Момынның бес баласына келетін болсақ, әу баста оларға қойылған ныспылар басқаша болғанға ұқсайды. Себебі ешбір адам жаңа туған баланың келешекте не болатынын білмей, оны, мысалы, «Ақсопы» деп атамайды. Ендеше, кейін сопылық жолды қуған бес балаға жұрт олардың өндеріне қарап «Ақсопы», «Қарасопы», «Сарысопы», ал арықтау келгеніне «Арықсопы», кенже балаға «Кенжесопы» (шын аты Нәдір болуы мүмкін) секілді лақап аттар берген деп жорамалдаймыз.

Тәнбі сопыдан Үсенбай мен Елемес туады [10, 15 б.].

Мейрам сопы Нұрпая, Нұржамал, Қарқабат, Бибігүл есімді төрт әйел алған. Оның бәйбішшісі Нұрпаядан - Қуандық пен Сүйіндік; Нұрпаяның жанына еріп келіп (ол келін болып түскенде), еліне қайтпай қалған жеңгесі Нұржамалдан - Бегендік пен Шегендік; Нұрпаяның жанына түйе жетектеуге қосып

берген күні Қарқабаттан - Болатқожа [10, 15-16 бб.]; Бибігүл есімді жас тоқалынан - Қаржас туады.

Енді әр ғасырға үш ұрпақтан шамалап Мейрам сопының қай жылы дүниеге келгенін екі тарихи дерекке сүйеніп есептеп көрейік. Алдымен ол жылды Бұқар жырауға қатысты дерекпен есептейік:

$1787 - (100 : 3) * 7 = 1554$ жыл, мұндағы 1787 - Бұқар жыраудың қайтыс болған жылы; 7 - Мейрам сопы мен оның ұрпағы Бұқар жыраудың арасындағы ұрпақ саны.

Енді осы есепті Серік Имантайұлы Жақсыбаевқа қатысты дерекпен шығарайық:

$2010 - (100 : 3) * 14 = 1538$ жыл, мұндағы 2010 - қазіргі жыл;

14 - Мейрам сопы мен оның ұрпағы Серіктің арасындағы ұрпақ саны.

Сонымен, Мейрам сопаның туған жылы шамамен бірінші нұсқа бойынша 1554 болса, ал екінші нұсқа бойынша - 1538 жыл. Демек, біздің есептеуіміздің екі нұсқадағы кемшіні - 16 жыл (1554 - 1538). Бұл сәйкессіздіктің алты ғасырлық ұрпақтар есебін жүргізгенде еленбейтін шама екенін ескерту парыз.

Сондықтан Мейрам сопы 1538 - 1554 жылдардың аралығында туды деп жорамалдауға болады.

Шежірешілер әдетте Мейрам сопы ұрпақтарын «Үлкен арғындар»; Момын ананың «Бес Момын» аталған ұлдарының ұрпақтарын «Ортыншы арғындар»; Тәнбі сопының ұрпақтарын «Кіші арғындар» деп атайды.

Ақсопыдан Қанжығалы мен Тобықты; Қарасопыдан Бәсентиін мен Қарауыл; Сарысопыдан Атығай тарайды. Арықсопы мен Кенжесопыдан ұрпақ жоқ.

Сонымен, «арғын» этнониміне байланысты айтылған әңгімені былайша түйіндеуге болады:

1. «Арғын» деген сөз - біздің жыл санауымыздан бұрын Оңтүстік Сібірді мекендеген күндер тайпалары одағының құрамында болған арғытүркі рулары бірлестігінің ортақ атауы.

2. Қазіргі қазақ халқының құрамындағы арғындар - негізінен байырғы арғын тайпасынан шыққан Қарақожа батырдың, шамамен 1334 жылы дүниеге келген, Арғын есімді баласының ұрпақтары.

ӘДЕБИЕТ

1.Әбілғазы. Түркі шежіресі.- Алматы, 1992.

2.Бес ғасыр жырлайды. Т.1.- Алматы: «Жазушы», 1989.

3.Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. в пяти томах. Т.1.-Алма-Ата, 1984.

4.Данзан Лубсан. Алтан тобчи («Золотое сказание»). Пер. С монг. М., «Наука», 1973.

5.Екімыңжылдық дала жыры. Бас редакторы Ә. Нысанбаев. Алматы, 2000.

6.Еңсебаев Т.А. Қанжығалы шежіресі.-Павлодар: «ЭКО», 2004.

7.Есенберлин І. Алмас қылыш. Бірінші кітап.-Алматы: «Жазушы», 1976.

8.Записки Янычара. Написаны Константином Михайловичем из Остовицы.-М., «Наука», 1978.

9.Книга Марко Поло. М., 1955.

10.Көпейұлы Мәшһүр Жүсіп. Қазақ шежіресі.-Алматы: «Жалын», 1993.

11. Кудайбердыұлы Шакарим. Родословная тюрков, киргизов, казахов и ханских династий.-Алма-Ата: «Жазушы», 1990.

12. Қазақ Совет энциклопедиясы. Т.6,-Алматы, 1975.
13. Қазақ Совет энциклопедиясы. Т.8,-Алматы, 1976.
14. Қазақ шежіресі (дайындаған Жарылқап Бейсенбайұлы).-Алматы: «Атамұра-Қазақстан», 1994.
15. Құдайбердіұлы Ш. Қазақтың түп атасы // «Абай» журналы, 1992, №1.
16. Омаров И.О. Арғын ұруларының қысқаша шежіресі.-Қарағанды, 1991.
17. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т.1, кн. 2.-М.-Л., 1952.
18. Сатпаев К.И. Избранные статьи о науке и культуре.-Алма-Ата: «Нака», 1989.
19. Сәрсекеев Медеу. Тарақты және Қаракесек шежіресі.-Алматы: «Атамұра», 1995.
20. Сыздықова Р., Қойгелдиев М. Қадырғали би Қосымұлы және оның жылнамалар жинағы.-Алматы: «Қазақ университеті», 1991.
21. Тарақты Ақселеу. Балталы, Бағаналы ел аман бол.-Алматы, «Қазақ университеті», 1993.
22. Тауасарұлы Шапырашты Қазыбек би. Түп-түқианнан өзіме шейін.-Алматы: «Жалын», 1993.
23. Тынышпаев М. История казахского народа.-Алматы: «Санат», 1998.
24. Тынышпаев М. История казахского народа. (учебное пособие). - Алма-Ата, «Қазақ университеті», 1993.
25. Тынышпаев М. Материалы к истории киргиз-казакского народа. - Ташкент, 1925.
26. Халид Құрбанғали. Тауарих хамса.-Алматы: «Қазақстан», 1992.
27. Шаухаманов С. Алтынды тот баспайды немесе Қалтайдың тек аталары кім болған // «Таң-Шолпан» журналы, 2002, №9.
28. Тамерлан: Эпоха. Личность. Деяния.-М.: «Гураш», 1992.
29. Жақсыбаев С.И. Қазақтың түп тегі туралы.-Павлодар: «ЭКО», 2005.

РАЗВИТИЕ КРАЕВЕДЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ И КОЛЛЕКЦИОНИРОВАНИЯ В ПАВЛОДАРСКОМ И СЕМИПАЛАТИНСКОМ ПРИИРТЫШЬЕ (КОНЕЦ XIX – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XX В.)

Семей және Павлодар Ертіс өңірінде өлкетанушылық жұмыстың дамуында, тұңғыш мұражайлық коллекциялардың қалыптасуындағы Қазақстан және Ресейдің ғылыми қоғамдарының ролі көрсетілген. Сонымен, өлкеде тарихи-өлкетану мұражайларының қалыптасуына септігін тигізген мұражай-өлкетанушылық орталықтары аталған.

In the article we can see the role of the scientific societies of Kazakhstan and Russia in the historical development, collecting, formation of the first museum collections in South Kazakhstan. There were noted the centers of the historical-museum works, which helped to develop the net of historical museums in the region.

Развитие краеведческого движения в Казахстане и в соседней России в конце XIX начале XX вв. тесно связаны с созданием различных обществ: исторических, географических, музыкальных, театральных, пожарных и т.п. Это было характерно как для крупных центральных городов, так и для провинции. Столичные общества «...состоявшие, как правило, из известных ученых» формировались по узко профессиональному признаку или группировались по более или менее близким научным дисциплинам (истории, философии, истории культуры), подобные общества носили более универсальный характер и

инициатором их создания выступала местная интеллигенция [1].

С открытием в 1851 году в Иркутске Сибирского отдела Императорского русского географического общества (СОИРГО), а в 1877 году в Омске создается Западно-Сибирский отдел Императорского русского географического общества начинаются планомерные сборы и изучение материалов по истории, этнографии, археологии края, исследования по сельскому хозяйству. В дальнейшем от них «отпочковывались» новые отделения и подотделы, и Сибирь покрывалась сетью подразделений РГО.

Создание в конце XIX века в Омске отдела русского географического

общества, появление первых печатных изданий, открытие статистических комитетов позволило шире и глубже изучить историю и природу Павлодарского и Семипалатинского Прииртышья. Длительное время центром всей музейно-краеведческой работы в названом регионе был ЗСОИРГО в Омске и Семипалатинский областной статистический комитет, учрежденный в 1878 году в Семипалатинске [2]. Комитет являлся почти единственной организацией, ставившей целью своей работы изучение и исследование края, объединил в своем составе членов с разнообразным специальным образованием, среди которых было немало политических ссыльных-народовольцев, которые, оказавшись заброшенными на далекую окраину, чувствовали потребность в приложении своих знаний и в использовании имевшейся энергии. Первым секретарем комитета стал политический ссыльный Е.П. Михаэлис, который имел разностороннее образование. Именно благодаря его усилиям начали собираться коллекции по археологии и зоологии. Сбор предметов, имеющих музейное значение и их накопление навели его на мысль об основании в г. Семипалатинске музея. Эта идея была поддержана председателем статкомитета, губернатором А.П. Проценко. Активное участие в работе по сбору экспонатов принимали ссыльные революционеры и прогрессивно настроенная

интеллигенция П.Е. Маковецкий, Н.И. Долгополов, А.А. Леонтьев, П.Д. Лобанов, Абай Кунанбаев и местные краеведы братья Белослюдовы.

Таким образом, при статистическом комитете начало формироваться собрание письменных и вещественных источников, которое постоянно расширялось. Одновременно с накоплением коллекций в Комитете скапливались и книги, послужившие впоследствии основанием общественной библиотеки. Таким образом, вопрос об учреждении Музея встал одновременно с вопросом учреждения библиотеки. Их основанию способствовало и наличие денежных средств, выплаченное китайским правительством в качестве возмещения убытков, понесенные русскими подданными в Зайсанском уезде в 1867 году, которые были причислены к специальным средствам Министерства внутренних дел на удовлетворение местных нужд Семипалатинской области. В 1883 году на учреждение музея и библиотеки было выделено 1500 рублей, из них на нужды Библиотеки было отпущено 1200 рублей, а на нужды музея только 300 [3]. Открытие Семипалатинского областного музея и Семипалатинской общественной библиотеки состоялось 11 сентября 1883 года. В 1888 году на средства статистического комитета был издан каталог археологических коллекций (85 предметов). Однако к 1893 году, как свидетельствует доклад председателя статистического комитета

Н.Н. Петухова, музей и библиотека, постепенно пришли в состояние полного упадка. Коллекции, состоящие из чучел птиц и животных, без надлежащего ухода подверглись повреждению молью, а библиотечные книги расхищались читателями. В связи с материальной несостоятельностью статистический комитет передает в 1893 году коллекции музея Обществу попечения о начальном образовании. В этот период в состав имущества музея входило 17 шкафов-витрин и коллекции, в которые входило 2296 предметов. Коллекции содержали материалы по этнологии, археологии, зоологии, палеонтологии и горному делу, а также 283 тома изданий РАН и 36 томов Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей [3, с.5].

В 1902 году благодаря усилиям секретаря статистического комитета Н.Я. Коншина был учрежден Семипалатинский подотдел Западно-Сибирского отдела русского географического общества, сотрудники которого наладили работу краеведческого музея. К тому времени, согласно акту приемки осталась только часть коллекции музея. Семипалатинский подотдел вел большую работу по организации работы краеведческого музея. В 1916-1920 годы, после первой мировой и гражданской войны музей фактически не финансировался [3, с.8]. В 1922 году большинство сибирских музеев, находившихся в ведении отделов Русского географического общества, выделились в самостоятельные единицы

и Семипалатинский музей согласно положению о губернских музеях, с 1 апреля 1927 года был назван губернским музеем, его первым директором стал А.А. Андрианов [2]. Семипалатинский краеведческий музей, образованный при Семипалатинском областном статистическом комитете, является старейшим музеем в северо-восточном Казахстане.

В начале XX века существенным фактором возрастания общественного интереса к музейному делу стало бурное развитие массового краеведческого движения. В 1920 году было создано Общество изучения Киргизского края, переименованное в 1925 году в «Общество изучения Казахстана». Его членами были выдающийся востоковед и этнограф А.А. Диваев, композитор, музыковед и собиратель казахских народных песен А.В. Затаевич и др. Наиболее пристальное внимание историков привлекали революционная и национально-освободительная борьба казахского народа. Для развития промышленности важны были полезные ископаемые. Поэтому создавались филиалы общества в различных областях и городах республики. Такие научные общества вовлекали в краеведческую работу рабочих, крестьян, интеллигенцию и учащихся [4]. По республике в каждой области были открыты облотделения «Общества изучения Казахстана», результатом работы которых стало открытие в 1915 году Кустанайского и Восточно-

Казахстанского краеведческих музеев, в 1920 году - Кокшетауского историко – краеведческого музея. Характерной чертой деятельности музеев в этот период было распространение исторических знаний и сбор краеведческого материала, шел сложный процесс деятельности органов Советской власти по учету и сохранению памятников прошлого, а также отражающих переживаемый момент. Это был период активного развития у местного населения интереса коллекционирования и создания основ музейного и архивного дела в Казахстане [5].

В 1938 году решением оргкомитета при Президиуме Верховного совета КазССР по Павлодарской области было образовано Павлодарское областное оргбюро «Общества изучения Казахстана» [6]. Основной целью Общества было развитие творческой инициативы масс и воспитание любви к социалистической родине в деле изучения природных богатств. Основными задачами, которые ставило «Общество изучения Казахстана» перед областными орготделениями в регионах, были:

- 1) Сбор и поиски полезных ископаемых;
- 2) Исследование и изучение природных богатств (растительный и животный мир);
- 3) Выявление и сбор документов, воспоминаний по истории революционного движения, о восстании казахов 1916 г., о гражданской войне в районе;

4) Выявление и сбор археологических памятников и произведений народного творчества;

5) Изучение и освещение вопросов народного образования, культурно-просветительского и бытового развития населения;

6) Исследование и изучения всех отраслей народного хозяйства в условиях области;

7) Содействие научно-исследовательским и хозяйственным организациям в деле изучения Казахстана;

8) Проведение массово-пропагандистской работы, популяризация знаний о Казахстане путем лекций, докладов, бесед, печатания брошюр, издания сборников [7].

В протоколе № 1 Первой областной конференции «Общества изучения Казахстана» по Павлодарской области в 1939 году, говорилось: «Для того, чтоб развернуть краеведческую работу, нам нужен музей» [8]. Но только 10 июня 1942 года на основе решения Павлодарского облисполкома депутатов трудящихся в Павлодаре был создан краеведческий музей, хотя вопрос о его открытии поднимался намного раньше. В музей были переданы все дела ликвидированного Общества изучения Казахстана. Собственного помещения музей не имел, поэтому велась лишь собирательская и пропагандистская работа.

Таким образом, в развитии краеведческого движения,

коллекционирования, формировании первых музейных коллекций в Семипалатинском и Павлодарском Прииртышье большая роль принадлежит созданию и работе различных обществ: исторических, географических, музыкальных, театральных, пожарных и т.п., поднимающих проблемы сбора и сохранения краеведческих материалов. Центром всей музейно-краеведческой работы в регионе был ЗСОИРГО в Омске, Семипалатинский областной

статистический комитет и «Общество изучения Казахстана». Благодаря деятельности которых происходит становление сети историко-краеведческих музеев в регионе: 1883 год - открытие Семипалатинского областного музея – старейшего музея в крае и в Казахстане, 1915 год - открытие Восточно-Казахстанского краеведческого музея и в 1942 году открыл свои двери для посетителей краеведческий музей в г. Павлодаре.

ЛИТЕРАТУРА

1. Нестерова С.В. Научные общества Барнаула на рубеже XIX-XX веков // Промышленное зодчество Алтая. – Барнаул, 1996. – С.74-78.
2. Байгужинов К.А., Галлиев М.А. Семипалатинску 285 лет. – Семипалатинск, 2003. – 92 с.
3. Андрианов А.А. Краткий очерк Семипалатинского музея // Труды Семипалатинского окружного музея. – Семипалатинск, 1929. – С.3-9.
4. Нурахметова Г.Б. От кружков до музея // Культурное наследие Павлодарского Прииртышья. – Павлодар, 2003. – С.9.
5. Какенова Г.М. Культурная жизнь Северного Казахстана в 20-е годы XX века. Автореф. дис. ...канд. истор. наук. – Алматы, 1994. – 26 с
6. Архив ПОИКМ им. Г.Н. Потанина. Годовой отчет и докладные записки о работе отделения за 1938 г. О.1, Д.12, Л.4.
7. Архив ПОИКМ им. Г.Н. Потанина. Переписка с республиканскими оргбюро «Общества изучения Казахстана». О.1, Д.9, Л.52-56.
8. Архив ПОИКМ им. Г.Н. Потанина. Протокол Первой областной конференции «Общества изучения Казахстана» от 31.05.1939 г. О.1, Д.20, Л.1.

Павлодар мемлекеттік педагогика институты

ШЫҒЫС-ҚАЗАҚСТАН ОБЛЫСЫ АБАЙ АУДАНЫНЫҢ «ӘУЛИЕ» ЕСКЕРТКІШТЕРІ

В данной статье дается характеристика памятникам природы, истории и культуры Абайского района Восточно-Казахстанской области, известным в народе как «святыи».

In given article the characteristic is given to nature sanctuaries, stories and cultures of Abaj area of the East Kazakhstan area, known in the people as «The sacred».

Абай ауданы Шығыс Қазақстан облысының оңтүстік-батысындағы әкімшілік аудан. Орталығы — Қарауыл ауылы. Абай ауданының жері ойлы - қырлы болып келеді. Оңтүстік батысын Ханшыңғыс (1152 м) және Шыңғыстау (1077 м) шығысын Дегелен, Ордатас, батысын Дос, Мыржық таулары алып жатыр [1].

Мақаланың негізгі мақсаты бұл аймақ бойынша әулие культтік ескерткіштер жөнінде мәліметтер жинау, сонымен қатар сол жердің тарихымен, этникалық құрылымымен, табиғи-тарихи объектілермен танысу, оларды фотосуретке түсіру, зерттеу.

Зерттеу жұмыстары барысында Шығыс Қазақстан облысының Абай ауданы орталығы Қарауыл ауылы мен сол ауданға қарасты Тоқтамыс ауылы арасындағы көнеден келе жатқан ескерткіштер зерттелді. Сонымен қатар олардың классификациясы жасалды. Негізінен ескерткіштерді келесі топтарға бөлуге болады:

- «Әулие» ұғымымен байланысты жергілікті жер-су аттары;

- «әулие» тарихи ескерткіштер, оларға үңгірлер, обалар және тас стеллаларын жатқызуға болады;

- «әулие» адамдарға байланысты және қазіргі кезде махаббат символына айналған ескерткіштер;

Сонымен қатар осы өңірде қожалар нәсілдері де өмір сүрген. Жалпы осы Абай ауданының табиғаты, тарихы өте қызық және құпиялы. Әрбір тауы, әрбір кішігірім бұлағы мен көлі талай оқиғалардың куәсі іспеттес. Ал енді әрбіреуіне жеке тоқталып өтейік.

Саржал ауылынан кейін 70-80 шақырымнан кейін алдымызда Ақтас тауы көріне бастайды. Ақтас тауына келетін болсақ тау көрінісі керемет. Ақтас деп аталу себебі тау құрылымына байланысты болуы керек, ақтастардан құралған бұл тау күндіз ақ, кешке қарай күмістей жарқырайды.

Ақтас тауынан басқа бұл ауыл маңында Машан тауы да бар. Сонымен қатар Шаған деп аталатын шағын көл де орналасқан. Машан тауы мен Шаған көліне анықтама бере кетсек:

Машан тауы Шыңғыс тауының бір бөлігі Хан Шыңғыс қыратынан оңтүстік-батысқа қарай орналасқан. Машан тауынан шығысқа қарай Мамат және Бұғылы таулары да орналасқан. Бұғылы деп аталған себебі ерте кездері бұл жерлерде бұғылар өмір сүрген. Бұған дәлел ретінде Шыбынтай мен Әділ жартастарындағы кездесетін тастағы бұғы суреттері.

Ерте кезден белгілі қазақтар жылқыларды «Мон-Мон» деп шақырады. Алғашқы жылқылар Қытайда, ғұндардың көмегімен пайда болды. Демек «Ма» сөзі қытай тілінен аударғанда «жылқы» деген мағынаны білдіреді. Ал «Мо» сөзіне «а» әрпін қосатын болсақ, онда жақсылықтың белгісі деген мағынаны білдіреді. Атақты қытай зерттеушісі Сыма-Цянь «сянь» немесе «шань» сөзін «жер» деген сөзбен байланыстырады [2]. Толығырақ айтсақ «кұрбандық жасалатын жер». Осыдан «Машан» сөзіне келетін болсақ, жоғарыда келтірілген деректерден «жақсылығы мол жылқының құрбандық шалынған жері» деген мағына шығады.

Машан тауы мен Шыңғыс тауының арасында Шаған көлі ағады. Атауы жағынан бірнеше мағынаны білдіреді:

1) жіңішке, суы аз, яғни қазақтың «шағын» сөзімен мағыналас.

2) Өсімдік атауы, Батыс Қазақстанда шаған деп аталатын өсімдік бар.

3) «чаган», «таза», «ақ» манихейлік ұғымда негізгі түсті білдіреді.

Сақ тайпалары аримаспылардан кейін бұл өңірде жеті тайпалы қимақтар өмір сүрген. Баршамызға белгілі оларда манихейлік кең өріс алған болатын. Бұл ағым VII ғасырдан бастап таралған. Яғни «шаған» көлінің атауы өсімдік аталуымен аталды деген болжам дұрыс емес секілді, сондықтан не қазақтың шағын сөзімен байланысты, не сол жерлерде бұрын өмір сүрген халықтың діни ағымына байланысты қойылған деген қорытынды шығады.

Шаған көлінің оң жағасында Қоңыр әулие, Қыз әулие, Қырық үңгір, Шаңырақ әулие деп аталатын үңгірлер орналасқан. Яғни «әулие» қатарына жатқызылған деп үңгірлерді қарастыруға болады. Шаңырақ әулие үңгірінің ауызының ені 2 метрге дейін жетеді, тереңдігі 2-3 метр. Жалпы аумағы 4-5 метр. Сырт көрінісі жердегі дөңгелек тесікке ұқсайды.

Шыңғыс тауды бөктерлеп ағатын Шаған өзенін бойлай жүргенде, оң жақ жағалаудан Ақтастының жалдары көрінеді. Ақтастының алқымында жергілікті тұрғындар «қалмақ қорған» деп атап кеткен қалың қорым бар. Қорым бірнеше шақырымға созылған. Жергілікті тұрғындардың айтуына қарағанда атақты Шаған соғысы осы жерде болған.

Осы қорымды өрлей жүрген жан әйгілі «Қоңыр әулие» үңгірінің аузына тап болады. Қоңыр әулие үңгірінің атауына келетін болсақ, көптеген адамдар бұл жерде әулие адам өмір сүрген деп ойлайтын шығар. Бірақ бұл бұрыс болжам. «Қоңыр» сөзінің этнонимін талдасақ, тура мағынада қоңыр түсін білдіреді, ауыспалы мағынада салқын, қоңыржай деген мағынаға сай келеді. Бірақ неге әулие қатарына жатқызылады? Бұрынғы кездері үңгірге кіре беріс жерде 15-ке жуық балбал тастар орнатылған. Қазіргі кезде ол тастарды кездестірмедік. Шаған көліне анықтама берген кезде бұл өңірде қимақтар мемлекеті болғандығын айтқанбыз. Яғни жеті тайпалы қимақ елі VII ғасырда манихейлік дінді қабылдады. Манихейліктің негізі күн мен қараңғылықтан бастау алады. Адам күннен күш алып қараңғылық күштерімен күреске түседі. Қараңғылық күштері «могур» деп аталған арыстан басты айдаһар кейпінде болған. Гардизидің деректеріне сүйенетін болсақ, қимақтарда «аджилар» яғни айдаһарлар деп аталған тайпа болған. Ал айдаһар ашық жерде өмір сүрмейді ғой, яғни оның жері қара үңгір болған. Осыдан шығатын қорытынды, ерте кездері бұл үңгірде «могур» деп аталған айдаһар өмір сүрген.

Сонымен қатар бұл үңгірді жоңғарлардың кезімен байланыстырады. XII ғасырдан бастап сегіз тайпалы найман бірлестігі құрылады, ал қимақ

ұғымы бұл кезден бастап жоғала бастайды. Наймандар қимақтардың мекендеген жерлерінде өмір сүріп, манихейлік ағымды таратқан. Ал Шаған соғысы кезінде қазақтар бұл үңгірдің бар екенінен мүлдем бейхабар болатын. Бұл жоңғарларға қолайлы болды. Үңгір оларға «Шивет Монур», яғни «күміс қорған» секілді қызмет атқарды. Қазақтар бұл үңгірді сол кезде неге білмеді деген сұрақ туындайды. Әрбір жаңа дін өткен діннің белгілерін жоққа шығарады. Сол себепті манихейлік ағымның табынатын орны болған бұл үңгір қазақтар тарапынан қызығушылық тудырмады. «Монур» сөзі кейінірек «қоңыр» сөзіне ауысып, айдаһар мағынасын білдіретін «могур» сөзі «үңгір» сөзіне сәйкес келген. Яғни «Монур-унгур» «күміс таудағы үңгір» деген мағынаға сай келеді [3]. Ал енді үңгірдің өзіне келетін болсақ:

Үңгірдің кірер аузы тар. Алғашында 84 см, ортасы 60 см, соңында 106 см-ден кейін үлкен аумақ көріне бастайды. Ішінің биіктігі 7-10 метр шамасында, ені 40-50 метрдей. Түбінде аумағы 25x20 тұщы сулы үлкен көл бар. Ол жердің суы соншалықты суық, адамның қол-аяғы бірден тартылып қалуы мүмкін [4]. Керемет өзен өз бойына көп ғажайыптар мен шешілмеген құпияны жасырады. Мұздай судың астында не бар екенін ешкім білмейді. Жергілікті тұрғындар бұл суды қасиетті деп есептейді. Үңгірге адам тек таза ойлармен келуі керек, шылым шегуге, жаман сөздер

айтуға болмайды. Әйел адам үңгірге ұзын көйлекпен, басына орамал тағып кіруі қажет. Қасиетті деп саналатын бұл жерде асхана, қонақ үй секілді құрылыстар салынған. Ем-домына шипа іздеп келген адамдар қасиетті деп саналатын өзенге барып шомылып, құрбандық шалады. Яғни қазіргі уақытта бұл үңгірдің атқаратын функциясы қасиетті, киелі жер дегенге сай болып отыр.

Шығыс Қазақстан облысының Абай ауданында жоғарыда келтірілгендей «әулие» қатарына жатқызылатын атақты адамдардың ескерткіштері бар. Абай ауданының орталығы Қарауыл деп аталады. Қарауылдан 25 шақырым қашықтықта Би ата кешені орналасқан. Би Ата (Қабекен, Кеңгірбай Би) Жандосұлы – Арғын, Тобықтының атақты биі, көреген ел басшысы, есімі елінің ұранына айналған, бүгінде аруағына ұрпағы сыйынатын киелі бабасы. Қазақ халқы шапқыншы жаумен қаша соғысып «Ақтабан шұбырынды ...» болып жүргенде Кеңгір өзенінің бойында (1735 жылдар шамасында) дүниеге келген баласына Кеңгірбай деген есім беріпті. Ғұмыры қазақ халқы өзінің елдігін, жерін сақтап қала ала ма, жоқ па, дейтіндей арпалысты ауыр сәтке тұспа-тұс келген Кеңгірбай жастай елін қорғауға аттанып найзагер батыр танылады. Ел билігіне ерте араласып XVII жасында ұлы Абылай ханнан би атағын алады. Ешкімнен қаймықпай, ешкімге кіріптар болмау үшін күрескен

Қабекен «Әнет бабам емес пе менің атам ...» деп жұмбақтап өзінің арман-мақсатын да, үкім-жазасын да, мұрат-мүддесін де астарлап айтатын сөзге шешен, ойға сұңғыла көреген, қазақ халқының даналығын, «Жеті жарғы» талабын жете меңгерген, әрі оны берік ұстанған кемеңгер қайраткер [5].

Бүгінгі күнде бұл кешен ары таза, иманы кәміл жандардың келіп мінажат ететін қасиетті орнына айналған. Қасиетті бабаның басына келушілер өзінің бақыты мен қуанышна тәуба етіп, көңіліне қаяу түскен пәндальар жанына сая, сырқатына дауа, келер күндеріне игілік пен ырыс, саушылық пен тыныштық, ынтымақ пен береке тілейді. Қасиетті бабаның рухынан қуат, даналығанан нәр алады.

Би Ата мазарынан 4 шақырым қашықтықта атақты Абай Құнанбаев пен Шәкәрім Құдайбердиев жерленген Жидебай кешені орналасқан. Жидебай кешені Абай атамьздың өмір сүрген үйі, қазіргі күнде мұражай үйі, Абай Құнанбаев пен Шәкәрім Құдайбердиевтың зираттары, сонымен қатар Абай атамьздың анасы Ұлжан мен әжесі Зере жерленген зираттардан құралған бірнеше құрылыстардан тұрады.

Қазақтың кең байтақ ашық даласында аппақ болып жайқалып тұрған бұл кешен адамдарды өзіне шақырып тұрғандай әсерде боласын. Себебі ұлы ғұлама Абай атамьз бен Шәкәрім қажы жерленген бұл жерлер қасиеттіліктің, тазалықтың,

тыныштықтың бір белгісі сияқты. Адамдар бұл жерлерге ілек-ілегімен келіп жатады, садақаларын салып, дұға оқып, ақ маталарын байлайды.

Жидебай кешенінің алдында Европа мен Азияның орталық нүктесінің белгісі ретінде ескерткіш орнатқан. Европа кіндігі деп аталатын бұл ескерткіш аумағы үлкен емес, дөңгелек формасында жасалған.

Сонымен қатар бұл өңірде әлі де талай тарихтың сыры бар. Сондай ескерткіштердің бірі бүгінгі таңда жастар үшін махаббат символына айналған Еңлік -Кебек тығылған үңгір мен олардың жерленген жері. Жидебай кешенінен кейін Семей қаласына бара жатқан Қарауыл-Семей жолында Еңлік-Кебек тығылған үңгір деген жазуды кездестіреміз. Сол жолдан солға қарай 6 шақырымдай жүрсек атақты Ұйтас үңгіріне тап боламыз. Бұл үңгірдің орналасқан жері шынымен тығылатын орынға сай келеді. Тау қыраттарының арасында орын тепкен бұл үңгір айналадағы табиғат әсемдігімен ерекшеленеді. Үңгір алдындағы орнатылған таста төмендегі сөздер жазылған:

Бұл ұлға бұғау, қызға тұсау
Болған зар заманда.
Өмір кешіп тас бауыр,
Қатал билер үкімімен
Өлтірілген Еңлік пен Кебек
Мекен еткен Ұйтас.

Доға тәріздес жасалған бұл үңгірдің аумағы 6-8 метрді құрайды. 1780 жылы өлтірілген Еңлік пен Кебек

тарихта болған шын ғашықтар. Ал олардың тығылған жері Ұйтас аз да болса бірге өмір сүріп, баласының дүниеге келген, бақытты күндердің куәсі іспеттес. Сол себепті сол жерде болған адамдардың жүректерінде «әттең-ай», «бұл ғашықтарды неге өлтірдің?» деген өкініш сезімдері кернейді деп ойлаймын. Қазіргі күнде бұл жер ғашықтардың қастерлейтін жеріне айналды деп айтуға болады.

Еңлік пен Кебек тығылған үңгірден кейін ғашықтардың жерленген жеріне кезігеміз. Шәкәрім еңбегінде айтылғандай:

«Тастады бесігімен баласын да,
Обалға өшіккен ел қарасын ба.

Еңлік-Кебек моласы бүгін де бар,
Таймақ пен Ералының арасында» [6],
- деп жазылғандай Еңлік – Кебек ескерткіші тура Ералы ата мазарының алдында, 1 шақырымдай қашықтықта орналасқан.

Махаббат символына айналған бұл ескерткіште Абай атамыздың:

«Көп жасамай көк орған

Жарасы үлкен жас елім», – деген сөздері жазылған. Төрт бұрышты, күмбезді формасында жасалған бұл ескерткіш бүгінгі күнде ақ маталармен байланған. Бұл адамдардың келіп, табынатын, аруақтарына дұға қылып, сыйынатын қасиетті жеріне айналғандығының белгісі деп қарастыруға болады.

Еңлік-Кебек ескерткішінен алыс емес жерде, тура бағытта Ералы ата мазары орналасқан. Ералы атаның

өмір сүрген жылдары 1790-1864 жж. аралығында. Жоғарыда аты аталып кеткен Би атаның, яғни Кеңгірбай Жандосұлының туған баласы. Төрт бұрышты етіп жасалған бұл күмбезді ескерткіш алыстан көзге көрінеді. Негізінен үш бөлімнен тұрады: кіре беріс, орталығында сегіз бұрышты қабырхана және дұға оқып отыратын, кіре берістің сол жағында орналасқан зиратхана. Жергілікті тұрғындар дұға оқып, ақтық байламай бұл жерден өтпейді.

Атап кететін бір жағдай, осы өңірдің барлық ескерткіштеріне дұға оқылып, тастары ақ матамен жабылады. Ал қасиетті деп саналатын аталардың зираттарында топырақты қолмен ұстап, бетті сипау сияқты рәсімдер жасалынады. Мысалы:

Жидебай кешенінің бірінші бөлмесінің орталығында топырақ салынған құрылыс орнатылған, Ералы атаның да мазарында өзі жерленген жердің үсті темір қоршаулармен жабылса да, астыңғы жағы ашық. Адамдар астына қолдарын созып, топыраққа тигізіп, беттерін сипайды. Жергілікті тұрғындар «атаның басына барып қайту керек деп» бұл жерді қасиетті, киелі жер деп санайды.

Баяндаманы қорытындылай келгенде, Шығыс Қазақстан облысының Абай ауданында «әулие» қатарына жататын ескерткіштер өте көп. Бірақ өкінішке орай олар туралы мәліметтер өте аз. Сондықтан оларды толықтай зерттеп, тарихымызға жаңа, тың мәліметтерді зерттеу қажет.

ӘДЕБИЕТ

1.Қазақ ұлттық энциклопедиясы. -Алматы: «Атамұра», 2005.

2.Записки Семипалатинского подотдела за 1894 г.

3.Карибаев Б.Х. Сакральные истины топонимики Чингистау. с.Токтамыс, 2004.

4.Ахметжанова Б. Өлке тарихы «Қоңыр әулие» үнгірі. // Колледждер мен мектеп оқушыларының V халықаралық

ғылыми-тәжірибелік конференция материалдары.-Семей, 2009.

5.М. Жанболатұлы, Қ. Айтқожин, Д. Төлелбергенқызы. Би Ата әлемі.-Семей, 2008.

6.Дүйсенбаев Е. Шәкәрім. Өлеңдер мен поэмалар.-Алматы, 1988.

*Отырар мемлекеттік археологиялық қорық-музейі,
ОҚО, Отырар ауданы, Шәуілдір кенті*

ОТЫРАР ӨҢІРІНЕН ТАБЫЛҒАН ЗЕРГЕРЛІК БҰЙЫМДАР – ҰЛТ МҰРАСЫ

В данной статье автор подробно пишет об уникальных экспонатах, которые выставлены в Оtrarском государственном археологическом музее. Рассматриваются все виды ювелирных изделий: история их создания, предназначение и т.д.

In this article the author write in detail about exceptional exhibits which were on display in Otrar state museum. Concerning all types of jewellery histories their foundation, identify et.c.

Қазақтың ұлттық қолөнері сонау ерте замандардан палеолит, неолит, қола дәуірлерінен бастау алатын жарқын да көп қырлы құбылыс. Қазақ халқы өз тұрмысына керек заттардың бәрін қолөнер арқылы жасады, өзінің тұрмыс-тіршілігін, қоршаған дүниені, әсемдікті қолөнерде көрсете білді. Қазақстанның ежелгі және ортағасырлық қалалары мен қалашықтарының орнында жүргізілген археологиялық қазба жұмыстары барысында табылған көне сарайлардың орны, мешіт, монша, қорған мен цитадель орындары, озық құрылыс үлгілерінің, су құбырлары жүйесі - өркениеттіліктің белгісі болумен қатар қала мәдениетінің жоғары өреге көтеріліп – ғылым мен мәдениеттің қарыштап дамығандығын көрсетеді. Халқымыздың тұрмысында күні бүгінге дейін сақталып келген тұрмыстық бұйымдар қолөнеріміздің озық үлгілері

өте көп, солардың бірі зергерлік өнері. Қазақ халқының зергерлік бұйымдарын этнографиялық тұрғыдан XX ғ. аяғынан қазіргі кезге дейін А. Марғұлан, Х. Арғынбаев, Ә. Тәжімұратов, Ө. Жәнібеков, С. Қасиманов, М. Тоқтабаева, М.Ш. Өмірбекова т.б. ғалымдар зерттеген.

Қазақ халқында он саусағынан өнері тамған зергерлер, суретшілердің болғанын XIX ғ. аяғында өмір сүрген зерттеушілер жазған, олар А. Евреинов, И.Ф. Русанов, И.Я. Слобцов т.б. зерттеуші ғалымдар қазақ халқының күмістен жасалған зергерлік бұйымдарын жоғары бағалап бірнеше жылдар өтсе де өңін бермей әсемдігімен ерекше көз тартатынын жазған.

Қазақ халқының қолөнерінде зергерлік өнер ерте замандардан келе жатқан ісмерлік түрі. Алтын, күміс т.б.

металдардан сәндік бұйымдар жасайтын шеберді зергер деп атайды. Қазақ зергерлері әсіресе қару-құралдарды /айбалта, көк сүңгі, алдаспан, дулыға, қорамсақ/ үй іші мүліктерін /кебеже, жұқаяқ, адалбақан, асадал, зерлі аяқ/ аңшылық жабдықтарын /томаға, тұғыр, балдақ, оқшантай/ музыкалық аспаптарын/асатаяқ, қобыз, домбыра, сыбызғы, дауылпаз/әсемдепалтын күміс т.б. металдардан, бағалы тастардан қыз-келіншектердің әшекей бұйымдарын көркемдеп жасай білген. Зергерлер бұйымдар жасауда төс, кішкене балға, егеу, кескіш, түтік, бұрғы, біз, қайшы, қысқаш, көрік, дәнекерлегіш, өрнек салуға түрлі шапқылар, шеге жасайтын темір, қалыптар т.б. пайдаланған. Зергерлердің құрал-саймандары көлемі жағынан темір ұстасыныкіне қарағанда әлдеқайда шағын, әрі, жеңіл, ықшамды болып келеді.

Күмістен бұйымдар жасау үшін ең кең таралған тәсілдер отқа қызыдырып соғу, балқытылған металды қалыпқа құю, қаралау, темір бетіне күміс шабу, сым кептеу, сіркелеу, жұқа күміс әшекейлердің астына бедерлі қадау бастармен батыра тұрып бедерлеу, оймалау, асыл тастардан көздер орнату, су жүргізу, қалыптау, жону, қақтау, т.б. ісмерлік жұмыстары асқан төзімділік пен шеберлікті керек ететін күрделі де нәзік өнер түрі. Күміс бетіне қарала жүргізуді қазақ зергерлері ертеден білген, қаралауды «қара алтын» кейде қарала кавказ жүргізу деп те атайтын болған. Бұлай атаудың себебі

әрине кавказ зергерлерінің әсеріне байланысты болса керек.

Археологиялық зерттеулердің нәтижелері зергерлік өнердің өте ерте кезден-ақ жоғары деңгейде болғанын дәлелдеп береді. Мысалы, Алматы облысы Есік қаласының солтүстік жағында орналасқан «Есік» обасынан табылған б.д.д. V ғ. жататын сақ жауынгерінің қабірі ашылды. «Есік» обасынан табылған заттардың жалпы саны төрт мыңнан астам. (1, Акишев, 1976. 96.) Күмістен, қыштан, ағаштан жасалған ыдыстардан басқа да ағаштан өрген қабірде киімге және бас киімге тағатын алтын әшекей заттар, сырға, алтын белбеу, ұсақ моншақтар табылды. Бешшатыр обаларынан табылған моншақтар, қоладан жасалған әшекейлер де өз өнерімен таңқалдырады. Атырау облысы Жылыой ауданындағы Иманқара қорымынан шыны, інжу, ақықтан жасалған моншақтар. Сондай-ақ ежелгі Сарайшықтың орнынан шыныдан, түрлі-түсті тастардан жасалған моншақтар мен жүзіктер, алтын сырғалар мен жапсырмалар, қола түйме, қола сырға, бетінде жазуы бар сакина, жазуы бар сердолик ілдіргілер табылған.

Ежелден бүкіл Шығысқа кеңінен танымал болған Отырар өңірінде зергерлік өнердің дамығанын археологиялық қазба жұмыстары барысында табылған зергерлік заттар арқылы біле аламыз. Олар алтыннан, күмістен бояма шынылардан, қоладан жасалған түрлі әшекейлер. Зергерлік өнер заман, өмір ағымымен қашан да

бірге туындап дамып отыратын күрделі де бейнеті мол сала. XIV ғ. Тарихшысы Ф. Рузбихан қолөнершілер орталығы Сырдария өңіріндегі қалалар, Орталық Қазақстан, Жетісу өңірі болған деп жазады. (2, Марғұлан, 1986, 163б.) XIV ғ. бас жағындағы зерттелеген орыс деректерінде Сырдария өңірлеріндегі ұсталар мен зергерлер туралы жазады. Қолөнері зергерліктің дамығанын көрсететін Отырар мемлекеттік археологиялық қорық-музей қорында Отырар алқабынан табылған зергерлік бұйымдар сақтаулы тұр. Бұлар III-V ғғ., X-XII ғғ., XVI-XVII ғғ. тән әшекейлер: ақ, қара, көк түсті шыныдан жасалған өрнектер түсірілген моншақтар, көбінесе әйел қабірлерінен табылды. Әсіресе формасы сопақша болып келген шиша пастасының үстіне аспан көк қоңыр түсті сұйық шиша пасталарын жағып, толқын тәрізді өрнек түсірілген моншақ ерекше көз тартады. Сондай-ақ ромб тәрізді болып келген көк түсті тастан жасалған X-XII ғ.ғ. тән Қоңыр төбедең табылған моншақ және б.д. III-V ғ.ғ. тән ағаттан жасалған Көкмарданнан табылған формасы дөңгелек болып келген моншақ. Жұмыр немесе цилиндр тәрізді көкшіл шыны тәрізді заттан жасалған моншақтар мен дөңгелекше болып келген кедір-бұдырлы моншақтар жиі кездеседі. Көкмардан зиратынан табылған сердолик тасынан жасалған және қара түсті тастан формасы сопақша, цилиндр тәрізді үш қырлы етіп қашалып жасалған моншақ та жасау зергерлігі жағынан жоғары деңгейде.

Табылған заттардың коллекциясында табиғи тастардан өңделіп жасалған моншақтар да бар, атап айтатын болсақ сердолик, яшма, лазурит, агат, халцедон т.б. түрлі-түсті тастардан жасап шығарды. Пайдаланылған тастар табиғи, жасанды болып екіге бөлінеді. Зергерлік бұйымдарға қондырылған асыл тастарға ғажап қасиеттер тағылған. Мысалы, маржан адамды азғындаудан сақтайды, інжу көзді шел басудан қорғайды, құлпырма тас көз тиюден қорғайды, янтарь зобты емдейді, ал ақықты шығыста ежелгі уақыттан-ақ ерекше қастерлеген, ол адам бойындағы қорқынышты қашырады, ақық сөзінің өзі қазақтарда әрдайым сақтаушы түсінігін береді және мол бақыт әкеледі деп түсінген. Сондай-ақ тас әшекейлерді адамды түрлі қауіп-қатерден, тіл-көзден, ауру сырқаудан сақтайтын тұмар ретінде де таққан.

Аталған заттар Отырар алқабында ұсталық өнердің мән-жайын анықтауға жолашты. Мысалы, Отырардан табылған XIII-XIV ғғ. тән қоладан жасалған дм. 8,7 см. формасы дөңгелек астыңғы бетіне қалыппен өсімдік тектес өрнек түскен айна ерекше көз тартады. Айналардың бір тобы сырт жағында зооморфты өрнекті болып келген жиектеріне өсімдік сабақтары жүргізілген балық бейнесімен безендірілген бірнеше айна сынықтары сақталған. Осы тәрізді айналар Сарайшықтан табылған айналарға ұқсас болып келген және оған Павлодардың Ертіс бойынан табылған екі балық бейнеленген айна

сәйкес келеді. Хорезм, Еділ бойындағы алтынордалық кезеңнің, Сібір және Қиыр Шығыс ескерткіштерінде де тап осындай айналар бар. (3, Байпақов, 2007, 171 б.) Балық бейнесімен безендірілген айналарға тоқталатын болсақ, олар әсіресе зергерлік бұйымдарда көп қолданылады. Қазақтарда ол су мен жер символы, тазалықтың символы. Сондай-ақ этнографиялық деректер бойынша балықтар жаман нәрселерді қуады, кеселден айықтырады деп сенген. Жануарлар бейнесімен әшекейленген айнаның келесі түрі, арыстанның, бұғы, және иттің суреттері бар, диаметрі 14,2 см. болатын айнаның бұл түрі XI-XII ғғ. кезеңіне жатады. (4, Байпақов, 2007, 172 б.) Мұндағы әшекейленген бұғы бейнесіне келетін болсақ, ол Орта Азияның түркі-монғол өнерінде кең тараған. Бұғы киелі жануар ретінде аңыздарда көп айтылады. Мысалы, Қозы көрпеш - Баян сұлу жырында ол туралы айтылады. Ал арыстан бейнесі Қазақстан өнерінде б.з.д. IV-III ғғ. бері белгілі. Түркі дәуірінде арыстан бейнесі металдан жасалған, саздан жасалған жәдігерлерде кең өріс алды.

Археологиялық қазба жұмыстары барысында сондай-ақ бетінде өрнегі бар сақина, сырға, жүзік, білезік тәрізді заттар да табылды. Әсіресе мыстан, қоладан бетінде өрнегі бар жүзіктер ерекше көз тартады. Бірінің беті алты бұрышты, екіншісінің беті төрт жапырықты болып келген, сондай-ақ бетіне сердолик, лазурит, нефрит, яшма, агат, гагат, серпантинат, тау хрусталі

т.б. көздер орнатылған. Сырғалардың жасалу ерекшеліктері бойынша ай сырғалар, дөңгелек сырғалар деп бөлуге болады. Осы тәрізді Маңғыстау өңірінде алтынмен қапталған сырғалар табылды. Зергерлік бұйымдардың тағы бір түрі білезіктердің иілген жерлері бір жері алты бұрышты, жыланбас, ромб тәрізді өрілген білезіктер де кең тараған. Отырардантабылған алтыннан жасалған XII-XIV ғғ. тән иіс су ыдысының алтын қорабы зергерлік өнердің жоғары деңгейде болғанын көрсетеді. Алтын қорап бес қырлы болып жасалған, түбі ашық үсті бес қатардан айналдыра сатыланып бірте-бірте кішірейіп төбесі төж тәрізденіп аяқталған, қақпағы бар. Әрбір қабырғасының төсегін торлап тоқыған. Қабырғаларының ортасында «гүлдесте» өрнегі бір текше көтеріліп жапсырылған, оның ортасына және айналдыра өте нәзік гүл өрнектері жапсырылған. Салмағы 6 грамм, 400 мг. Сонымен қатар, Отырар алқабындағы көне тарихи ескерткіштерден табылған зергерлік өнердің ғажайып туындылары қапсырма, әйел мен ерлер белдіктері, шаш түйреуіш, тана т.б. мұндағы зергерлік өнердің жоғары дәрежеде дамығанын аңғартады.

Зергерлік әшекей бұйымдарды арнайы қалыптарда жасап шығарды. Мысалы, Отырартөбеден табылған XVI-XVII ғғ. тән қалыптардың бірі сырға жасауға, екіншісі тас агальматалиттен жасалған олар білезік құюға арналса, үшіншісі салпыншақ, төртіншісі моншақ жасауға арналған, ал

зімпара атты түрпілі құралды түрлі-түсті тастарды, металды, ағашты тегістеуге, өңдеуге, тазалауға қолданатын болған.

Қолөнері дами келе қазақ халқы зергерлік әшекейлерді, қару-жаракты, ер тұрманды, үй жиһаздарын т.б. заттарды безендіргенде жануарлар стилін малдың мүйізі құстың қанаты, жыланның басы бейнеленген. Кейбір жануарлар мен құстар киелі деп саналған. Мысалы, қой, түйе, жылқының адамдарды ауру сырқаудан, тіл-көзден сақтай алатын қасиеті болады деген. Құсты бейнелеу себебі құс ежелден еркіндік пен бақыттың, ізгілік пен бейбіт өмір сүрудің символы болған (4, Шойбеков, 1993, 156 б.). Құстарға байланысты әдет-ғұрып, наным-сенімнен туған құсмойын, құстұмсық, құс жолы сияқты ою-өрнектер пайдаланылған. Құс көне түркі тайпаларының ұғымында көктің, аспан әлемінің символы.

Зооморфтық өрнекке жататын арқар, қошқар, бұғы, мүйіздері мен арыстан, жолбарыс, қыран, аққу, құстардың бейнелерін тұрмыстағы заттарға ойып, зерлеп тоқыған, бұлар әсіресе зергерлік бұйымдар арқылы бізге жеткен. Жануарлардың шынайы, қиялы образын түрлі көріністе бейнелеу сақтардан бастау алады. Ежелгі адамдар өздерін табиғаттың ажырамас бір бөлігі деген дүниетанымнан болу керек, олар қоршаған ортаны бейнелеуде асқан шеберлікті танытты деп жазады зерттеуші М.Ш. Өмірбекова. Аң, құс, жануарлар бейнеленген заттар қасиетті саналып, олардың тырнақ

сүйектерінен тұмар жасаған, сак дәуірінен бастау алған аң стилі бірте-бірте өзгерістерге ұшырап отырған. Аң стилінің қалыптасуының басты себебі, адамдар аңдар мен жануарлардан пайда болды деген қиялдан туған болу керек.

Отырар, Құйрықтөбе, Көкмарданнан табылған заттарда жануарлар стилі бейнеленген. Мысалы, Отырар қаласының орнынан табылған шаш түйреуіштің бас жағына қонақтап отырған құс бейнеленген. Көкмарданнан табылған тұмаршаларда ешкі бейнесі бейнеленген. Сондай-ақ жануарлар стилі «Есік» обасынан табылған көп заттардың бірі сабы алтын қапсырмалармен әшекейленген ақинаққанжар. Онда жылан, қасқыр, арқар, киік, тау теке, қоянның шағын мүсіндері бар. Қазақ халқының тұрмысында көп қолданылатын оюдан атасы қошқар мүйіз өрнегі, оның қолданылмайтын жері жоқ. Қошқар мүйіз өрнегі – байлық пен молшылықтың нышаны. Мүйіз элементтерімен бедерлеу көнеден келе жатқан дәстүр, археологиялық, этнографиялық деректер мен музей коллекцияларына сүйенсек қошқар батырлық пен мықтылықтың символы, өніп-өрбу мен құт символы.

Аталған зергерлік бұйымдардың көпшілігі Арыс өзенінің сол жағалауындағы ең үлкен төбелердің бірі Көкмарданнан табылды. Мысалы, қайыс белбеулерді бекітетін көптеген темір мен қоладан жасалған жапсырмалар табылды. Табылған заттардың ішінде әйелдер әшекейлері де көп. Олар тастаң, әйнектен,

металдан жасалған моншақтар, сырғалар, түсті тастардан көздері бар дөңгелек келген қола тұмаршалар, алтыннан жасалған аспа әшекейлер, басынан үшкірлеп жәңбішке сымнан жасаған шаш түйреуіштер. Әйел зираттарынан қола айналар, қас бояйтын сұрметас табылған, осындай заттардың бірі мөлдір әйнектен салынған көзі бар қола медальон мен қола шынжырбау. Олардағы өрнектер көздің жауын алады. Көк-Мардан зираттарына тән ерекшелік түрлі аспалы тұмарлардың көптеп кездесуі. Ешкі және түрлі аң құстардың пішініндегі қола тұмарлар жиі кездеседі. Сондай-ақ сүйектен жасалған ұзынша болып басы белгілі бір кескінде жасалған түйреуіштер де көз тартып тұрады. Олар шашты түйреп қою үшін пайдаланылған.

Отырар мемлекеттік археологиялық қорық-музей қорында XIX-XX ғғ. тән халық қолданбалы өнерінің жәдігерлері зергерлік бұйымдардың 2000-нан астамы сақтаулы тұр. Олар білезік, сакина, шекелік, сырға, шолпы, шашбау, бойтұмар, тана, жүзік, алқа. Аталған жәдігерлердің бірнеше түрлері бар, оларға жеке-жеке тоқталатын болсақ, мысалы шашбау дегеніміз шашқа тағатын, шашқа қосып өретін әшекейлі бау. Музей қорындағы шашбаулардың көпшілігі 1858 жылдан 1920 жылға дейінгі шыққан теңгелерден немесе қақталған күмістен өрнектеп жасалған моншақты, қоныраулы әшекейлер, олар тыніке, оймыш, тәсілдері арқылы жасалған. Шолпыны тек сәндік үшін

ғана емес, шаштың жинақы тұруы үшін, қыздың дәже құрылысының дұрыс өсуі үшін де таққан. Музей қорындағы күмістен жасалған теңгелердің өрнектері өсімдік тәрізді болып келген, өрнек айналасы балық қабыршықтары тәрізді өрнектелгені де көп кездеседі.

Әшекей бұйымдардың келесі тобы бойтұмарлар, палеолит дәуірінде зергерлік бұйымдардың ішінде ең алғашқы табылғаны – бойтұмарлар болып табылады. XIX-XX ғғ. тән бойтұмарлардың өрнектері геометриялық үлгіде және сызықша тәрізді болып келген. Оларға дұға, ішірткі жазып шүберекке орап, сыртын қаптаған, әшекей ретінде де бәле-жаладан, ауру-сырқаулардан, көз тиюден сақтайды деген түсінік бойынша да таққан. Күміс түймені әр-түрлі тастан қырнап, өндеп жиегін таза күміспен көмкеріп жасаған. Оны ертеректе қыз-келіншектер, апалар сән үшін де әшекей ретінде де таққан. Музей қорындағы күмістен жасалған түймелердің өрнектері өсімдік тәрізді және геометриялық үлгіде жасалған.

Күмістен жасалған заттардың бірі қыз-келіншектердің, әйелдер мен әжелердің білегіне салатын әшекей бұйымы білезіктің жылан бас білезік, зерлі білезік, жіңішке білезік, қақпа білезік, топсалы білезік т.б. бірнеше түрі музей қорында сақтаулы. Мысалы, жылан бас білезік – жылан басты оюмен өрнектеліп, білезіктің екі ұшы жыланның басы тәрізді болып келген, ал жіңішке білезік дегеніміз күмістен енін шағын етіп жасаған білезікті айтады. Қақапак

білезік екі ұшы бір-бірімен қабысатын білезік. Ал топсалы білезік дегеніміз екі басы бірігетін бауыры топса арқылы ашылып жабылатын топсасы бар білезік. Музей қорындағы білезіктердің көпшілігі XIX-XX ғғ. тән. Білезіктердің ішіндегі аса қызықтысы сыртқы түрі ерекше сипатты дм. 6 см., қалыңдығы 1см., жалпақтығы 6см. тілімі жалпақ болып келіп, тісті ұштары қосылмаған ерекше сипатты болып келген қызыл қоңыр тастан көзі бар білезік көрер көзге әдемі де сәнді. Ондағы қолданылған өрнек қазақ оюларына тән қошқар мүйіз өрнегі байсалды да байыпты өрнектелуімен ерекшеленеді. Музей қорындағы сақталған білезіктің мына бір түрі басқалардан ерекше . Оның оюлары мен нақыштары жасалу ерекшеліктері басқаларға қарағанда ерекше әсер қалдырады. Қалыңдығы 1см, жалпақтығы 3,5см, биіктігі 5,5см болып келген білезікке қызыл, қоңыр тастан көздер біркелкі қондырылған. Араларына гөметриялық ал шеттеріне ирек су өрнектері түсірілген, бір көзінде арабша жазуы бар білезіктің әсемдігі мен қатар беріктігі де көрініп тұр. Білезікті көркемдеп құралына айналдыруда зергерлер пайдаланар жеріне қарай бедерлеме, қаралау, шеку, тыніке, дәнекерлеу т.б. әдіс-тәсілдер қолданған. Білезік ерте дүниеден бір ұрпақтан бір ұрпаққа ауысып әр дәуірде, әр қоғамда әр түрлі сипат алып күні бүгінге дейін жетіп отыр. Бұрынғы уақытта білезікті кездейсоқ бәлекеттен, тілден, көзден, бақытсыздықтан сақтайтын күдірет деп санаған.

Қыз-келіншектердің құлаққа тағатын әшекей бұйымдарының бірі сырғаның да бірнеше атаулары бар. Музей қорындағы күмістен жасалған ел арасынан табылған XIX-XX ғғ. табылған сырғалардың формалары әр түрлі болып келеді. Халық шеберлері қалдырған сырғалардың алуан үлгілері бар, олар көркемдік әшекейі ерекше жарты ай бейнелі ою-өрнегі бар ай сырғалар, көлденең ұзын әшекейлері мол болып жасалған сабақты сырғалар, үшбұрышты ромб түріндегі және гөметриялық өрнектері бар сырғалар. Музей экспонаттарының ішіндегі аса қызықтысы маржан тастар орнатылған сырғалар. Қондырылған маржан тастар біркелкі әрі қарапайым олардың әсемдігі мен қатар беріктігі де көрініп тұр. Сырғалар оймыш, ширатпа, қалыптама, бедерлеме тәсілдері арқылы жасалған. Қазақ тұрмысында сырға тағудың да әр түрлі этнографиялық мәні болған. Бұрын мәселен ер баласы тұрмай жүрген немесе баланы өте кеш көрген ата-аналар ырым етіп қартайғанда көрген осы ұлымыз тұрсын, тіл көзден сақтасын деген мақсатпен оны ұл емес қыз деп құлағына сырға тағып қойған. Бала ер жете бастағанда ғана оның құлағынан сырғаны шешіп алған (5, Шойбеков, 1993, 206.). Мысалы, қызға құда түскенде де сырға тағатын болған, ол біздің болашақ келініміз деп меншіктеудің белгісі болған.

Көркемдік дәрежесі мен нәзіктік те шеберлікпен нақышталуы жағынан музей қорындағы күмістен жасалған

жүзіктер мен сақиналар ерекше сипатты. Олар үсті құс тұмсығындай сүйір болып істелетін құс тұмсық жүзіктер, кішкене асыл тасы бар көзді жүзік, құдағи жүзік, геометриялық өсімдік тектес ою-өрнектері бар, көзіне түрлі – тастар орнатылып безендірілген жүзіктер, мөрлі жүзік. Жүзіктердің ішіндегі сыртқы түрімен, шебер нақышталуымен ерекшеленетін дм. 7x8см, қалыңдығы 1см құдағи жүзікті ерекше атауға болады, алтын жалатылған жүзіктің бетіне шыны қондырылған. Сондай-ақ бетіне қоңыр түсті шыны қондырылған және тыныке жүргізілген жүзіктер де ерекше сипатқа ие. Жүзіктердегі қолданар өрнектер қазақ оюларына тән өсімдік тектес, жарты ай, шенбер, геометриялық болып келген. Сымкәптеу, дәнекерлеу, керту, түйіршік, бедерлеу әдіс-тәсілдерін қолдана отырып бұйымдарды өрнектеп безендірген. Жүзік тағудың денсаулыққа пайдасы бар деп есептелген, себебі әр саусақта бүйрек, бауыр, өт, жүрекке тікелей байланысты жүйке нүктелері бар. Жүзіктер кейде осы нүктелерді дөп басып, бүкіл қан тамыр жүйесіне де оң әсер ете алады.

Қазақ халқында жүзік тағудың әр түрлі этнографиялық мәні болған. Мысалы, мөрлі жүзік дегеніміз ертедегі хан сұлтандардың, би, әскербасы т.б. дәрежелі кісілердің бір нәрсені күәландыру үшін мөр басатын арнаулы жүзігі. Құс-тұмсық жүзікті қыз-келіншектер арнайы жасатып тағатын болған. Қазақ халқының ерте кездегі әдет-ғұрып салты бойынша күйеуге

ұзатылған қыз белгілі уақыттан кейін сәлемдеме жіберуі тиіс болған. Қыздан егер құс тұмсық жүзік келсе баласының барған жерінде құстай ерікті басы бостандықта жағдайы жақсы екенін ұғатын болған. Құдағи жүзік тағу сыйластықтың, ілтипаттың, құрметтің белгісі болған. Құдағи жүзікті қыздың шешесі сыйластықтың белгісі ретінде келінін өз қызындай тәрбиелейтін құдағиына тағатын болған.

Қазақ әйелдерінің кеудеге тағатын алқа мен бойтұмарларының да бірнеше түрі бар. Олар да таза күмістен соғылып маржан, ақық тас орнатылып безендірілген. Соның бірі ұзындығы 20см. ені 9,5см өзара қозғалмалы болып қосылған ромб пішінді негізгі бөліктен және шынжырбаулардағы 6 дана салпыншақтан тұратын тұмаршаны атауға болады. Отырар алқабы Көкмардан зиратынан табылған III ғ. тән қола бұғы бейнелі тұмаршаны ерекше атауға болады. Мойынға тағып жүретін әшекейдің бірі тұмаршаны тіл-көзден, пәле-жаладан сақтайды деп түсінсе, ал алқаны өңіржиек, көкірекше, омырауша деп те атап қазақ әйелдері сәндік үшін таққан. Зергерлік әшекей бұйымдардың бірі кемер белбеудің ерлерге де әйелдерге арналған үлгілері бар. Белбеу көне замандардан күні бүгінге дейін пайдаланылып келе жатқан бұйымдардың бірі. Безендірілуі және соғылуы мен нақышталуына орай кімдер таққанын ажыратуға болады. Мысалы, асыл тастармен безендірілген алтынмен апталған белбеуді көбінесе

лауазымы жоғары адамдар таққан – ру ақсақалдары, хандар мен патшалар таққан. Қазақстан музейлерінде сақтаулы зергерлердің қолынан шыққан кемер белдік қазақ оюларына тән қошқар мүйіз, өсімдік сипатты элементтерге бай болып келеді. Шынайы өнер туындысына айналған зергерлік әшекей бұйымдардан басқа да тұрмыста тұтынатын әр түрлі мүліктерден зергердің еңбегін көруге болады, олардың бір парсы мынау: кебеже, тұғыр, пышақ, құман, ер тоқым. Мысалы, Отырар мемлекеттік археологиялық қорық-музейінің қорында сақтаулы тұрған кебеженің мына бір түрі алты жерден ромб тәрізді геометриялық фигуралар жонылып және ирек өрнектері сүйектен ойылған, әрбір сүйек әшекейлердің беттеріне ортасында ноқаты бар шағын шеңберлер сызылған, оның айнала шеттеріне ирек су өрнектерін сүйектен ойып жасаған. Сүйек әшекейлер зергерлікпен қиюластырған, оғолар кебеже бетіне күміс шегелермен шегеленген. Өлшемі: ұзындығы 47см, ені 74см. Кебеженің келесі түрі бетіне өсімдік

текес өрнектер және геометриялық фигураларды сүйектен мүсіндеп ағаш бетін ойып орналастарған. Зергерлік өнер туындыларына жататын мыс құманға түсірілген қалыптама күміс өрнектер және оған орнатылған ақық көздер зергердің асқан шеберлігі мен зор талғамын көрсетеді.

Халық таланттары қалдырған XVIII-XX ғғ. тән зергерлік бұйымдарға қарасақ олардың безендірілуінде ежелгі және ортағасырлық кезеңдердегі зергерлік бұйымдармен ұқсас жақтары бар екені анықталады. Ұлттық мәдениетіміздің тарихында зергерлік өнер ерекше орын алады, оны барлық халықтар жоғары бағалаған. Тарихи музейлердегі алтын мен күмістен жасалған зергерлік бұйымдар халықтық мұра, ғасырлар бойғы халық мәдениетінің көрінісі болып табылады. Осынау қасиетті жердің бай мәдени мұрасы мен рухани байлығын сақтап, келер ұрпаққа шашау шығармай жеткізу мақсатында кең ауқымды жұмыстар жүргізілуде.

ӘДЕБИЕТ

1. Ақышев К. Ертедегі ескерткіштер елесі. – Алматы: Қазақстан, 1976. -96.
2. Ақишев К.А., Байпақов К.М., Ерзакович Л.Б. Отрар в XIII-XV в.в.-Алма-Ата: Наука, 1987.-с.198-200.
3. Байпақов К. Ежелгі және орта ғасырлардағы Отырар. – Алматы: Қазығұрт, 2007. -171б.
4. Жалмұханов Ф. Зергердің өзі – көннің көзі. – Алматы: Өнер, 1985. -136.
5. Қасиманов С. Қазақ халқының қолөнері.-Алматы, 1962. -69-72б.
6. Қазақ халқының сәндік ою-өрнек өнері.-Ленинград: Аврора, 1970.-25-27б.

7. Маргулан А.Х. Казахское народное прикладное искусство.-Алма-Ата: Өнер, 1986г.-С. 163.
8. Өмірбекова М.Ш. Қазақ халқының дәстүрлі өнері.-Алматы: Кітап, 2004. -61-63б.
9. Самашев З., Жетібаев Ж. Қазақ петроглифтері.-Алматы, 2005, -57б.
10. Тасмағамбетов И. Орталық Азия зергерлерінің бұйымдары.-Алматы: Дидар, 1997. -12б.
11. Тәжімұратов Ә. Шебердің қолы ортақ.-Алматы: Ғылым, 1977ж.,-77-79 б.
12. Шойбеков Р.Н. Қазақ зергерлік өнерінің лексикасы.-Алматы 1993. -15б.

Омский государственный историко-краеведческий музей,
г. Омск (РФ)

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ СТАТУС ЖЕНЩИН В ПЕРВОБЫТНЫХ ОБЩЕСТВАХ

Бұл мақала деректерді кешенді түрде зерттей келе алғашқы қауымдағы әйелдердің діни-мифологиялық жүйесіндегі алған орнын анықтауға арналған. Кең материалдар негізінде ежелгі қауымдардың әлеуметтік, экономикалық, рухани, мифтік рәсімдік, отбасы-рулық саласындағы әйелдердің маңызды рөлі қоғамның даму деңгейіне, тіршілік етудің палеоэкологиялық және палеогеографиялық жағдайларына қатыстырылып көрсетілген. Зерттеудің нәтижелері гендерлік мәселелермен айналысатындарға пайдалы болады.

This work is devoted a statement of representations about what place women in structure of a primitive society occupied and in is religious-mythological system, on the basis of the complex approach to studying of sources (archaeological, ethnographic, written, folklore, is religious-philosophical, given to cultural science etc.). On a wide material that important role which the woman played social, economic, spiritual, family-patrimonial spheres of life of ancient collectives depending on a level of development of a society, ecological and geographical conditions of dwelling is shown. The research results can be useful to everyone who is interested in a gender problematics.

Изучение комплекса источников (археологических, этнографических, письменных, фольклорных, религиозно-философских, культурологических и т.д.) позволяет конкретизировать социокультурный статус женщин в первобытных обществах. Большую роль здесь играют разработки отечественных и зарубежных ученых, изучавших матрилейность в догосударственных и раннегосударственных обществах и проблему ее исторического приоритета, а также осуществивших анализ женских образов в первобытном

искусстве, благодаря которым мы имеем различные интерпретации их смыслового значения. Можно привести лишь некоторые из них: 1) портретные изображения женщин; 2) эстетический идеал красоты женщины; 3) жрицы, шаманки, олицетворение Великой Богини-Матери; 4) хозяйка очага, огня; 5) связь с культом плодородия (женщина-мать, прародительница, символ деторождения); 6) покровительницы охотников и природы, женская производственная магия, связь с животным миром;

7) символ единства и родственной связи членов общины; 8) игрушки, идолы, амулеты, обереги; 9) женщины-воительницы. Скорее всего, можно говорить о множественности значений женского образа, которые характеризовали различные социальные функции женщин, определяемые системой общественной жизни и зависящие от палеоэкологических и палеогеографических условий обитания. Образ женщины в искусстве – это та важная роль, которую она играла в социальной, экономической, духовной, семейно-родовой сферах жизни древних коллективов.

Специфика социокультурных отношений в раннепервобытном обществе предопределяла экономическое равенство всех членов родов и общин, в том числе и представителей разных полов [9]. Однако говорить о том, что все раннепервобытные общества были эгалитарными нельзя. Низкий уровень производительных сил, экономической системы неспециализированного присваивающего хозяйства не исключали условий для развития специфических форм социального неравенства [4, С. 67]. Исследователи первобытных обществ отмечают, что в коллективах охотников и собирателей в основном мужчины занимались охотой и рыболовством, а женщины – собирательством, ведением домашнего хозяйства. Доминирование мужчин было большим в том случае, когда они были основными добытчиками пищи, как например, у эскимосов [36,

С. 86]. Но когда охота не обеспечивала потребности коллектива в пище, то на женщин ложилась основная обязанность в обеспечении продуктами питания [28, С. 284]. Как полагает С.Н. Замятнин [13, С. 56], разделение труда – «мужчина-охотник», «женщина-мать» – возникло не сразу. В коллективной охоте в нижнепалеолитическое время женщина первоначально тоже принимала участие (например, известны изображения женщин-охотниц с луками в руках на скале в Минатеда в Испании), как и мужчина, но затем в мустьерскую эпоху по мере улучшения организации облавы женская половина первобытной группы использовалась в роли загонщиц, а мужчины убивали зверя. В верхнем палеолите, с усовершенствованием промыслового оружия охота становится делом мужчин, а необходимее ранее участие в охоте женщин пережиточно сохраняется в представлениях о женской производственной магии. Охотничье-магическая гипотеза С.Н. Замятнина поддерживалась А.С. Гушиным. Подчеркивая производственную направленность, он отводил главную роль в ритуальных действиях женщине. Она обладала особой магической силой, которой могла наделить мужчину-охотника или повелевать над зверем в силу своей особой близости к нему [8, С. 105-108]. А.П. Окладников [24, С. 78-80] отмечал, что обряд в честь Богини-Матери переплетается с охотничьим обрядом умерщвления зверей. Точно также должно быть переплетались образ женщины-матери и охотничья магия в сознании палеолитического человека, для

которого это было лишь двумя сторонами одного и того же явления. З.А. Абрамова, рассматривая комплекс представлений, заключенных в женских образах, выделяет одно из возможных значений - роль женщины в охотничьей магии [1]. Вероятным объектом магических действий, направленных на удачную охоту и связанные с ней благосостояние, обилие пищи, - был тот же образ женщины. Он, таким образом, мог играть роль фетиша, покровителя родового объединения во всех его начинаниях и производственных действиях [12, С. 420-423]. Б.А. Фролов отмечал, что промысел мужчин обеспечивал женщинам возможность продолжать род, а женщины содействовали промыслу мужчин. Зная цикл продолжения рода и календарь природы с циклическим воспроизводством животных, соотнося их и предсказав оптимальную стратегию промысла, тем самым женщины обеспечивали и процветание рода [34, С. 78, 90, 101]. То что женщина появляется в схематическом виде среди зверей как охотница (критская «владычица зверей», азиатская Рея-Кибела, римская Диана, греческая Артемида), указывает на то, что образ матери возникает неподалёку от отца, от охотника-тотема [33, С. 76-79]. Обладая практическими знаниями и навыками, зная магические ритуалы и заклинания, оказывая помощь больным и немощным, храня календарь, обычаи предков, неся на себе все заботы по дому (воспитание детей, обработка пищи и заготовка её впрок,

изготовление одежды, украшений, поддержание огня в очаге и т.п.), женщина могла быть центральной фигурой в хозяйственной сфере. Она – олицетворение непрерывности рода, связи поколений, общественного благополучия. Вместе с тем, образ женщин-родоначальниц, связанных с культом плодородия, женщин-хранительниц домашнего очага, огня мог в представлении древних сочетаться с образом хозяйек и покровительниц окружающей природы, животных, от которых зависело существование коллектива. В.Б. Мириманов [23, С. 52, 58-59] отмечает, что роль женщины в первобытном обществе была столь значительна, что обилие её изображений (наряду с образом «кормильца-животного») вполне закономерно. Поэтому женская магия являлась одним из очень важных моментов охотничье-промысловой деятельности первобытных групп. Многочисленные этнографические примеры, подтверждающие существование женской производственной магии у сибирских народов были собраны С.В. Ивановым [14, С. 91-101]. У некоторых народов Африки до сих пор существует представление о тесной связи их женских предков с тотемами (животными, растениями, явлениями неодушевленной природы), от которых вели своё происхождение роды [16, С. 422].

Итак, дифференциация мужского и женского труда привела к развитию специализации мужчин в охоте, а женщин в обработке её продуктов и собирательстве.

Мужчины и женщины участвовали в разных, но в равной степени общественно полезных сферах трудовой деятельности. Вместе с половым разделением труда выделяются и орудия - мужские и женские, а вся социальная жизнь соотносится с двумя сферами – мужской и женской. В культуре «мужское» и «женское» включены в координирующие жизнь людей знаковые системы, в которых они напрямую соотносятся с универсальными оппозициями («левое», «правое», «верхнее», «нижнее»). «Мужское» и «женское» - два пространства культуры, которые функционируют взаимосвязано, но в собственных границах и каждое в особом ритме, и их взаимодействие делает сообщество целостным. Антропологи, этнологи, культурологи, изучающие жизнь аборигенов Юго-Восточной Азии, Африки, Австралии, Океании, Северной и Южной Америки, не раз отмечали, что главной особенностью первобытного общества являлась предельная контрастность полового различия. Женщины и мужчины – это две противоположности, взаимоотношение которых и составляет социальное целое. Идея о неделимости мужского и женского начал, первоначальной целостности человеческого существа присутствовала во многих космогонических мифах: Гермафродит (Древняя Греция), Адити и Праджапати (Индия), Ра (Древний Египет), Одудува (йоруба), Номмо (догон), Фаро (пемба) и т.д. Таким образом, единство мира отражалось в сочетании и борьбе противоположностей. Оппозиция пронизывала все стороны производственной, общественной, семейно-родовой и обрядовой жизни.

Прежде всего, половая дихотомия находила свое проявление в пространственном обособлении полов. Внутренняя структура поселений определялась строгим разделением на мужскую и женскую части, куда вход противоположному полу был запрещен. Сегрегация полов сохранялась при добыче и потреблении пищи. Иногда женские и мужские группы употребляли разную пищу; как правило, всегда был ряд продуктов, запретных для другого пола. В рамках одной общины женщины и мужчины могли иметь свои собственные языки, мифы, обряды, традиции, которые тщательно оберегали от противоположного пола. Формой конфронтации, но и внутренней консолидации мужчин и женщин, выступают мужские и женские союзы, известные у многих народов мира. Но и при наличии сложившейся полоролевой дифференциации, в том числе, и в случаях ее четкой табуированности, не наблюдается какого-либо единства и систематичности в полоролевом разделении труда и жизнедеятельности в целом, поэтому переоценивать биологическую сторону «естественного» разделения труда нельзя. Наоборот, имеет место своеобразие и альтернативность в конкретном распределении прав и обязанностей между полами при реализации ими насущных трудовых, бытовых, военных функций, участия в управлении, ответственности за социализацию детей и т.д. Поэтому несхожие социально-бытовые статусы мужчин и женщин, возникшие на основе их своеобразного обособления, не могли быть объяснением существования или отсутствия какой-либо иерархии между

ними, т.к. культура функционирует пока в ней сохраняется баланс «мужского» и «женского» [2, С. 77-78; 4, С. 54-57; 22].

В позднелервобытном обществе основой хозяйства становится земледелие и скотоводство, а охота, собирательство и рыболовство отходят на второй план. В обществах с мотыжным земледелием (Сузы, Триполье, Анау, Чатал-Гуюк) женщины по-прежнему принимали большее участие в производстве продуктов питания, поэтому их значительная роль в хозяйственной и социальной сферах неоспорима. Простое разделение труда, в котором мужчины добывали или производили один вид пищи, а женщины – другой отсутствовала. Раннее земледелие и скотоводство чаще всего были как мужским, так и женским занятиями. При этом, изготовление орудий труда, средств передвижения, предметов обихода – по большей части считались делом мужчин, а изготовление керамики, ткачество, прядение, доставка воды и топлива, приготовление пищи, уход за детьми – женскими занятиями [3, С. 209-247; 35, С. 87-88]. Культ плодородия становится господствующим, что также нашло отражение в искусстве. Статуэтки женщин с зёрнами пшеницы, примешанными к глине, связаны с аграрным культом Богини плодородия, женщины-матери (скульптуры женщин с ребёнком на руках), а обнаруженные вблизи развалов печей напоминают образ хозяйки домашнего очага, покровительницы рода. В религиозной символике и мифологии стали преобладать богини, с которыми ассоциировалось не только земледелие, но и охота. Произошло слияние образа матери-прародительницы, хозяйки,

существующего в верхнем палеолите, с образом матери-земли, преобладающим у раннеземледельческих племён неолита. Роль женского божества, владычицы жизни и смерти проявилась в воспроизводстве великого цикла – рождение, жизнь, смерть, возрождение [20; 25, С. 109-111, 135-137; 32, С. 41, 73].

Большие возможности для выдвижения на первый план мужского труда предоставляло скотоводство, поэтому скотоводческие культуры традиционно считаются миром мужчин, в котором основные виды трудовой деятельности отводятся мужчине главную роль: пастуха, воина, главы дома. Каким же было положение женщины в обществах скотоводов? Считалось, что с возникновением пастушества женщины были отстранены от участия в общественно полезном производстве [35, С. 89]. Современные же исследования показывают, что доля участия женщин в хозяйственной деятельности значительно превышала трудовой вклад мужчин. Женщины занимались катанием войлока, обработкой шкур, выделкой кож, шитьём одежды и обуви, сооружением жилищ, поддержанием огня в очаге, выпасом овец и коз, уходом за скотом, приготовлением пищи и запасов впрок, воспитанием детей и т.д. От их трудоспособности во многом зависело благосостояние семьи, рода, племени, что подтверждается этнографическими, письменными, археологическими источниками [26, С. 286-287].

В культурах, ведущих комплексное многоотраслевое хозяйство, женщины принимали участие в разных видах хозяйственной деятельности, которые

переплетались с работой в домохозяйстве. Например, они участвовали в возделывании участка земли, сборе урожая, помоле зерна, заготовке продуктов, приготовлении пищи, уходе за скотом, изготовлении керамической посуды, украшений, сетей, прядении, шитье одежды и т.д. [17, С. 161].

До распада позднерусского общества нормой оставалось равное участие мужчины и женщины в экономической жизни коллектива. В культурах пашенного земледелия и развитого скотоводства система организации труда изменилась. Преимущественно мужскими занятиями стали земледелие, скотоводство, металлургическое и металлообрабатывающее производство, гончарство и ткачество как специализированные ремесленные отрасли, а не домашние ремесла. Уменьшение роли женщины в хозяйственной деятельности, ограничение участия в общественном производстве, потребности в воспроизводстве населения исключали женщин из публичной сферы, дававшей власть и престиж, что повело к изменению её социального положения по сравнению со статусом мужчины. Домашний труд перестал рассматриваться как общезначимый [3, С. 248-312; 35, С. 90].

Ученые отмечают, что в эпоху классового образования в связи с развитием процессов социальной и имущественной дифференциации у большинства народов произошел «переворот в положении полов» и установился «патриархат», однако он все же не был универсальным порядком. Кроме

того, хотя процесс классового образования и создавал предпосылки для полового неравенства, но на его сложение могли влиять дополнительные факторы, связанные с социальной структурой (линейность и локальность брачного поселения, развитость экономических и политических институтов) или культурными представлениями о полоролевых позициях и возможностях их изменения. Авторитет женщины в любом обществе зависел помимо социальной стратификации от различных обстоятельств, не связанных или мало связанных с ней. В одних сферах, которые «традиционно» считаются «мужскими» (война, политика, торговля, поиск новых территорий обитания и др.), в большей степени проявлялась приоритетность мужчин, в других сферах (приготовление пищи, земледелие, ткачество, гончарство, воспитание детей и др.) наблюдался «половой параллелизм». При этом доля участия или исключения женщин из разных сфер деятельности постоянно менялась, находясь в соответствии с динамикой социокультурных процессов [2; 6; 9; 37]. К примеру, война всегда считалась главным занятием мужчин всех времен и народов, но при этом практика участия женщин в войнах также имеет давнюю традицию и не является феноменом XX в. В легендах, мифах, эпосах многих народов сохранились сказания о «прекрасных воительницах», царицах-завоевательницах, женщинах-полководцах, женщинах-гладиаторах, женщинах-телохранителях, богатыршах древности (Альвид, Боудикка, Власта, Зарина, Либуше, Настасья Микулична, Нитокрис, Родогуна, Тиргатао, Томирис,

Семирамида, Феретима, Хервор и мн. др). «Остров женщин», «Город женщин», «Замок дев» - устойчивые образы, сохранившиеся в той или иной мере у разных народов Евразии. Древний укрепленный город, охраняющий святыни, жизнь и имущество горожан, осмыслялся как развернутая метафора Девы, умеющей себя защитить, и в воинской доблести, не уступающей мужчине. В образе женщины олицетворялся город в библейской поэтике. В античности города находились под покровительством богинь. В Средней Азии дома-бастионы носили название Девичьих крепостей (Кыз-Кала). Множество реалий «амазонского круга» содержат эпические сказания народов [11].

О значительной роли женщины в системе религиозно-мифологических представлений первобытных обществ имеется немало свидетельств. Высокий статус в ранних государствах Передней Азии, Египте, на Крите имели женщины-жрицы [31, С. 79-82]. «Религиозно-магический авторитет женщины и, как следствие, ее доминирующая роль в обществе имеют космическую модель: Образ Матери-Земли. Женщина мистически уподобляется Земле; вынашивание ребенка представляется как вариация на человеческом уровне плодородия земли» [38, С. 92]. А.В. Мень отмечал, что «у народов, сохранивших пережитки неолитических времен, почти повсеместно находим культ Великой Богини-Матери: у маори - Пэпа; у эвенков - Бугады Энинитын; в Индии - Шакти и Пракрити; в Египте - Изиды; в Малой Азии - Кибела; в Древней Греции - Деметра, Артемида; в Карфагене - Танит; сидонская Астарта,

в языческой Руси - «Мать-земля» [21, С. 104]. Археология также дает нам поразительные свидетельства всеобщего распространения этого культа (от Европы до Восточной Сибири, в доарийской Индии, доизраильской Палестине, Финикии, Шумере и т.д.) в эпоху первобытности. Таким образом, история дописьменной материальной культуры многих народов свидетельствует о том, что жизненный мир доисторического человека был часто замкнут вокруг универсального женского божества, имя которого на многочисленных языках имело один и тот же семантический эквивалент - Великая Богиня Мать. В древней мифоритуальной практике, по мнению ученых [10, С. 41; 19, С. 3-10; 27, С. 123; 29, С. 609], преобладали женщины, в архаическом эпосе, за редким исключением, действуют только шаманки, которые были сильнее и могущественнее мужчин-шаманов. Поэтому вне зависимости от того, каким было общество - охотничье-рыболовческим, земледельческим, скотоводческим - женщине всегда отводилось особое место, а некоторые из них становились жрицами (шаманками, колдуньями, ворожеями, предсказательницами, целительницами и т.п.). Женщина связывает «этот мир» с «миром иным» - от рождения и до смерти. Женское сакральное «знание» имело по сравнению с мужским более «земной» характер, было преимущественно магическим, т.е. более архаическим и всеобъемлющим. В женских функциях отразились представления о тесной сакральной связи женского начала со стихиями земли и

подземного мира. Обрядовое поведение женщин сформировало убеждение в силе магии, с помощью которой они, особенно старшего возраста, могут обеспечить благополучие или нанести вред. Символично-мифологическими представлениями были пронизана и вся сфера женской трудовой деятельности, которая рассматривалась как процесс «сотворения мира» (земледелие, ткачество, прядение, шитье одежды, изготовление керамических сосудов и т.п.) и была направлена на достижение жизненного благополучия общины. Несомненно, видна большая роль женщины в жизни древнего коллектива.

Но стоит учитывать и существование символической иерархии полов, при этом не только в древних обществах. Несмотря на то, что универсальных критериев определения «типично мужского» или «типично женского» не было выделено, всё же в любом обществе «маскулинное» считалось первичным, значимым и доминирующим, а «феминное» определялось как подчинённое. Поэтому роли, сферы деятельности, свойства, атрибуты и т.п., независимо от пола их исполнителей, имели соответствующие ассоциации. Например, женщины и мужчины могли выполнять одинаковые виды работы, но власть при этом попадала к тем, кто играл мужскую роль. Если в повседневной жизни к большинству женщин относились в лучшем случае как к равным, а часто как к зависимым, то тем большим преклонением пользовались те «единственные»,

в которых как бы сосредоточилось все женское начало мира. Высокий статус некоторых женщин ничуть не влиял на статус женщин в целом. «Чем больше обожествляли женщину и поклонялись ей, тем больше положение ее в реальности было подчинённым» [5, С. 163]. Говоря о социальной роли женщины, Э. Боулдинг отмечает, что она больше связана с «изнанкой» общества, чем с его «лицевой» стороной. Приниженное положение женщин сохраняется, хотя часто не в явной, а в скрытой форме, чему способствуют устойчивые представления о том, что положено, «дозволено» женщине в обществе [5, С. 164]. Доминирование мужчин, навязывание мужских представлений как общих норм, поддерживается процессом социализации и отражается в повседневной социальной практике обществ и во всех сферах их духовной культуры - языке, фольклоре, религии и т.п. [18, С. 47]. Женская идентификация в основном «родительская»: если мужчины отождествляют себя с культурно-обусловленным стереотипом мужской роли, то женщины склонны отождествлять себя с аспектами роли своей матери. Поэтому, женские роли находятся в сфере эмоциональных личных связей, а мужские - определяются за пределами семьи. Отсюда исходит то, что положение мужа/отца в обществе является определяющим фактором для надления жены/дочери статусом. Женщины становятся посредниками между социальными и культурными категориями, которые определили

мужчины [36, С. 30-39, 72]. М.З. Розальдо утверждает, что дифференциация женских и мужских видов деятельности и асимметрия в культурной оценке их важности универсальны для общественной организации. Основу их существования составляет структурная оппозиция домашней и публичной сфер. При этом во всех обществах домашняя сфера связывается с женщинами по причине их материнской роли, а публичная сфера – с деятельностью мужчин [30, С. 137]. Культурное, социальное и экономическое влияние женщин не выходит за пределы пограничного. Женщины остаются на периферии культуры, они живут в «мире мужской культуры» и мужских ценностей. Однако, действуя в «мире мужской культуры», соблюдая традиционные обычаи и нормы морали, навязывающие им вторые роли в жизни семьи, общины, государства, женщины находили пути и методы для утверждения своего авторитета в глазах соплеменников. Женщины во все времена выступали как действующие лица истории; другое дело, что не всегда это было заметно и замечалось вообще. Лидирующие социальные позиции мужчин, как казалось бы, должны располагаться в центре пространственной сферы культуры, но это далеко не так. Центр пространства семьи – женская среда, вокруг которой и благодаря которой функционирует мужская сфера; женщина являлась объединяющим началом любого социума, т.к. она выступала и как прародительница, хранительница домашнего очага, и как

носителница и защитница духовных сил и культурных ценностей семьи и общества. «В первобытном обществе женщину воспринимали как великий дар природы, как дарительницу новой жизни, с которой связано продолжение рода. Ей поклонялись, ее обожествляли», - пишет Р.Ф. Итс [15, С. 3]. Как отмечает Н.М. Гиренко, «мужчины создают корпоративность, целостность первичного социума, в то время как женщины придают ему структуру, внутреннюю дискретность, а тем самым и способность к сегментации и развитию. Если мужчины обеспечивают развитие за счет внеобщинного взаимодействия, то женщины – за счет внутриобщинного» [7, С. 379].

Итак, рассматривая неоднозначную проблему определения статуса женщины в первобытном обществе, исследователям необходимо было решить несколько дискуссионных вопросов: об отношениях господства и подчинения в положении полов; об извечности полового неравенства, о времени его возникновения (в классической первобытности или же в период классовообразования) и причинах; о половых различиях в культурной и социальной сферах; о наличии символической иерархии полов; о гендерной дифференциации и времени осознания ее существования и т.д. При этом роль общественного разделения труда, как источника дифференциации мужских и женских ролей, признавалась большинством специалистов. Функционалисты считали, что общественное разделение

труда было необходимым для выживания коллектива: мужчина – охотник, воин; женщина – мать, хозяйка. Однажды возникнув, оно закрепилось в социальных нормах и ценностях и стало восприниматься как «естественное». Для сторонников теории конфликта характерно рассмотрение женщин и мужчин как социальных групп, обладающих неравными статусами, а отношений между ними – как отношений власти. Конфликтологи исходили из того, что изначально отношения полов были эгалитарными, что основывалось на равной общественной значимости выполняемых видов трудовой деятельности. Ситуация изменилась с возникновением частной собственности,

когда социальный статус женщины и значимость ее труда снизились; отношения трансформировались в иерархичные. Стоит, скорее всего, присоединиться ко взглядам сторонников гендерной концепции, признающих, что существующее в мире многообразие моделей полоролевого разделения функций, обусловленное различными социокультурными факторами, не позволяет говорить об универсальности разделения труда между полами; и даже ограничение активности женщины домашней сферой и семьей не является показателем ее подчиненности, т.к. в некоторых культурных контекстах могло быть выражением властной позиции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамова З.А. Изображение человека в палеолитическом искусстве Евразии. – М.-Л., 1966. – 223 с.
2. Аверкиева Ю.П. Естественное и общественное разделение труда и проблема периодизации первобытного общества // От Аляски до Огненной земли. История и этнография стран Америки. – М., 1967. – С. 72-84.
3. Алексеев В.П., Першиц А.И. История первобытного общества. – М., 2004. – 350 с.
4. Артёмов О.Ю. Первобытный эгалитаризм и ранние формы социальной дифференциации // Ранние формы социальной стратификации: генезис, историческая динамика, потестарно-политические функции. – М., 1993. – С. 40-70.
5. Бондаренко Л.Ю. Роль женщины: от прошлого к настоящему // Общественные науки и современность. – 1996. - № 6. – С. 163-170.
6. Гейли К.У. Диалектика пола в процессе формирования государства // Советская этнография. – 1990. - № 5. – С. 84-97.
7. Гиренко Н.М. Диалектика пола в структуре первичного социума // Антропология власти: В 2-х т. / Сост. и отв. ред. В.В. Бочаров. - СПб., 2006. - Т. 1. - С. 377-390.
8. Гущин А.С. Происхождение искусства. – М.-Л., 1937. – 114 с.
9. Думанов Х.М., Першиц А.И. Матриархат: новый взгляд на старую проблему // Вестник РАН. – 2000. – Т. 70. - № 7. – С. 621-627.
10. Дьяконова В.П. Шаманки и общество у народов Саяно-Алтая // Шаман и Вселенная в культуре народов мира. - СПб., 1997. - С. 36-42.
11. Дюпарк Э. де ля Барр. Воительницы. О самых прекрасных и самых бесстрашных. – М., 2007. – 320 с.
12. Ефименко П.П. Первобытное общество. - Л., 1938. – 636 с.

13. Замятнин С.Н. Очерки по палеолиту. – М.-Л., 1961. – 176 с.
14. Иванов С.В. Сибирские параллели к магическим изображениям из эпохи палеолита // Советская этнография. - № 4. – 1934. - С. 91-101.
15. Итс Р.Ф. Женский лик Земли: историко-этнографические новеллы. – Л., 1988. – 224 с.
16. Ксенофонтова Н.А. Женщина как действующее лицо африканской истории: взгляд сквозь пространство и время // Антропология власти: В 2-х т. / Сост. и отв. ред. В.В. Бочаров. - СПб., 2006. - Т. 1. - С. 417-431.
17. Косарев М.Ф. Западная Сибирь в древности. – М., 1984. – 248 с.
18. Крадин Н.Н. Политическая антропология. – М., 2001. – 213 с.
19. Кузьмина Е.Н. Женские образы в героическом эпосе бурятского народа. – Новосибирск, 1980. – 160 с.
20. Массон В.М., Сарияниди В.И. Среднеазиатская терракота эпохи бронзы. Опыт классификации и интерпретации. – М., 1973. – 256 с.
21. Мень А.В. История религии: В поисках Пути, Истины и Жизни: В 7-ми т. - М., 1991. – Т. 2. – 464 с.
22. Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения. - М., 1988. – 429 с.
23. Мириманов В.Б. Классификации палеолитических изображений // От мифа к литературе. – М., 1993. – С. 43-60.
24. Окладников А.П. Утро искусства. – Л., 1967. – 136 с.
25. Погожева А.П. Антропоморфная пластика Триполья. – Новосибирск, 1983. – 145 с.
26. Полосьмак Н.В. Всадники Укока. – Новосибирск, 2001. – 335 с.
27. Потапов Л.П. Героический эпос алтайцев // Советская этнография. – 1949. - № 1. – С. 110-132.
28. Пушкарёва Н.Л. Гендерная проблематика в исторических науках // Введение в гендерные исследования: В 2-х ч. – Харьков; СПб., 2001. – Ч. I. – С. 277-311.
29. Серошевский В.Л. Якуты. Опыт этнографического исследования. - М., 1993. – 713 с.
30. Социология гендерных отношений. – М., 2004. – 270 с.
31. Флюер-Лоббан К. Проблема матрилинейности в доклассовом и раннеклассовом обществе // Советская этнография. – 1990. - № 1. – С. 75-85.
32. Формозов А.А. Памятники первобытного искусства на территории СССР. - М., 1980. – 136 с.
33. Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. – М., 1978. – 605 с.
34. Фролов Б.А. О чём рассказала сибирская мадонна? – М., 1981. – 111 с.
35. Хубер Дж. Теория гендерной стратификации // Антология гендерной теории. – Минск, 2000. – С. 77-98.
36. Чодороу Н. Воспроизводство материнства: психоанализ и социология пола // Антология гендерной теории. – Минск, 2000. – С. 29-76.
37. Шнирельман В.А. Парадоксы половых ролей // Советская этнография. – 1990. - № 6. – С. 55-60.
38. Элиаде М. Священное и мирское. – М., 1994. – 142 с.

Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия, г. Саранск (РФ)

МОРДВА ПЕТРОВСКОГО РАЙОНА САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ: ПОСЕЛЕНИЯ, ЖИЛЫЕ И ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПОСТРОЙКИ

Тұрғын үйлердің түрлі типтерінің пайда болуы, олардың белгілі бір аймақта жергілікті этникалық дәстүрге қатысты бекітілуі табиғи, әлеуметтік, экономикалық және тарихи жағдайларға байланысты. Дәстүрлі тұрғын үйдің дамуына қоныстарды жобалау және олардың көлемі, мордва отбасыларының тіршілік етудің экономикалық және мәдени деңгейі, әлеуметтік жағдайы мен шаруашылық іс-әрекетінің бағдары үлкен әсерін тигізген.

The varied nature, different social, economic and history conditions promoted making the different types dwellings, fixed on one or another territory determined local ethnic tradition. On development traditional dwelling large influence rendered planning and sizes of the village, economic and cultural level of living, social position and direction to economic activity mordvian family.

Жилище — один из самых важных и сложных элементов материальной культуры. Его формы, типы и разновидности тесно связаны с социально-экономическими условиями жизни общества, культурно-бытовыми и национальными традициями этноса, климатическими особенностями, уровнем строительной техники и т. д.

Основными типами сельских поселений в Петровском районе были деревни и села. Для мордовских поселений исследованного района характерно приречное топографическое расположение на местности. Это было связано с тем, что по речным долинам

располагаются пригодные для земледелия участки земли; в реках в изобилии водилась разнообразная рыба, что играло существенную роль в питании населения, а реки были естественными источниками питьевой воды. Как писал в своей работе «Саратовская мордва» М. Т. Маркелов, «улицы этих селений растягивались вдоль рек, отступая от берега настолько, чтобы можно было по относительно прямой линии проложить улицу». Таким образом, были расположены мордовские села: Синенькие — по р. Медведице, Мачкасы, Азрапино, Сосновка — по р. Узе. Некоторые села располагались по большим оврагам или ручьям,

например с. Савкино, Баклуши, Камаевка, Каргалеяка. Основные улицы мордовских сел были направлены с востока на запад (с. Синьские, Баклуши, Камаевка), а также с севера на юг (с. Савкино, Каргалеяка, Мачкасы) [43, С.82].

Следует отметить, что мордва предпочитала селиться около лесной местности, где можно было найти материал для строительства жилища и сельскохозяйственных построек. Исследователь мордовского быта А. Н. Минх отмечал: «В 18 столетии и в начале 19 в., местность, занимаемая дачами Оркина, Озерок и Мокрога, была почти сплошь покрыта лесами. Деревня Оркино строилась в лесу, и материал для построек был под руками у поселенцев. У многих еще на памяти те темные, непроходимые леса, застилавшие горы и бараки с их полянами, изобиловавшими ягодами, полными студеными ключей и ручьев. Этот лесной околосок, изобиловавший множеством озер, ручьев, болот и мочезин, дал свое название двум соседним селениям Озеркам и Мокрому. В лесах водилось тогда много дикого зверя: медведей, о которых теперь забыли, волков. Было много лис, куниц и пр.» [3, С.690-694]. Другое мордовское село Синьские окружают степи и поля, которые пересекаются лесными массивами-дубравами, а в пойме Медведицы растут леса из ольхи, ветлы и черемухи.

На исследуемой территории расселения мордвы преобладали уличные формы планировок, при которых постройки вытягивались двумя порядками по изогнутой или прямой линии, разделяясь проезжей частью,

улицей. А. Н. Минх по этому поводу писал: «В настоящее время, к 1 января 1880 г. в с. Оркино более 10 улиц, которые располагались в несколько порядков. Все село с дворами, площадями и гумнами занимало около 26 квадратных верст. Улицы большей частью неправильны и узки, с очень редкими переулками; избы не отличались правильностью постройки, красотой и удобством, большинство стояли фасадом во двор. После пожара 3 июля 1879 г., когда сгорело 94 двора, сгоревшая часть Оркина была построена по плану, и улицы разделялись частыми проулками от 8 до 20 сажень шириною» [3, С.703]. Это объяснялось тем, что к тому времени большинство селений перешли на уличную планировку, что было связано с правительственными мерами и рекомендациями о перестройке и застройке селений. Как правило, почти в каждом селе имелись одна-две основные улицы, которые тянулись вдоль села, а улицы, меньшие по длине, располагались перпендикулярно к основной улице (например, в с. Савкине). Внешний вид улиц, как писал М.Т. Маркелов, не носил характера открытых широких площадей, ибо большей частью они заполнены другими служебными пристройками — амбарами, мазанками, выходами, подвалами, которые в свою очередь составляли два порядка построек вдоль дороги, часто страдавшие от пожаров. Общественные учреждения, храмы и школы строились в центре селения (Савкино, Камаевка, Мачкасы) [4, С.82]. Следует отметить, что у мордвы имели названия только большие улицы, а остальные носили название «конец» села. Свои названия улицы

получали по каким-либо совершившимся там событиям или в честь первопоселенца и др. [40, С.9].

Материалом для строительства домов у мордвы служило дерево, что подтверждается статистическими данными по Саратовскому уезду. Например, в с. Оркине в 1883 г. деревянных домов числился 621, из них 566 было крыты соломой и 55 — тесом и железом [42, С.12-13]. Жилища мордвы Петровского района строила бревенчатые — из хвойных и лиственных пород деревьев. Дуб и другие крепкие породы лиственных деревьев применяли в основном для нижних венцов и подоконников, больше подвергающихся загниванию от сырости. Для проконопачивания сруба использовали мох и паклю, которые обмазывали еще глиной. Как рассказал местный житель с. Оркина А.А. Федоров, раствор для промазывания пазов делали следующим образом: одно ведро глины смешивали с тремя ведрами песка, добавляли немного опилок, коровьего навоза и воды [33].

Важным этапом в жизни мордвы был выбор участка для будущего жилища с учетом пригодности приглянувшегося места. По словам А. А. Федорова, в с. Оркине перед тем как начать строительство, на месте предполагаемого дома кидали медную монету — на счастье [33]; в с. Новозахаркине обязательно перед этим молились, чтобы в доме хорошо жилось и работа шла быстрее [22]. Новое жилище обычно начинали строить в полнолуние («чтобы дом всегда был полон») и обязательно в пятницу. В целом же наиболее

благоприятными днями для закладки фундамента считались вторник, четверг, пятница и суббота. Не рекомендовалось начинать строительство в високосный год, на новолуние (молодой месяц), в понедельник (самый тяжелый день), среду и в праздники. Но когда фундамент был заложен, строить нельзя было только в воскресенье и праздничные дни, когда запрещалась любая работа, а также во время летних постов [23; 29].

Строительство начиналось весной (до сенокоса) или осенью, как правило, после уборочных работ. В большинстве случаев строительством занимались местные плотники, а за неимением их в своей деревне приглашали из ближайших селений (в с. Синенькие, как говорили информаторы, плотничью бригаду приглашали из татарского села, а в с. Новодубровка — из мордовского с. Баклуши) [31]. Так, в с. Савкино хорошими плотниками, по словам местных жителей, считались П.И. Корсаков и Д.П. Кочеваткин; в с. Синенькие — В.М. Бессонов, А.В. Чариков; в с. Новозахаркино — Н.И. Мишкин [14; 19; 30]. Следует отметить, что широкому распространению плотничьего дела способствовали навыки, которые передавались от поколения к поколению. Мордовские плотники нередко заимствовали у соседних народов те или иные строительные приемы, в свою очередь, вносили нечто свое, индивидуальное, а также использовали местные традиции в способах рубки, окончательной отделке и архитектурном оформлении жилища.

По установившимся традициям мордвы, когда ставили нижние и верхние венцы, плотников угощали

брагой, чтобы работа началась и закончилась удачно. После поднятия сруба плотников всех помощников и односельчан хорошо угощали, чтобы хозяева жили уютно в новом доме. Как правило, на стол подавали вареное мясо, готовили домашнюю лапшу, картофель, кашу, делали квас. С плотниками по договоренности рассчитывались деньгами и по мере возможности давали им рубашки, нижнее белье, носки, полотенца и др. [32; 34].

Закладка дома - это обряд «строительной» жертвы. Полевые исследования показывают, что большинство современных застройщиков, продолжают соблюдать традиции закладывать деньги под первый камень фундамента. Повсеместно ритуальное действие начиналось с того, что хозяин закладывал под все четыре угла (или под один — восточный) будущего жилища разнообразные предметы, символизировавшие жертву: деньги, шерсть, ладан и др. Подобные обычаи характерны для многих народов (русских, украинцев, татар). Например, по словам информаторов из с. Синенькие, данный обряд закладки проводил всегда Ф.Т. Архипов. Медные пятаки или серебряные монеты клали — для достатка в доме; в с. Колки — от несчастий и пожара [16; 17]. По сведениям жительницы с. Новозахаркина Е.П. Климовой, монету клали в передний угол богине Пазаве — для достатка, а также заворачивали в шерсть или в чистую тряпочку [14; 22]. Ритуальное значение имела закладка шерсти, которая несла в себе разную символику. Повсеместно под матицу клали овечью шерсть - для

семейного тепла в доме и плодородия, чтобы в хозяйстве велся скот. Несколько кусочков церковного ладана клали для «святости», и чтобы домовая не шутила [20; 37].

Сруб обычно рубили из цельного бревна и полубревен, выпуклая сторона деревьев была обращена наружу, а плоская составляла внутреннюю часть стены. Повсеместно у мордвы наиболее распространен способ рубки сруба «в угол», «в чашу» с остатком, когда врубка отступала на 1,0 — 1,5 диаметра от концов бревен. Выемку в бревнах делали в нижней части бревна, чтобы влага не попадала в пазы сруба. Следует отметить, что мордва Петровского района для защиты от атмосферных осадков углы сруба обшивала досками, затем снаружи красила в разные цвета и приделывали разнообразные геометрические фигуры, зафиксирован и растительный орнамент. Количество венцов в срубе колебалось от 13 до 18 в зависимости от толщины бревен. В середине XIX в. изба занимала площадь около 8 сажней (2 x 4). Величина жилой избы колебалась от 20 до 36 кв. м. Были избы и небольшие — не более 16 кв. м. Сегодня площадь жилища у мордвы составляет примерно 30 — 50 кв. м [41].

Сруб ставился на высоком деревянном или каменном фундаменте, который также, как и дом, обшивался тесом, а иногда окрашивался в какой-нибудь цвет [4, С.89]. Первый венец сруба укладывали на врытые в землю деревянные стояки («тумбы», «стулья»), которые вкапывали по углам сруба. Нередко под нижний венец подкладывали большие камни или деревянные чурбаны. Их располагали как под углами, так

и по периметру стен [10; 28]. Дома в мордовских селах по отношению к дороге стояли перпендикулярно и параллельно, выступая за линию ворот на несколько метров.

После того, как дом срубили и сделали все заготовки для окон, дверей, пола и потолка, приступали к поднятию сруба. Возведение дома всегда отмечалось как торжественное событие и сопровождалось выполнением различных обрядов, которые частично сохранились. Во время поднятия сруба устраивали «помочи», т. е. прибегали к помощи родственников и односельчан. Если сруб поднимали осенью или весной, то на новом месте около дома по традиции сажали какое-нибудь дерево. После того, как сруб поднимали до перерубов и настилали несколько досок пола, на них ставили стол; хозяйка приносила хлеб, горшок каши, яичницу и угощала плотников и помочан [17; 22].

Следующий важный этап в строительстве жилища — подъем матицы. Под ее «голову» (с восточной стороны) закладывали различные предметы, освященные в церкви, чаще всего — ладан (в качестве оберега от ударов молнии), на другом (глухом) конце матицы — кусочек хлеба, соль, деньги («для богатства») и шерсть («для сухости и тепла»). В с. Новозахаркине также клали молитвы, написанные на листке бумаги [22]. Во время подъема матицы нельзя было стучать, чтобы дым не шел обратно в дом. Обычно после возведения стен и их перекрытия мастер прибывал к матице крест и цветы. При настиле потолка в новом доме к матице привязывали каравай хлеба. Аналогичные обряды наблюдались

у многих народов. Данный обряд совершали с целью, чтобы в доме всегда был достаток. Следует отметить, что у мордвы зафиксирована традиция, согласно которой в течение определенного срока дом должен оставаться незаконченным с таким умыслом, чтобы избежать смерти кого-либо из членов семьи. Отмечен также обычай не делать крыши над снями, чтобы всякие беды вылетали в это отверстие.

Традиционными кровельными материалами были дрань, тес, щепка, солома, встречались и жестяные крыши, которые красились красной или зеленой краской, сегодня чаще крыши делают из шифера или железа [41]. По воспоминаниям старожилов и сохранившимся материалам исследователей дореволюционного быта мордвы, крыши домов покрывали соломой в «натруску», т. е. когда солома придерживалась жердями, скрепленными попарно и перекинутыми через конек крыши или скрепляли соломенными веревками. Как писал А.Н. Минх, «в 1880 г. большинство домов в с. Оркино были покрыты соломой, и только 92 избы покрыты тесом» [3, С.703]. Еще в первом десятилетии XX в. избы в с. Новозахаркино крыты были «большой частью соломой» [5, С.7].

Большинство домов имели двускатные крыши, четырехскатные, реже — трехскатные (с. Новозахаркино), которые имели стропильную и шатровую конструкции. Например, в с. Оркино, Синенькие, Новозахаркино в настоящее время много домов с двух- и четырехскатными крышами. Различия в формах крыши определялись в

значительной степени ее конструкцией и материалом кровли.

Возведение стен и покрытие жилища являлись лишь первым этапом строительства, за которым следовала окончательная отделка дома, когда прорубали окна (сегодня их обычно три в фасадной стене и одно или два в боковой) и дверь в задней стене, противоположной фасадной; производили все работы по внутренней и внешней отделке дома. Внутри избы бревна стен стесывали топором примерно до тринадцатого венца. Бревенчатый дом конопатили паклей или мхом — изнутри сразу после возведения сруба, а снаружи через несколько месяцев, когда стены давали осадку. Пазы стен внутри избы обмазывали глиной, что было особенно характерно для домов, построенных в дореволюционное время. В настоящее время вместо обмазки пазов стены внутри помещения штукатурят и белят. Для внутреннего оформления современного жилища все более характерной становится наряду с побелкой стен покраска белилами потолков, краской — наличников окон и дверей, а также подоконников и оконных рам.

Потолки в избах, как правило, настилали из распиленных бревен, но в старых избах, они были из бревен, колотых топором. Доски потолка одним концом опирались на матицу, а другой их конец закладывали в пазы бревен. Щели проконопачивали паклей, а сверху потолок засыпали землей и листьями.

Полы в жилище дощатые, обычно одинарные, и лишь в старых богатых домах двойные, с засыпкой щебенкой или слоем листа. Крестьяне

средней зажиточности делали полы из кругляшей, выровненных топором, и промазывали их в пазах толстым слоем глины. Полы мыли очень редко, а когда накапливалось слишком много грязи, соскабливали ее скребком или лопатой. У бедного населения в прошлом полы были земляными. В настоящее время полы в избах обычно покрашены краской (коричневой, желтой и др.).

Двери делали из трех вертикально поставленных досок толщиной 4 — 5 см. Размеры доски — 1,5 — 1,75 м в высоту и 0,75 — 0,80 м в ширину. Во многих избах дверные ручки, петли и крючки делали железные. В старых домах, как писал М. Т. Маркелов, в дом вели две двери — одна внутренняя, наполовину меньше наружной, открывалась во внутрь избы, через нее выходил дым на улицу. Другая дверь побольше, но во время топки она также открывалась. Подобные дома встречались в мордовском селе Дубровка [4, С.88].

Мордовское жилище освещалось маленькими волоковыми оконцами, которые впоследствии делались чуть больше. Избы, топившиеся по-черному, имели дымовое окно. По размеру это окно было таким же, как и волоковое, или даже немного меньше (25 x 30 см). Прорезали его под потолком между первым и вторым венцами. Оно закрывалось деревянной втулкой, которую вынимали только во время топки. В старых избах обычно было только два окна: одно выходило на улицу, второе — во двор; иногда встречались избы с двумя окнами на улицу и одним окном во двор или проулок. Были и избы, совершенно не имевшие окон на улицу. Рамы, как

правило, были одинарные и зимой промерзали. На время холодов их завешивали снаружи специальными циновками, сплетенными из соломы. Рамы делали без запоров и форточек. Снаружи окна обрамляли наличниками, сбитыми из досок без всяких украшений и резьбы, иногда делались наличники с несложной долбленой или накладной резьбой, раскрашивали их в разные цвета [4, С.89].

В настоящее время для внешней отделки мордовских жилищ характерно повсеместное распространение резных украшений на наличниках, фризах и фронтоне. Например, в с. Синенькие на фасадной стороне дома вешали петуха, разукрашенного в яркие цвета. По словам хозяйки дома, это символ гостеприимства и доброты [8]. Большое внимание резчики уделяли наличникам окон и особенно старались показать свое мастерство при отделке двухстворчатых ставней. В мордовских селах встречались прямоугольные наличники — это наиболее простые формы наличников. Повсеместно в мордовских селах распространены наличники треугольной формы наверху и реже — ажурной формы (с. Савкино). На многих домах в традиционный орнамент резьбы включались мотивы советской эмблематики (герб, пятиконечная звезда и др.). Повсеместно наличники красились краской, преимущественно белой и синей. В зимнее время в окна вставлялись двойные рамы, а также они закрывались ставнями. Это характерно для мордовского села Оркина. Сегодня в селах встречается мало домов со ставнями.

Конструктивным многообразием отличалось оформление входов в сени.

Часто в избах перед входной дверью просто клали доски. Бытовало крыльцо в виде навеса с плоской кровлей и лесенкой перед входом.

В типологической классификации форм крыльца выделялись как открытые, так и закрытые. Открытые узлы состояли из невысоких лестниц в четыре — шесть ступеней, выходящих на улицу. Часто встречались закрытые узлы, имевшие крышу односкатной и двускатной формы с внутренней лестницей и покоившуюся на столбах. Боковые стороны столбов оставались без обшивки (открытая форма) или же забирались частично или полностью досками (полузакрытая или закрытая форма). Вход в жилище у мордвы Петровского района, как правило, располагался либо в боковой или задней части дома. В настоящее время встречаются дома, где вход расположен с фасадной стороны дома (например, в с. Оркино, Савкино).

Существенной архитектурной деталью жилища были ворота и забор. В мордовских селах дома окружались глухими заборами из плотно пригнанных досок, которые снаружи часто красились краской. Нередко заборы делали из реек с разнообразными резными украшениями. Зафиксировано 2 вида ворот — одностворчатые и двухстворчатые. Одностворчатые ворота делались на двух столбах со створкой из горизонтально расположенных плотно сколоченных досок. Встречались и одностворчатые ворота с крышей. Например, в с. Оркино крыша имела треугольную форму, как и наличники дома. Распространенным типом двухстворчатых ворот были ворота на трех столбах. Справа или слева от ворот

делалась калитка, а слева (или справа) между столбами — ворота из двух створок. Над воротами устраивалась двускатная крыша. Столбы ворот нередко украшались резьбой. Подобные ворота распространены в с. Оркино. В качестве оберега дома и хозяйственных построек над калиткой или на ворота вешались подковы.

Нередко перед домами располагались палисадники, огороженные штaketником, также покрашенные краской в один цвет либо в несколько цветов, в которых росли цветы, деревья (яблони, вишня и др.) или овощи.

Дома (м.э. — «куд») умордвы в конце XIX — начале XX в. были в основном двух типов: однокамерные и двухраздельные, позднее — трехраздельные, пятистенки. Однокамерное жилище представляло собой квадратное или прямоугольное помещение, различаемое по размерам в зависимости от зажиточности семьи. Двухраздельный дом состоял из отапливаемой жилой избы и холодных сеней (кудикилькс). Помещения соединялись между собой дверным проемом, прорубленным в смежной стене. Сени к постройкам этого типа пристраивались различно. Они чаще всего бывали бревенчатыми или тесовыми, а иногда и глинобитными, но обязательно с дощатыми полами. В летнее время сени служили местом для сна, в них ставили одну-две кровати. Иногда делались небольшие чуланы, куда хозяйка складывала продукты питания и различную утварь. Трехраздельный дом состоял из жилой избы, сеней и горницы. Горница была «чистой» половиной мордовского жилища и отапливалась голландкой, сложенной из кирпича и

обитой железом. Здесь, как правило, располагались кровати. Обязательным элементом убранства было зеркало, которое вешали в промежутке между окнами передней стены. Его обычно украшало вышитое полотенце, имеющее декоративное назначение. На стенах обычно развешивали портреты членов семьи.

Следует отметить, что мордва уделяла большое внимание состоянию своего жилища. Относительно быта мордвы с. Новозахаркино в прошлом сохранились следующие данные: «Старожилы жили черно, избы у них были куренные, освещались лучиной, полы никогда не мылись, у каждой семьи было по одной избе, в которой жили и кормили скот» [5, С.7]. В подобных условиях жила мордва и других сел. Это подтверждается этнографическими сведениями, собранными членами экспедиций. Как писал А. Н. Минх, «в селе Оркино несколько изб, которые содержались в чистоте, потому, что для содержания скота у них имелись другие помещения» [3, С.703-704]. Следует отметить, что в конце XIX — начале XX в. в избах сушили лен, лучину, занимались разными хозяйственными делами. Но к большим праздникам мордва делала полную (генеральную) уборку. Потолки, полы и стены в прошлом были некрашеными; полы мыли золой (щелоком), кирпичом, песком, скоблили ножом и железной щеткой.

Внутренняя планировка жилища представляла собой различные варианты расположения печи, переднего угла и входа. У мордвы Петровского района выявлено 2 типа расположения —

средневеликорусский и южнорусский (восточный подтип). В первом случае печь преимущественно стояла у входа в одном из углов. «Красный» угол при этом располагался по диагонали от печи. Во втором случае печь располагалась в дальнем левом углу, устьем обращенную к двери. «Красный» угол был в правом дальнем углу. В переднем углу стоял обеденный стол. Здесь кроме ежедневных трапез совершались праздничные свадебные церемонии, крестины и похоронные обряды. Под образами всегда сидели старшие члены семьи, почетные гости в праздники, во время свадьбы — новобрачные. Непременной принадлежностью мордовского жилища являлся коник — деревянный настил (конеклангакс), занимавший место от двери до боковой стены, и полати, которые были дополнением к конику-лежанке. Ребенок грудного возраста обычно спал в зыбке, подвешенной около кровати родителей к потолку. Сегодня дети спят в детских кроватках. Пространство избы от устья печи до передней стены считалось женской половиной. Здесь происходило приготовление пищи, и были все принадлежности для готовки еды. Оно иногда отделялось от остального помещения занавесом или досчатой перегородкой. На боковой стене, как правило, висела лавка (лавця ланга), под ней стоял шкафчик (вешке эзем), в котором хранилась кухонная посуда и съестные припасы [14].

Для строительства печей приглашали хороших мастеров-печников. Например, в с. Оркино печки складывал Андрей Фомин [33], в с. Синьские — А. М. Автаев [24].

Особый комплекс обрядовых действий связан с переходом в новый дом. Для населения Петровского района характерен обычай первой впускать в новый дом кошку [27]. Как рассказывала Е. М. Байкина, кошку пускали для того, чтобы хозяева могли определить, куда лучше ставить кровать, так как она выбирала для сна самое удобное место [7]; в с. Новозахаркино пускали кота — на удачу, на счастье и обязательно трехшерстного (черный, белый, желтый), а петуха — чтобы жизнь была хорошей [14]. По словам информаторов из с. Синьские, кошку пускали первой для того, чтобы узнать есть ли в доме «нечистая сила», а затем петуха — чтобы в доме были мир, достаток и любовь [30]. В с. Оркино первой пускали кошку черного цвета, так как считали, что она отпугивает «злую» силу. При этом подмечали, если кошка зайдет в дом смело, то семья будет хорошо жить в новом доме, если она прихихивается, то жить будут плохо. После этого хозяйка выпускала кошку на улицу и начинала готовить стол к новоселью [33]. На новоселье приглашали близких родственников и обязательно соседей. Гостей старались угостить так, чтобы те остались довольными. Это делалось с такой целью, чтобы в доме всегда была обильная и разнообразная еда и окружающие соседи были довольны.

Множество обрядов было связано с переселением юрты (домового) в новый дом. После того как построят дом, по словам А.А. Неревяткина из с. Оркино, ее обязательно приглашали с собой из старого дома [23], а если не было старого дома, то «делали» новую

юртаву. Для этого знахарки собирались ночью, брали кремь и черную курицу, рыли в середине двора ямку, в ней резали курицу, выпускали туда ее кровь и при этом молились и говорили: «да родится у нового жителя новая юртава, да будет она доброй по отношению к хозяину и к его скоту и к его двору. Пусть не позволит другим юртавам делать на смех, портить его скотину, и пусть сама она не ходит к чужим людям; пусть живет в своем дворе, ухаживает в своем дворе за своею скотиной; пусть скотина будет хорошая, пусть много плодится, а вот мы ей положим хлеба-соли и мясца и сливочек и выжимок (мелко-нарезанное мясо из которого растоплено и выжато все сало)». После этих слов клали в яму на кровь хлеб, соль, выжимки, молоко и сливки и покрывали кремнем. По народному представлению, из этой крови рождалась юртава.

Как отмечала мордва, юртаву можно увидеть накануне Ивана Купалы. Для этого нужно было сесть под борону и смотреть на лошадь. Юртава лошадь, которую любит, и вычистит и заплетет ей гриву и поправит корм, а которую не любит — и хвост оборвет и гриву вырвет, а если хозяин не продаст ее, то она может опрокинуть ее спиной в колоду.

Юртава появлялась тогда, когда должна была случиться какая-либо беда. Она начинала якобы кричать, а если ее рассердишь, то она могла ущипнуть. В случае если хозяева по разным причинам переезжали в другой дом и не звали ее с собой, то возвращались за ней и говорили следующие слова: «Юртавушка, кормилица, прости меня, кормилица, я человек молодой, обычаев и нравов ваших не знал, а то я вперед бы тебя позвал».

Пожилая женщина шла на то место, где «создавали» юртаву, выгаскивала из ямки камень, собирала кровь и упрашивала со словами: «Не пеняй, юртава-матушка, мы люди посторонние и то тебе скажем, он человек молодой, у него нет старого человека, нет того, кто бы наставил его на разум, садись с ним, он тебя доведет, если не хочешь иди пешком». Затем клали этот камень на телегу и уезжали [44, С.76-80].

Мордва, проживавшая в с. Оркине, обращалась к юртаве по разным случаям с такими словами: «Содержащая корень дома юртава, богиня срезанного отрубка, кормилица, будь на дворе, сама смотри за скотиной, будь для нее как стена, наставь меня на разум на каждое дело, (ограждая) от злого человека, от огня, наставь меня на разум на всякое дело».

Осенью для юртавы в качестве жертвы резали петуха, пускали кровь на камень. При этом резавшая говорила: «Содержащая корень дома юртавушка моя, богиня срезанного отрубка, кормилица моя, на твое имя я зарезала, будь на всяком месте за птицу, на дворе за скотину, чтобы она плодилась и тучнела». Потом вареного петуха и брагу ставили на стол и произносили следующее моление: «Боже помилуй, Боже помилуй, ты моя кормилица, содержащая корень дома юртавушка, богиня срезанного отрубка, кормилица моя, вот, мы сварили испекли белою ручкой, с легким намерением; вот, ты моя кормилица, содержащая корень дома юртавушка, богиня срезанного отрубка, кормилица моя, я живу со своим полным столиком, я молюсь со своим полным столиком». Далее брали горшок каши, поднимали над столом

и говорили: «Вот, содержащая корень дома юртавушка, богиня срезанного отрубка, кормилица, сколько в каше крупинок, столько дай дней жизни». Затем дотрагивались до солонки и говорили: «Содержащая корень дома юртавушка, богиня срезанного отрубка, кормилица моя, сколько в солонке крупинок, столько дай добра нашему семейству». Затем поднимали мясо и говорили: «Вот, зарезали в твое имя курочку, Боже помилуй, Боже кормилец, вот мы молимся, сверху поднимем наши руки, к полу опустим поклонные наши головы. Вот, ты наша кормилица, мы молимся, в доме за семейство, чтобы ты дала в дом семейству здоровья, во двор скотине размножаться и тучнеть. Содержащая корень дома юртавушка, богиня срезанного отрубка, кормилица моя, будь ты сама, кормилица моя, стеною». После всего сказанного начинали есть [44, С.93-95].

В с. Синенькие для домового ставили на шесток угощение с такими словами: «Домовой, домовой, подружись ты со мной» [8]. Как говорила жительница с. Новозахаркина Е.П. Климова, «с юртовой нужно всегда разговаривать ласково и обращаться с молитвой; в качестве угощения ей преподносили пироги» [14]. Если вдруг юртава стучала в окно три раза, то в с. Колки говорили так: «Ты меня не пугай, ты меня не страшай, я тебя не боюсь» [25]. По сведениям информатора из с. Новодубровка, если вдруг увидишь юртаву, то это к плохой вести и нужно обязательно ее спросить, «к худу или к добру» [20].

От «нечистой силы» в с. Оркино, Синенькие клали чертогон на ворота

и под крышу, и говорили: «Не войдет шайтан и не приблизится никакой падеж скота». По словам информаторов, для отпугивания чертей веник и кочергу ставили комлем вверх, а если наоборот, то это означало, что человек сам его приглашает в дом [44, С.76-80].

Усадьбы мордвы, однотипные по размерам, варьировали в различных селениях по форме, зависели главным образом от топографических особенностей местности. Она включала в себе: избу, амбар, погреб, выход, мазанку, баню, постройки для скота (зимняя конюшня, летний хлев для крупного и мелкого рогатого скота, птицы), клеть для корма скота, а также сарай для дров, сеновал, огород и двор [40, С. 9; 41]. Дворы иногда разделяли на две части — на передний (икиля кардаз) и задний (удала кардаз), которые соединялись между собой большими тесовыми воротами.

Исследователи быта мордвы XVIII — первой половины XIX в. отмечали своеобразную планировку усадьбы, характерную для всех поволжских народов. Жилой дом мордва ставила внутри усадьбы, окнами во двор, либо с левой и правой стороны от ворот. М.Т. Маркелов в работе «Саратовская мордва» описал следующие виды дворов в с. Синенькие. В качестве примера он брал двор Г.М. Вачаева, который представлял собой огороженную плетнем площадь земли в 18 кв. саженей. Слева от дома, если смотреть от дороги, двор закрыт соломенным навесом (лапаз), стоящим на четырех столбах. Во внешнем углу из кольев, смазанных глиной, была сделана конюшня. На улице, слева от ворот, делали из изгороди калду

— летнее сооружение для скота. С улицы двор открывался при помощи ворот, сплетенных продольным плетением на поперечных сбитых деревянных перекладах из ивняка. Калитки, чтобы зайти в дом, не было, поэтому любой, кто заходил, мог пройти в дом только через ворота. Далее М.Т. Маркелов описал двор Ф.Г. Булаева, который по площади занимал 48 кв. саженей. Двор также загорожен плетнем, который изнутри обмазан глиной, а снаружи — камышом. Крыша двора — шатровая «в наброску соломой», незакрытой оставалась только средняя часть двора. Ворота, ведущие во двор, сделаны из теса, сбитые гвоздями с железными пластинками. Калитки также не было. Над воротами делали навес из соломы, который защищал ворота от дождя. Иногда делали несколько ворот — одни располагались впереди двора, другие были с правой стороны от дома и ворота, которые вели в заднюю часть двора. Летнее помещение для скота (калду) иногда помещали также в задней части двора [4, С.84-86].

Надворные постройки, где содержали домашний скот и птицу, делали из хвороста, заплетенного в плетень и обмазанного глиной, а иногда — из камня и самана, перемешанного с глиной. Следует отметить, что изнутри калду не обмазывали глиной. Камень в большом количестве брали из оврагов. Например, в с. Оркине недалеко от Караульной горы было место, которое называлось «Кевень-Кардас», т. е. Каменный двор. Отсюда мордва вывозила камни для своих построек [1, С.26]. Крыши построек покрывали соломой, пропитанной жидкой глиной или «в накидку» — снопами (в

кучи) [40, С.9]. Крыши хозяйственных построек имели односкатную и двускатную формы.

Подобные планировки были заменены во второй половине XIX в. двухрядной связью с покособразной застройкой: дом стоял на передней черте усадьбы окнами на улицу, а надворные постройки располагались в виде буквы «П», примыкая почти вплотную к жилому дому, сеням и клети. Это характерно для многих мордовских селений.

Во многих селах было принято строить глинобитные мазанки, которые, как и амбары, служили для хранения различной домашней утвари и запасов хлеба. Мазанки ставили обычно на улице перед домами на противоположной стороне проселочной дороги. Эти сооружения строились из сруба: нижние венцы рубились из дуба, а верхние — из смешанного леса. Пазы построек, как и у жилища, промазывали смесью глины с навозом и песком, а сверху белили белой глиной или мелом [40, С.9]. Из-за частых бедствий пристройки, главным образом амбары, выносили за селения, а мазанки и выходы оставляли на улице. Гумна выносили большей частью за село с той стороны, к которой примыкали пахотные угодья [4, С.82].

Перед домами у проезжих дорог или в проулках рыли погреба. В них летом хранили молоко и другие скоропортящиеся продукты. Над погребами сооружали погребицы, а иногда рыли во дворе специальные ямы для хранения картофеля.

Характерной хозяйственной постройкой была баня. Как правило, она располагалась в одном из дальних

углов усадьбы. Следует отметить, что в прошлом ее строили не в каждом доме, а одну на 5 — 10 семей. Бани у мордвы Петровского района, как правило, срубной постройки, с полом, потолком и стропильной крышей. Повсеместно распространена техника рубки «в чашу». К срубам бани пристраивался легкий дощатый предбанник.

По внутренней планировке бани подразделялись на несколько типов. Повсеместно распространен был средневеликорусский план, когда печь-каменка ставилась у двери, устье ее было обращено к боковой стене с окошком. Второй тип — западный вариант южновеликорусской планировки, в которой печь устраивалась в передней части бани, напротив двери, устьем в сторону боковой стены. Для согревания воды в печь вставлялся или вмазывался котел; в некоторых банях котла не было, и воду нагревали в чугунах, которые ставили близко к огню. За печкой располагался широкий помост, на котором парились. Для мытья предназначались лавки у задней и боковой стены. Свет проникал через низкое окно в боковой, противоположной печи стене. Чтобы вода не застаивалась на полу, его укладывали под легким уклоном в сторону полока. Бани обычно ставили подальше от жилья. Топились они «по-черному», так и «по-белому». Веники для бани готовились дубовые и березовые. Каждая семья заготавливала на год более 50 веников. По традициям мордвы, сначала в баню ходили мужчины, а затем женщины с детьми.

С баней у мордвы связано много поверий, обычаев и обрядов. Считали,

что там живет «банная женщина». Когда баню хотели использовать в лечебных целях, или кто заходил в баню первым, то к ней обращались за разрешением, верили как помогавшей от всех болезней. В с. Синенькие М. Т. Маркелов записал обряды, связанные с мытьем в бане:

Банная женщина (богиня) матушка
Спасибо за мытье и вытирание,
за купание и мазание, за легкий пар
[4, С.92].

После мытья ей оставляли кусочек мыла, веник и немного воды в ушате. При выходе из бани ее благодарили.

Баня была не просто обязательным гигиеническим требованием, но и частью народной медицины. Например, в бане лечили простудные, ревматические заболевания, проводили массаж при вывихах, растяжениях, при лечении гинекологических заболеваний и др.

Источником питьевой воды служили родники и колодцы. В Петровском районе зафиксировано два вида колодцев: колодец с крутящимся барабаном и колодец-журавль. Колодцев строили в тех местах, где меньше скапливалось талой воды, а также рядом с домами, когда не было поблизости водоемов. Для строительства колодцев повсеместно использовали разные породы деревьев, для верхних венцов обычно дуб. В целях безопасности и во избежание засорения колодезный сруб на несколько венцов выступал над землей, а над ним делали крышу. В населенных пунктах обычно были специалисты по рытью колодцев. Они же определяли место для их возведения. По словам информатора из с. Савкина М.Ф. Луконина, место под колодец

определяли следующим образом: в предполагаемое место втыкали ивовый прутик, если он «принимался» — место выбрано удачно [17].

Усадебный комплекс помимо хозяйственных помещений для хранения домашнего имущества, инвентаря и помещения для содержания скота, которые занимали значительное место включал постройки для хранения дров. Дрова хранили не только в помещении, но и на улице под навесом, причем для удобства их складывали в ряды.

Таким образом, обобщив результаты обследования мордовских

сел Петровского района, мы пришли к следующему выводу. Разнообразная природа, различные социальные, экономические и исторические условия способствовали созданию разных типов жилища, закрепленных на той или иной территории определенной местной этнической традицией. На развитие традиционного жилища большее влияние оказывали планировка и размеры селения, экономический и культурный уровень жизни, социальное положение и направление хозяйственной деятельности мордовских семей.

ЛИТЕРАТУРА

1. А. И. С.-Пезджав Песчанку, Оркино и Лох / А. И. С. // Саратовский сборник. Материалы для изучения Саратовской губернии.-Саратов, 1881.-С. 26.
2. Герасимов А. Мордва в Саратовской губернии / А. Герасимов // Саратовские губернские ведомости. 1854. № 8. С. 11.
3. Извлечение из историко-географического описания Озерской волости Саратовского уезда, составленного А.Н. Минхом // Шахматов А.А. Мордовский этнографический сборник. СПб., 1910. С. 690 — 694.
4. Маркелов М.Т. Саратовская мордва / М.Т. Маркелов. Саратов: «Издание мордовского подотдела Губернского отдела по делам национальностей при Саратовском губисполкоме», 1922.-238 с.
5. Мишкина И.Б. История села Новозахаркино-Петровск, 2005.
6. ПМА: Архипова Валентина Сергеевна, 1940 г. р., с. Синенькие, записи 2008 г.
7. ПМА: Байкина (Иргискина) Елена Михайловна, 1940 г. р., с. Оркино, записи 2008 г.
8. ПМА: Волкова Тамара Григорьевна, 1953 г. р., с. Синенькие, записи 2008 г.
9. ПМА: Дорофеева Анна Ермолаевна, 1929 г. р., с. Новозахаркино, зап. 2008 г.
10. ПМА: Дорофеев Владимир Анатольевич, 1931 г. р., с. Новозахаркино, записи 2008 г.
11. ПМА: Забуддаева Анастасия Ивановна, 1919 г. р. с. Оркино, записи 2008 г.
12. ПМА: Занкина Анастасия Яковлевна, 1936 г. р., с. Оркино, записи 2008 г.
13. ПМА: Исаева Ирина Викторовна, 1974 г. р., с. Синенькие, записи 2008 г.
14. ПМА: Климова Екатерина Павловна, 1928 г. р., с. Новозахаркино, записи 2008 г.
15. ПМА: Корсакова Александра Александровна, 1930 г. р., с. Савкино, зап. 2008 г.
16. ПМА: Лаврентьева Галина Трофимовна, 1942 г. р., с. Синенькие, записи 2008 г.
17. ПМА: Луконин Михаил Федорович, 1939 г. р., с. Савкино, записи 2008 г.
18. ПМА: Луконина Елизавета Ефимовна, 1939 г. р., с. Савкино, записи 2008 г.

19. ПМА: Луконина Таисия Даниловна, 1939 г. р., с. Савкино, записи 2008 г.
20. ПМА: Маркелова Раиса Васильевна, 1932 г. р., с. Новодубровка;
21. ПМА: Мигачева Анна Федоровна, 1939 г. р., с. Оркино, записи 2008 г.
22. ПМА: Мишкин Николай Иванович, 1932 г. р., с. Новозахаркино, зап. 2008 г.
23. ПМА: Неревяткин Анатолий Андреевич, 1955 г. р., с. Оркино, записи 2008 г.
24. ПМА: Парамонова Нина Максимовна, 1939 г. р., с. Синенькие, записи 2008 г.
25. ПМА: Плакина (Барышева) Мария Павловна, 1940 г. р., с. Колки, зап. 2008 г.
26. ПМА: Рябинина Любовь Викторовна, 1959 г. р., с. Синенькие, записи 2008 г.
27. ПМА: Садкова Надежда Васильевна, 1937 г. р., с. Савкино, записи 2008 г.
28. ПМА: Садкова Нина Кузьминична, 1940 г. р., с. Савкино, записи 2008 г.
29. ПМА: Слугин Иван Ильич, 1937 г. р., с. Синенькие, записи 2008 г.
30. ПМА: Слугина Галина Павловна, 1946 г. р., с. Синенькие, записи 2008 г.
31. ПМА: Учаева Мария Васильевна, 1928 г. р. с. Новодубровка, записи 2008 г.
32. ПМА: Учуськин Николай Иванович, 1937 г. р., с. Колки, записи 2008 г.
33. ПМА: Федоров Андрей Алексеевич, 1954 г. р., с. Оркино, записи 2008 г.
34. ПМА: Цаплин Михаил Иванович, 1934 г. р., с. Оркино, записи 2008 г.
35. ПМА: Цаплина Александра Андреевна, 1931 г. р., записи 2008 г.
36. ПМА: Цаплина Мария Ивановна, 1941 г. р., с. Оркино, записи 2008 г.
37. ПМА: Шишкина Ольга Николаевна, 1958 г. р., с. Новозахаркино, зап. 2008 г.
38. ПМА: Шнякина Нина Лаврентьевна, 1941 г. р., с. Оркино, записи 2008 г.
39. ПМА: Ынякина Нина Лаврентьевна, 1941 г. р., с. Оркино, записи 2008 г.
40. По Петровскому уезду (Из отчета об этнографической экспедиции в 1923 году) // Труды Общества истории, археологии и этнографии при Саратовском университете. Саратов, 1923. Вып. 34, ч. 1. С. 9.
41. Похозяйственная книга администрации Новозахаркинского поселения Петровского муниципального района на 1 января 2008 г.
42. Сборник статистических сведений по Саратовской губернии. С. 12 — 13.
43. Степанов П.Д. Саратовская мордва / П.Д. Степанов // Саратовский государственный областной музей. Б.г.: «Тип. Саризолятора», №4. 4 с.
44. Шахматов А.А. Мордовский этнографический сборник. С.-Петербург: «Типография императорской академии наук», 1910. 680 с.

Средне-Волжский филиал
Российской правовой академии Минюста РФ, г. Саранск

ТРАДИЦИИ И ЗДОРОВЬЕ СЕМЬИ НАРОДОВ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ: К ИСТОРИИ ВОПРОСА

Мордовия аумағын мекен ететін орыс, мордва және татар халықтарының материалдық және рухани мәдениетін тіршілікті қамтамасыз ету жүйесі арқылы этнографиялық тұрғыдан зерттеу халық тарихымен және оның денсаулығын сақтаудың дәстүрлі тәсілдерімен байланысты өзекті мәселелерді шешудің маңызды қайнар көзі. Тарихи тәжірибе көрсеткендей, тіршілікті қамтамасыз ету дәстүрлерін жасаңды түрде қирату нәтижесінде этникалық қауымның жойылуына әкеледі.

Ethnographic studying of material and spiritual culture of russian, mordvinians and tatars, on territory of Mordovia through a life-support system - an important source for the decision of the pressing questions connected with history of the people and its traditional ways of preservation of health. As shows historical experiment, artificial destruction of traditions of life-support, finally, conducts to disappearance of an ethnic generality.

В последние годы в России происходит быстрый процесс урбанизации населения, тогда как сельские жители были и остаются основными носителями традиционной культуры. Как показывает исторический опыт, искусственное разрушение традиций жизнеобеспечения, в конечном счете, ведет к исчезновению этнической общности. В связи с этим изучение системы жизнеобеспечения народов, проживающих на территории Мордовии, приобретает особую

актуальность. В современных условиях очень важно использовать опыт организации жилой среды, например при планировке поселений, проектировании и строительстве новых домов в сельской местности. Важно также учитывать народные традиции в приготовлении пищи, изготовлении одежды, обуви, в трудовой деятельности, семейных отношениях и межнациональных контактах. Изучение народной медицины как части системы жизнеобеспечения обусловлена тем, что она вобрала в себя многовековой

опыт человеческой деятельности, знания об окружающем мире. Становится очевидным, что вопросы сохранения жизни представителей любого этноса нельзя решать в отрыве от конкретной среды обитания и взаимосвязей между обществом и природой, от природно-климатических условий, материальной и духовной культуры, хозяйственной деятельности и других факторов жизнедеятельности (образа жизни, бытовых привычек, поведенческих причин, физической активности). Этнографическое изучение материальной и духовной культуры русских, мордвы и татар, на территории Мордовии через систему жизнеобеспечения - важный источник для решения актуальных вопросов, связанных с историей народа и его традиционных способов сохранения здоровья. Планомерное изучение культуры русского населения России ведется с XVIII в. Среди отечественных исследователей следует отметить И.М. Снегирева, А.М. Терещенко, И.В. Бертенсона, в работах которых содержится материал о природной среде, климате, традиционном питании, одежде, гигиене, обрядах жизненного цикла, народной медицине русских [27, 29,4].

Работы, касающиеся данной темы, появились в середине XIX в. В исследовании Н.В.Прозина содержатся сведения о свадебной пище русских Краснослободского уезда [22, С. 126-129]. Интересный материал о русских

Темниковского уезда содержится в исследовании П. П. Семенова-Тян-Шанского [25]. Автор отметил, что большинство русских крестьян занимались промыслами. Особенно было известно с. Полхов Майдан Теньгушевской волости, из которого деревянные изделия вывозились на продажу далеко за пределы уезда. Из числа работ начала XX в. следует отметить работу Б.А. Куфтина “Материальная культура русской мещеры”, в которой даётся описание традиционной русской женской одежды (рубахи, поневы, сарафана) Темниковского и Спасского уездов [14]. К. Э. Бломквист описал жилища русских Инсарского, Наровчатского, Спасского уездов. Автор указал, что для данных местностей были характерны жилища с низким фундаментом без подклети [5, С. 37-39].

Среди работ послевоенного времени следует отметить публикацию Г.С.Масловой “Народная одежда русских, украинцев, белорусов” [16, С. 122-156], в которой сделан сравнительный анализ комплекса одежды русских селений Березово, Веденяпино, Такушево Теньгушевского района и русских, проживавших в Рязанской области. Здесь же приводятся сведения о жилищах русских Темниковского района. В коллективной монографии “Русские: историко-этнографический атлас” обобщен огромный материал о хозяйстве, жилище, одежде русских

крестьян конца XIX - начала XX в. [24].

Особое внимание исследователи уделяли изучению одежды русских.

Е. П. Бусыгин описал одежду русского населения северной части Среднего Поволжья [6]. Особенности верхней одежды мордовского и русского населения Теньгушевского района показаны в монографии В.Н. Белицер. Автор выделила в одежде общие и отличительные черты [2: 3, С. 161-191]. Из числа авторов, занимавшихся обрядовой стороной жизни русского населения Мордовии, следует отметить Т.П. Федянович. Она детально исследовала семейные обряды мордвы (свадебные обряды и обряды, связанные с рождением ребенка), в сопоставлении с аналогичными обрядами русских [30].

Праздникам славян, верованиям, суевериям и приметам посвящены главы в монографии Ю. Ф. Козлова “Быт и нравы России”, где на большом архивном материале отслеживается преемственность и трансформация культуры русского народа. Изучение русского народа ведется учеными и на региональном уровне. Несмотря на то, что со времени образования мордовской автономии приоритет в этнографических исследованиях отдавался изучению мордовского этноса, исследователи так же рассматривали различные аспекты материальной и духовной культуры русских, проживающих на территории

мордовского края. В 1970-е гг. вышли работы, в которых был проведен сравнительный анализ традиционной культуры населения Мордовии (русских, мордвы, татар). В работе И. И. Фирстова подробно описаны промыслы русских крестьян всех уездов Мордовии [31, С. 163-170.]. Из региональных исследований, затрагивающих обозначенную нами проблему, следует выделить работы А. С. Лузгина [15]. Изучением отдельных аспектов духовной культуры русского населения Мордовии занимались В. А. Балашов [1, С.145 - 162.]. В статьях Н. В. Шилова “Культурно-бытовые процессы в мордовском селе и преодоление религиозных пережитков”, “Русское население в Мордовии” рассматриваются место и роль религиозных праздников, гражданских и семейно-бытовых обрядов в культурно-бытовых процессах по территории Мордовии [33, С. 145-162.]. Систему жизнеобеспечения русского населения Мордовии рассматривала в своих публикациях С. Г. Мордасова [19]. В последнее время активизировалась работа по изучению традиционной культуры русского народа Республики Мордовия. Жилище и хозяйственные постройки русских нашли отражение в статье Е.А.Кирилловой. Вопросам традиционной пищи русских посвящена статья С.В. Поповой “Культура традиционного питания русских, проживающих в Республике Мордовия”. Роль крестьянской одежды

русского населения в семейных и occasionalных обрядах изучалась В. В. Ковалевой [11, 12, 21].

Изучение культуры мордовского народа, как материальной, так и духовной, имеет длительную историю. М. Е. Евсевьевым был собран богатый материал по устно-поэтическому творчеству мордвы (сказки, поговорки, пословицы, причитания), описан свадебный обряд. В другой статье М. Е. Евсевьев “Братчины и другие религиозные обряды мордвы Пензенской губернии” детально описал весь цикл праздников и обрядов, справлявшихся мордвой Пензенской губернии на протяжении года. Из числа работ конца XIX в. следует отметить историко-этнографические очерки И. Н. Смирнова “Мордва”. В течение многих лет В. Н. Белицер совместно с фольклористами, языковедами, этнографами Мордовии выезжала в Мордовию, Башкирию, Татарию, Чувашию, Нижегородскую и Пензенскую области с целью сбора этнографического материала о проживавшей там мордве. По итогам этих экспедиций были опубликованы монографии, статьи, в которых по существу впервые обстоятельно, с привлечением новых полевых материалов рассматриваются вопросы расселения (В. И. Козлов), пища и утварь (Е. И. Динес), поселения и жилища (В. Н. Белицер), обрядность (Т. П. Федянович). Начиная с середины 1950-х г. изучением мордовского

населения стали заниматься и местные исследователи: Н. П. Макушин, В. П. Ежова, В. Ф. Вавилин, В. Ф. Разживин и др. [7, 9, 10, 18]. В сфере научных интересов Л. И. Никоновой входят проблемы этномедицины, этнопсихологии, традиционная система жизнеобеспечения финно-угорских и тюркских народов Поволжья и Приуралья. Приоритетными являются и исследования по традиционной материальной и духовной культуре мордвы, проживающей как на территории Республики Мордовия, так и за ее пределами. Ее работы: “Тайны мордовского целительства”, “Традиционная медицина финно-угорских народов Поволжья и Приуралья как система жизнеобеспечения”, “Баня в системе жизнеобеспечения народов Поволжья и Приуралья”, “Как лечились народы Поволжья и Приуралья” и др.

Татарский этнос, обладающий самобытной и яркой культурой, издавна привлекал к себе внимание исследователей. Степень изученности проблемы мишарского населения различна. Практически все основные работы XIX - первой половины XX вв. касались вопросов их происхождения и этнической истории. Эти публикации носят различный характер - исторический, этнографический, фольклорный и т.д. Издания конца XIX в. посвящены вопросам переселений и расселений татар-мишарей, изучению этнокультурных

традиций в промысловой и хозяйственной деятельности, культуре. В.К. Магницкий в работе “Несколько данных о мишарях и их селениях” описал культуру казанских, карсунских и буинских татар, а также выявил отличия по языку, внешнему виду, хозяйству, занятиям, одежде мишарей с. Ломаты Ардатовского уезда (ныне Дубенского района) от казанских татар [17, С.245-257]. Наиболее значительным и обстоятельным исследованием является монография Р.Г. Мухамедовой “Татары-мишари” [20], где подробно описана одежда татар, в том числе и татар, проживающих в Республике Мордовия. Обширный материал по исследуемой проблеме обобщен в коллективной монографии “Татары Среднего Поволжья и Приуралья” [28]. В ней подробно описываются традиционное жилище, хозяйственные постройки, пища, утварь, одежда, семейные обряды татар-мишарей, в том числе и проживающих на территории Мордовии. В татаро-мишарской свадьбе рассматриваются кулаткинский и темниковский варианты свадьбы, праздники. Проанализированы функциональные особенности культа предков и верований татар-мишарей. Вопросы традиционной медицины в данной работе освещаются мало. Немалый вклад в изучение культуры татар-мишарей внесла С. Шарипова. В книге “Тайны здоровья” наиболее интересной для нас является глава “Культура питания”, в которой автор

приводит материал о запретах и рекомендациях в употреблении пищи, определенные Кораном. Одной из наиболее значительных работ по данной теме является вышедшая в 2001 г. коллективная монография “Татары”. В ней приводятся сведения о материальной и духовной культуре, расселении и демографии темниковской и лямбирской этнографических групп мишарей. Динамика численности по данным ревизий, семейная структура и происхождение татар-мишарей рассматривалась В. Н. Семиной “Динамика численности татарского населения Мордовии в первой половине XIX века”, “Численность и расселение татар-мишарей на территории Мордовии по данным VII ревизии (1816 г.)”, “Происхождение татар-мишарей [26, С. 148-149.]. Основные точки зрения”, “Семейная структура татар-мишарей Мордовии в начале XIX в.”. Свадебные обряды татар-мишарей Мордовии отражены в публикациях М. М. Акашкина “Современные татарские свадебные обряды”, “Традиционные свадебные обряды мордвы и татар-мишарей Республики Мордовия (общность и специфика)”, “О некоторых традиционных свадебных обрядах татар-мишарей и мордвы”, “Свадебные персонажи мордвы и татар (сравнительный анализ)”, “Татаронь свадьбась Лямбирень аймакса” / “Татарская свадьба Лямбирского района”, в которых автор рассматривает общие и отличительные

черты мордовской и татарской свадеб, подробно описывает свадьбу в Лямбирском районе Мордовии, а также основных участников свадебной церемонии. Система жизнеобеспечения татар-мишарей Республики Мордовия отражена в публикациях Л. Н. Щанкиной. Культуре питания татар-мишарей Мордовии посвящены публикации Н. Н. Габитовой “Питание татар-мишарей в системе их жизнеобеспечения”, “Культура питания как основа здорового образа жизни” и др., в которых автором отмечается своеобразие мишарской кухни [8, С. 23-39; 32, С. 83-86].

Таким образом, одним из основных направлений в этнологической

науке сегодня является сохранение и развитие богатейшего культурного наследия, оставленного нашими предками - мордвой, русскими, татарами и другими народами, населяющими нашу республику. Исследования учёных, архивные данные имеют в себе материал, который редко рассматривается с позиции традиционных способов сохранения здоровья. Эти знания, на наш взгляд, будут интересны и полезны для учащихся школ. Традиции, семья - являются основными хранителями культуры любого народа и в них можно почерпнуть многое, исследуя их в этом направлении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балашов В. А. Русское население в Мордовии / В.А. Балашов, Н.В. Шилов // РЭ. 1993. 2. С.145 - 162.

2. Белицер В. Н. Народная одежда мордвы. М., 1973.

3. Белицер В. Н. Жилые и хозяйственные постройки мордвы-мокши на территории Мордовской АССР в конце XIX - первой половине XX в. / В.Н. Белицер // Исследования по материальной культуре мордовского народа. М., 1963. С. 161-191.

4. Бертенсон И. В. Гигиеническая сторона крестьянского вопроса. М., 1858;

5. Бломквист К. Э. Общие черты в крестьянском жилище русских и украинцев // СЭ. 1954. 4. С. 37-39.

6. Бусыгин Е. П. Русское сельское население Среднего Поволжья. Казань, 1966.

7. Вавилин В. Ф. Мордовское народное зодчество / В.Ф. Вавилин. Саранск, 1980.

8. Габитова Н. Н. Питание татар-мишарей в системе их жизнеобеспечения // Информационный бюллетень Ассоциации этнографов и антропологов России. Саранск, 2005. 1 (3). С. 23-39.

9. Ежова В. П. Этнографическая характеристика одежды мордовского населения Теньгушевского района МАССР / В.П. Ежова // Ученые записки МГПИ им. Полежаева. - Вып. 4. Саранск, 1956. С. 138-154.

10. Динес Е. И. Традиционная пища и домашняя утварь мордвы // Исследования по материальной культуре мордовского народа. М., 1963. С. 104-126.

11. Кириллова Е. А. Традиционное жилище русских Мордовии / VII конгресс этнологов и антропологов России. Доклады и выступления // Е. А. Кириллова. Саранск, 2007.

12. Ковалева В. В. Роль крестьянской одежды русских мордовского края в семейных и окказиональных обрядах / Этнокультурное образование: опыт и перспективы. Материалы Межрегиональной

научно-практической конференции // В. В. Ковалева. Саранск, 2008.

13. Козлов В. И. Расселение мордвы (Исторический очерк) / В.И. Козлов // Вопросы этнической истории мордовского народа / Труды морд. этнограф. экспедиции. М., 1960. Вып.1. С. 5-62.

14. Куфтин Б. А. Материальная культура русской мещеры. М., 1926.

15. Лузгин А. С. Современное жилище русского сельского населения Мордовской АССР. Саранск, 1982.

16. Маслова Г. С. Народная одежда русских, украинцев, белорусов // Восточнославянский сборник. М., 1956. С. 122-156.

17. Магницкий В. К. Несколько данных о мишарях и их селениях // ИОАИЭ. Казань, 1896. Т. XIII. Вып. 4. С. 245-257.

18. Макушин Н. П. Поселения мордвы на территории Мордовской АССР / Н.П. Макушин // Исследования по материальной культуре мордовского народа. М., 1963. С. 147-160.

19. Мордасова С. Г. Традиционные биологические средства лечения русских на территории Республики Мордовия // Информационный бюллетень Ассоциации этнографов и антропологов России. Саранск, 2003. 2 (2). С. 10-16 и др.

20. Мухамедова Р. Г. Татары-мишари. М., 1972.

21. Попова С. В. Культура традиционного питания русских, проживающих в Республике Мордовия / VII конгресс этнологов и антропологов России. Доклады и выступления // С. В. Попова. Саранск, 2007.

22. Прозин Н. В. Город Краснослободск и Краснослободский уезд // Памятная книжка Пензенской губернии за 1865, 1866, 1867 гг. Пенза, 1868. С. 126-129.

23. Разживин В. Ф. Этнодемографические процессы в Мордовии: Автореферат кандидатской диссертации. Саранск, 1984.

24. Русские: историко-этнографический атлас. М., 1967.

25. Семенов-Тянь-Шанский П. П. Географико-статистический словарь Российской империи. Спб., 1885.

26. Семина В. Н. Динамика численности татарского населения Мордовии в первой половине XIX века // История, образование и культура народов Среднего Поволжья. Материалы Всеросс. науч.-практ. конф. Саранск, 1997. С. 148-149.

27. Снегирев И. М. Русские простонародные праздники и суеверные обряды. М., 1839.

28. Спицина О. В. Обычное право русских в Республике Мордовия / VII конгресс этнологов и антропологов России. Доклады и выступления // О. В. Спицина. Саранск, 2007.

29. Татары Среднего Поволжья и Приуралья. М., 1967.

30. Терещенко А. М. Быт русского народа. М., 1848.

31. Федянович Т. П. Свадебные обряды русских и мордвы Мордовской АССР (сравнительная характеристика) / Этнокультурные процессы в Мордовии // Т. П. Федянович. Саранск, 1982.

32. Фирстов И. И. Рогожно-кулевой промысел в пореформенной Мордовии (1861-1917 гг.) // Материалы по археологии и этнографии Мордовии: Тр. МНИИЯЛИЭ. Саранск, 1974. С. 163-170.

33. Щанкина Л. Н. Этнокультурные традиции мордвы и татар Поволжья и Приуралья в системе их жизнеобеспечения (историографический обзор) // Роль науки в социально-экономическом развитии Республики Мордовия: Материалы республиканской научно-практической конференции, посвященной 70-летию НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2003. С. 83-86.

34. Шилов Н. В. Культурно-бытовые процессы в мордовском селе и преодоление религиозных пережитков // Библиотека Российского этнографа: Сб. статей. М., 1993. 2. С. 145-162.

НАШИ АВТОРЫ

Абдрахманов Бауржан Нариманович – к.и.н., доцент кафедры истории, археологии и этнологии, Павлодарский государственный университет им. С.Торайгырова.

Абеуова Енлик Кабыкенкызы – магистрант, Павлодарский государственный педагогический институт.

Абиль Еркин Аманжолулы – д.и.н., профессор Костанайского государственного педагогического института, г. Костанай.

Алиясова Валентина Нурмагамбетовна – кандидат культурологии, старший преподаватель кафедры общей биологии, Павлодарский государственный педагогический институт.

Валиханов Чокан Чингисович (1835-1865) – выдающийся казахский ученый-просветитель, ориенталист, этнограф и фольклорист, географ и путешественник.

Жаксыбаев Серик Имантаевич – к.э.н., профессор, краевед-исследователь, почетный гражданин г. Экибастуза.

Жумашова Аклима Абдуллакызы – к.и.н., заведующая отделом этнографии Отырауского государственного археологического заповедника-музея, Отырауский район, п. Шаулдир.

Ерманов Аскар Жуманазарович – к.и.н., доцент кафедры истории, археологии и этнологии, Павлодарский государственный университет им. С.Торайгырова.

Кандрина Ирина Алексеевна – к.и.н., старший преподаватель Средне-Волжского филиала Российской правовой Академии Минюста РФ, г. Саранск, Россия.

Качановская Мария – магистрант, Павлодарский государственный университет им. С.Торайгырова.

Кильдюшева Алина Анатольевна – кандидат культурологии, ученый секретарь Омского государственного историко-краеведческого музея, Россия.

Кузембаев Нуркен Ерболович – к.и.н., доцент кафедры истории, археологии и этнологии, Павлодарский государственный университет им. С.Торайгырова,

Мамытова Сауле Насеновна – заведующая кафедрой истории, археологии и этнологии, к.и.н., доцент. Павлодарский государственный университет им. С.Торайгырова.

Махалов Сергей Анатольевич – аспирант отдела археологии и этнографии Научно-исследовательского института гуманитарных наук при правительстве Республики Мордовия, г. Саранск, Россия.

Рахимжанова Саулж – магистрант, Павлодарский государственный университет им. С.Торайгырова.

Рахимов Ернур Кеңдибаевич – к.и.н. РФ, старший преподаватель кафедры истории, археологии и этнологии, Павлодарский государственный университет им. С.Торайгырова.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

1. В журналы принимаются статьи по всем научным направлениям в 1 экземпляре, набранные на компьютере, напечатанные на одной стороне листа с межстрочным интервалом 1,5, с полями 30 мм со всех сторон листа, название статьи: кегль - 14 пунктов и дискета со всеми материалами в текстовом редакторе “Word 7,0 (‘97, 2000) для WINDOWS”.

2. Общий объем статьи, включая аннотацию, литературу, таблицы и рисунки, не должен превышать 8-10 страниц.

3. Статья должна сопровождаться рецензией доктора или кандидата наук для авторов, не имеющих ученой степени.

Статьи должны быть оформлены в строгом соответствии со следующими правилами:

1. УДК по таблицам универсальной десятичной классификации;

2. название статьи - на казахском, русском и английском языках, заглавными буквами жирным шрифтом, абзац центrovанный;

3. инициалы и фамилия (-и) автора(-ов), полное название учреждения;

4. резюме на казахском, русском и английском языках: кегль - 10 пунктов, курсив, отступ слева-справа — 1 см, интервал 1,0; для Вестников химико

–биологической серии требуется также экспертное заключение;

5. текст статьи: кегль - 12 пунктов, гарнитура - Times Nev Roman (для русского, английского и немецкого языков), KZ Times Nev Roman (для казахского языка).

6. межстрочный интервал 1,5 (полуторный);

7. список использованной литературы (ссылки и примечания в статье обозначаются сквозной нумерацией и заключаются в квадратные скобки). Список литературы должен быть оформлен в соответствии с ГОСТ 7.1-84.- например:

ЛИТЕРАТУРА

1. Автор. Название статьи // Название журнала. Год издания. Том (например, Т.26.) номер (например, № 3.). - страница (например С. 34. или С. 15-24.)

2. Андреева С.А. Название книги. - Место издания (например, М.:) Издательство (например, Наука,) год издания. - Общее число страниц в книге (например, 239 с.) или конкретная страница (например, С. 67.)

На отдельной странице

В бумажном и электронном варианте приводятся **сведения об авторе:** - Ф.И.О. полностью, ученая степень и ученое звание, место работы (для публикации в разделе «Наши авторы»);

- полные почтовые адреса, номера служебного и домашнего телефонов, E-mail (для связи редакции с авторами, не публикуются);

- название статьи и фамилия (-и) автора(-ов) на казахском, русском и английском языках (для «Содержания»).

1. Иллюстрации. Перечень рисунков и подрисовочные надписи к ним

представляют по тексту статьи.

В электронной версии рисунки и иллюстрации

представляются в формате TIF или JPG с разрешением не менее 300 dpi.

2. Математические формулы должны быть набраны как Microsoft Equation (каждая формула - один объект).

3. Автор просматривает и визирует гранки статьи и несет ответственность за содержание статьи.

4. Редакция не занимается литературной и стилистической обработкой статьи. Рукописи, диски и дискеты не возвращаются. Статьи, оформленные с нарушением требований, к публикации не принимаются и возвращаются авторам.

5. Оплата за публикацию в Вестнике составляет 5000 (Пять тысяч) тенге.

6. Статью (бумажная, электронная версии, оригинал квитанции об оплате) следует направлять по адресу:

140008, Казахстан, г. Павлодар, ул. Ломова, 64, Павлодарский государственный университет им. С. Торайгырова, Издательство «Кереку», каб. 137

Тел. 8 (718-2) 67-36-69, (внутр. 147; 183) факс: 8 (718-2) 67-37-02.

E-mail: publish@psu.kz

Наши реквизиты:

Р Г К П Павлодарский
государственный университет
им. С. Торайгырова

РНН 451 800 030 073

БИН 990 140 004 654

АО«Цеснабанк»

ИИК 57998FTB0000003310

БИК T S E S K Z K A

Код сектора экономики – 6

Признак резиденства -1

АВТОРЛАРҒА АРНАЛҒАН ЕРЕЖЕ

1. Журналға мақала қолжазбасының 2 данасы қабылданады. Қолжазба парақтың бір жағында, бет жан - жағынан 3 см, 1.5 интервалмен компьютерде терілуі қажет және аталған материал түгелдей «WORD 7.0 (97.2000) Windows үшін» (кегль – 12 пункт, гарнитура – Times New Roman/ KZ Times New Roman) редакторымен өңделген дискетті нұсқасымен қоса қабылданады.

2. Мақалаға авторлардың барлығы жазылады. Қолжазба көлемі аннотация (аңдатпа), әдебиеттер тізімі, кесте, суреттерді қоса есептегенде 8-10 беттен аспауы қажет.

3. Ғылыми дәрежесі жоқ авторлардың мақалалары ғылым докторы немесе ғылым кандидатының рецензиясымен қабылданады.

4. Мақалалар төмендегі ережелерге сәйкес рәсімделуі шарт:

- УДК нөмірі әмбебап ондық жіктелу кестесі бойынша жазылады;

- мақала аты: жол ортасында айқын бас әріптермен – кегль – 14 пункт, гарнитура – Times New Roman Суг (орыс, ағылшын, неміс тілдері үшін), KZ Times New Roman (қазақ тілі үшін) жазылады;

- автордың аты-жөні, мекеменің толық атауы: жол ортасында – кегль-12 пункт, гарнитура – Arial (орыс, ағылшын және неміс тілдері үшін), KZ Arial (қазақ тілі үшін) жазылады;

- аннотация қазақ, орыс және ағылшын тілдеріне: кегль -10 пункт, гарнитура – Times New Roman (орыс, ағылшын және неміс тілдері үшін), KZ Times New Roman (қазақ тілі үшін), курсив, оң және сол жақтары 1 см, бір жол аралық интервалмен жазылады;

- мақала мәтіні: кегль – 12 пункт, гарнитура – Times New Roman (орыс, ағылшын және неміс тілдері үшін), KZ Times New Roman (қазақ тілі үшін), 1.5 жол аралық интервалмен жазылады;

- пайдаланылған әдебиеттер тізімі (қолжазбадағы сілтеме мен ескертпелер төрт бұрышты жақша ішінде көшіріледі). Әдебиеттер тізімі ГОСТ 7.1-84 сәйкес көрсетіледі. Мысалы:

ӘДЕБИЕТТЕР

1. Автор. Мақала аты II журнал аты. Шыққан жылы. Томы (мысалы, Т. 26.). – нөмірі (мысалы, №23) бет (мысалы 34 б. Немесе 15-24 бб.)

2. Андреева С.А. Кітаптың аты. Шыққан жері (мысалы, М.:) Баспа (мысалы, Наука) шыққан жылы. Кітаптың жалпы бетінің саны (мысал, 239 б) немесе нақты беті (мысалы, 67 б.).

3. Петров И.И. Диссертацияның аты: биолог. ғыл. канд. дис. – М.: институт аты, жылы. – бет саны.

4. С. Christophouts, The transmission – Line Modelling (TML) Method, Piscataway, NJ: IEEE Press, 1995.

5. **Бөлек бетте (қазақ және электронды түрде) автор жөнінде мәліметтер беріледі:**

- аты-жөні толығымен, ғылыми дәрежесі мен ғылыми атағы, жұмыс орны («Біздің авторлар» бөліміне жариялау үшін);

- почталық мекен – жайлары (толығымен), жұмыс және үй телефондарының нөмірі. E-mail (редакцияның авторлармен байланыс жасау үшін, жарияланбайды);

- мақаланың аты және автордың аты-жөні **қазақ, орыс, ағылшын тілдерінде** («Мазмұны» үшін)

6. Иллюстрациялар. Сурет тізімі мен суреттің жазбалары жеке беріледі де, мақаланың жалпы мәтініне енгізілмейді. Әр суреттің артқы бетінде нөмірі, аты, автордың аты-жөні, мақаланың аты көрсетілуі тиіс. Дискеттегі суреттер мен иллюстрациялар 300 dpi дейін TIF немесе JPG форматымен беріледі (файлдардың аты «1-сур.», «3-сур» т. б.)

7. Математикалық формулалар Microsoft Equation (әр формула – бір объект) бойынша теріледі. Сілтемесі бар формулалар ғана нөмірленеді.

8. Автор мақаланың әдеби және стилистикалық өңдеуімен айналыспайды. Қолжазба және дискеттер қайтарылмайды. Талапқа сәйкес ресімделмеген мақалалар қабылданбайды және авторларға қайтарылады.

9. Редакция мақаланың әдеби және стилистикалық өңдеуі мен айналыспайды. Қолжазба және дискеттер қайтарылмайды. Талапқа сәйкес ресімделмеген мақалалар қабылданбайды және авторларға қайтарылады.

10. Қолжазба мен дискетті материалдарымен мына мекен - жайға жіберуге болады:

140008, Қазақстан республикасы, Павлодар қаласы, Ломов көшесі, 64,

С. Торағыров атындағы Павлодар мемлекеттік университеті, «КЕРЕКУ» баспасы

Тел. (718-2) 67-36-69

E-mail: publish@psu.kz

Теруге 01. 12. 2010 ж. жіберілді. Басуға 25. 12. 2010 ж.
қол қойылды. Форматы 197x420/2. Кітап-журнал қағазы.

Көлемі 6,78 шартты б.т. Таралымы 300 дана.

Бағасы келісім бойынша.

Компьютерде беттеген Ә.С. Қылышпаева
Корректорлар: Б.Б. Әубәкірова, Б.В. Нұрғожина
Тапсырыс № 1490

Сдано в набор 01.12.2010 г. Подписано в печать 25.12.2010 г.

Формат 197x420/2. Бумага книжно-журнальная.

Объем 6,78 уч.-изд. л. Тираж 300 экз. Цена договорная.

Компьютерная верстка А.С. Кылышпаева
Корректоры: Б.Б. Аубакирова, Б.В. Нургожина
Заказ № 1490

Издательство «КЕРЕКУ»

Павлодарского государственного университета
им. С.Торайгырова

140008, г. Павлодар, ул. Ломова, 64